

КРАТКАЯ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КИЗИР-КАЗЫРСКОГО РАЙОНА

ККР занимает восточную часть Саяно-Алтайской горной системы. Он включает в себя бассейны рек Кизира и Казыра и прилегающие к ним горные массивы (рис. 1). Район протянулся узкой трехсоткилометровой полосой в широтном направлении от окраины Минусинской котловины к центру стыка Восточного и Западного Саяна. Он естественно ограничен с севера Канским Белогорьем (2256 м над уровнем моря) и отходящим от него к западу Шиндинским хребтом (1718 м), а с юга – хребтом Ергак-Таргак-Тайга (высота до 2570 м) и его отрогами – Шандынским и Хайдынским хребтами (1920–2238 м). Восточной границей ККР являются Агульские белки с узлами высот до 3000 м, на западе же район завершается широким выходом в Минусинскую котловину (300–400 м над уровнем моря, около 200 м над уровнем Енисея). Общая площадь района составляет около 20 тыс. км².

Рельеф в ККР имеет четко выраженное «ярусное» распределение. В самом верхнем ярусе (от 1500 до 2922 м над уровнем моря) господствует типичный альпийский высокогорный рельеф, для которого характерны узкие гребни с крутопадающими склонами, острые пики, глубокие кары, а также горные плато – т. н. древние поверхности выравнивания. Ниже расположен среднегорный рельеф (от 700 до 1500 м над уровнем моря), лежащий в полосе горной тайги, но иногда поднимающийся и над верхней границей леса. Здесь горы носят сглаженный характер. Из-за доминирующего типа растительности – слоевищ лишайников – они кажутся светлыми, почти белыми, отчего называются «белками». Между хребтами – узкие речные долины с крутыми скалистыми склонами. Нижний ярус ландшафта ККР имеет низкогорный рельеф (до 700 м над уровнем моря) с невысокими сопками и большими безлесными участками, плавно переходящими в остепненную холмистую долину р. Тубы.

От Агульских белков на запад протянулся хребет Крыжина, являющийся границей водораздела Кизира и Казыра. Его наивысшие точки – белки Базыбай (1882 м) и Козя (1819 м), пики Фигуристый (2591 м), Грандиозный (2922 м) и Эдельштейна (2649 м) – довольно высоко поднимаются над лесным пределом. По мере приближения к Минусинской котловине горы начинают понижаться: высокогорная область с гольцами сменяется среднегорной, где хребты более спокойны, а горные ручьи, состоящие из сплошных порогов, сменяются горными реками довольно значительной величины. В низовьях Казыра и Кизира ландшафт переходит в низкогорный, высота водораздела между ними не превышает 1000 м.

Климат региона резко континентальный и существенно изменяется в зависимости от высоты и характера рельефа. Так, в высокогорной области выпадает наибольшее количество осадков. Там наиболее короткое лето с низкой температурой и длительная зима, тогда как в наиболее пониженной части наименьшее количество осадков, а лето жаркое и более длинное. Различия температур и влажности на северных и южных склонах хребтов и в межгорных котловинах велико. Средняя температура июля в горах около +10...+12 °С, а в межгорных котловинах – от +17 до +20 °С при абсолютном максимуме до +40 °С. Зимой в среднегорном поясе почти всегда теплее, чем в котловинах и глубоких долинах.

Средняя температура января на склонах гор – около -20 °С, а в котловинах – -30° мороза при абсолютном минимуме до -50 °С.

Распределение снежного покрова неравномерно. В долинах рек высокогорного пояса и, отчасти, в среднегорном поясе он достигает 1,5–2,5 м. На выровненных водоразделах он гораздо меньше, а в межгорных котловинах всего 10–30 см. Всего за год здесь выпадает около 1200 мм осадков. Самые дождливые месяцы – июль и август, самый сухой – февраль.

Растительность ККР контрастна и имеет ярко выраженную вертикальную поясность. Низкогорные области заняты поясом светлохвойных (сосна, кедр, пихта) и лиственных (береза, осина) лесов, с запада обрамленных полосой ландшафтов сосново-березовой лесостепи Минусинской котловины. В среднем ярусе в бассейне Казыра господствует светлохвойная тайга с травяным покровом и густым подлеском, переходящая у верхней границы леса в кедровое и лиственничное редколесье. Для Кизира более характерна зеленая тайга с преобладанием березы, осины, ели и кедра. Верхнюю границу леса на высоте от 1500 до 2000 м образуют светлые лиственнично-кедровые леса. Высокогорные ландшафты – т. н. гольцовую зону – отличает господство кустарниковой и мохово-лишайниковой тундры, чередующейся с островками альпийских лугов и почти лишенными растительности обширными каменными россыпями.

В 1739 г. Г. Ф. Миллер зафиксировал границу тайги в ККР. На Казыре она проходила по р. Кызыл-чуль, в 20 верстах ниже устья р. Таят. На Кизире тайга начиналась от р. Майма, впадающей в Кизир в 6 верстах выше р. Имисс (Миллер, 1996, с. 159–160). Хозяйственная деятельность человека впоследствии сильно изменила характер растительного покрова в среднем и нижнем течении Кизира и Казыра. Интенсивная вырубка тайги и расчистка площадей под пашни и покосы привели к появлению обширных безлесных участков, занятых луговым высокотравьем и прорезаемых заболоченными, заросшими кустарником логами. Смыкаясь с предгорной лесостепью долины р. Тубы, они воспринимаются сегодня как ее естественное продолжение.

Водные ресурсы. В бассейнах Кизира и Казыра насчитывается свыше 200 озер, крупнейшие из которых – Можарское, Тиберкуль, Тагасук и система Тридцатых озер. Большинство их имеет ледниковое и тектоническое происхождение. Реки преимущественно небольшие, быстрые и холодные (летняя температура воды – около 10 °С). Льдом они покрываются к концу октября – началу ноября. Характерно промерзание мелких речек до самого дна и широкое развитие наледей. Иные же, из-за большой скорости своего течения, не замерзают вовсе. Вскрытие льда происходит в конце апреля – начале мая и сопровождается обильными паводками с превышением межевого уровня воды на 3–5 м, а в отдельные годы – до 15 м.

Основными водными магистралями являются реки Казыр и Кизир. Казыр (хак. Хазыр-суг, Хазыр-Үпсү – от «хазыр» – жестокий, сильный, злой, суровый; другое название – Боло) берет свое начало в Тофаларии (Иркутская обл.) на северном склоне горы Таскин (около 2800 м над уровнем моря). Его длина до слияния с Амылом 388 км. Верхнее течение изобилует шиверами, перекатами и порогами. Ряд из них («Трубы», порог Кривой, «Щеки», «Ворота», Верхне-Китватский, Базыбайский) непроходимы для деревянных лодок и плотов. К слиянию с Кизиром и Амылом река приобретает характер равнинного водостока и становится судоходной.

Кизир (хак. Кизир-Үпсү, другое название – Удей) берет свое начало на отрогах Красного вала от озера Междуречное с высоты 1358 м и имеет протяженность 300 км при общей площади бассейна 9170 км². Кизир является правым притоком Казыра у его слияния с Амылом. В верховьях, до впадения ручья Березового, Кизир очень порожист, но дальше до Царь-переката течет медленно, одним руслом шириной в 60–80 м. Ниже по течению начинаются основные пороги Кизира, большинство из которых имеет цифровое наименование. Основными из них являются 3-й и 1-й, характеризующиеся большой мощностью и скоростью течения, глубокими пенными ямами и высокими стоячими валами до 1,5–2 м. После первого порога река вновь течет спокойно руслом шириной от 130 до 200 м и глубиной около 2 м.

Обе реки текут в западном направлении и лишь в нижнем течении почти одновременно поворачивают на юг. Казыр, пройдя Таятский участок, вновь поворачивает на ЗСЗ и вскоре после выхода из гор сливается с Кизиром.

Минеральные ресурсы. ККР территориально совпадает с системой Кизир-Казырского и Сисимского синклиналиев, богатой растворимыми породами (доломиты, известняки павловской свиты, залежи вторичных фосфоритов юрского возраста, мраморы кембрия, светлые мраморизированные известняки). Карстовые явления здесь выражены многообразно: суходола, поля воронок, останцы, выходы здесь выражены многообразно: суходола, поля воронок, останцы, простые гроты, источники, пещеры. Из пещер особо выделяются Лысанская, Китатская, Каратавская, Джебский лабиринт, Ключевой провал, Осиповская и Усть-Чибихекская.

ККР изобилует разнообразными полезными ископаемыми. Количество месторождений и рудопроявлений возрастает в восточном направлении и составляет многие сотни. Месторождения железа образуют полосу, вытянутую в северо-западном направлении на 330 км при ширине от 40 до 90 км. Выделяется три основных железорудных района. Два из них – Ирбинско-Краснокаменский и Кизирский – локализируются в бассейне Кизира; третий – Таят-Табратский – в бассейне р. Казыр (Сердюк, Забияка и др., 1998, с. 24). Рудные тела ряда месторождений залегают на небольшой глубине, либо даже выходят на дневную поверхность.

Месторождений меди в ККР известно мало. Самое крупное из них находится на левом берегу Кизира, недалеко от г. Изых. Зафиксированное содержание меди в его руде низкое – лишь немногим более 4% (Сунчугашев, 1975, с. 34).

По правому берегу р. Кизир и его северным притокам тянется полоса золотосодержащих районов. Интенсивная добыча россыпного и рудного золота в них началась с 1830-х гг. На прииске Спасо-Преображенском в 1898 г. был найден самородок весом 31 кг 570 г (второй по величине в России) и еще 10 самородков весом от 200 грамм до 15 кг.

Животный мир ККР представлен типичными представителями сибирской таежной фауны. Во всех ландшафтных зонах здесь встречается бурый медведь. В поясе тайги и смешанных лесов обитают марал, лось, косуля, кабарга, рысь, росомаха, заяц, белка, соболь, горноста, выдра и бобр. В поясе смешанных лесов встречаются волк и лисица, а выше границ леса – горный козел и северный олень. Из птиц промысловое значение имеют рябчик, глухарь и тетерев, а из рыб – таймень, ленок, хариус, сиг, омуль и налим.

Транспортные пути. В не столь отдаленном прошлом дорог в ККР было очень мало. Передвижение осуществлялось в основном по тропам и рекам. Характеризуя транспортную сеть ККР, А. Г. Вологдин писал в 1931 г.: «Кизир-Ка-

зырский район, вследствие порожистости его водных путей сообщения, густой затаеженности, значительных высот и сильной пересеченности его сложного горного рельефа, частой заболоченности в долинах и на склонах, иногда на перевалах и почти полного отсутствия троп, является одним из труднодоступных» (Вологдин, 1931, с. 5). С тех пор многое изменилось, но и в настоящее время Каточные окраины ККР с Минусинской водными магистралями, связывающими восходящие моторные лодки, на которых они перемещаются вверх-вниз по течению рек, вверх по течению на шестах, а вниз – самосплавом.

Зимой, покрывшись толстым слоем льда, русло рек превращается в хорошие санный путь, которым до настоящего времени пользуется население удаленных деревень.

Хребет Крыжина, разделяющий Кизир и Казыр, затрудняет переход из долины одной реки в другую. В верховьях рек можно перейти по Перевальной седловине, расположенной между истоками рек Долгий Ключ и Правый Базыбай; в среднем течении – в районе озер Тиберкуль – Можарское – Тагасух и в низовьях – по линии р. Верхняя Мульга – р. Можарка или в обход горы Кара-Тайга (1071 м), расположенной близ устья Кизира.

С верховьев Кизира и Казыра возможны конные и пешие переходы в удаленные районы Саян и Присаянья. Так, из поселка Верхняя Гутара – административного центра Тофаларии – пролегает старинная охотничья и скотопрогонная тропа протяженностью 63 км по маршруту Гутара – Иденский перевал (высота 1623 м над уровнем моря) – Прямой Казыр. В свою очередь из Верхней Гутары есть прямой выход к верховьям р. Уды и конная тропа на Нижнеудинск и в Бурятию – в Тункинскую котловину. В верховьях Казыра есть также старая конная и пешая тропа до Бий-Хема (Тува) через перевалы хребта Ергак-Таргак-Тайга, а от верховий Кизира имеется возможность прямого выхода на Канское белогорье и в верховье р. Кан.

ОПИСАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ККР

На территории ККР открыты немногочисленные разновременные памятники поселенческого, производственного, культового и погребального назначения. Поселения представлены кратковременными стоянками (Таяты V, Устье Можарки, Жаровск, Убинское озеро, Верхняя Мульга II), сезонными стоянками (Тюхки, Жаровск, Убинское озеро, Верхняя Мульга II), стационарными поселениями (Таяты II, Таяты III, Таяты IV). К памятникам производственного назначения относятся древние выработки железных руд и железоплавильни. Культовые памятники представлены жертвенными местами (скальный «бык» Каменушка, Каратавская пещера), писаницей у дер. Жербатихи и, по-видимому, скальной нишей в верховьях Казыра.

Ранние поселения, существовавшие от эпохи неолита до начала железного века, располагаются на относительно высоких коренных речных и озерных террасах. Часть средневековых поселений находится на тех же террасах, другие дислоцированы на повышенных участках пойменных террас, ставших к тому времени благоприятными для жилья.

Культурные слои поселений, как правило, маломощные (до 30–40 см). Они залегают сразу под дерном сплошным «монолитом», т. е. террасы, на которых они расположены, не подвергались заносу аллювиальными или делювиальными отложениями. Исключение составляют стоянки на пойменных террасах (Таяты I, Тюхты), культурные слои которых перекрыты речными наносами. В Жаровской стоянке два культурных слоя разделены прослойкой дресвы, осыпавшейся со скального свода ниши во время сильного лесного пожара.

Культурные слои памятников не имеют четкой стратиграфии. Это обусловлено разнообразными естественными причинами, среди которых особо выделяются мерзлотные явления, лесоповалы и деятельность норных животных. В процессе их многовекового воздействия большинство артефактов в культурных слоях оказалось основательно перемещено. На поселениях Таяты II и III ситуация осложнена воздействиями антропогенного характера (распашка, корчевание пней, строительные работы).

Культурные слои памятников, как правило, слабо гумусированы. Их насыщение гумусом (и, соответственно, потемнение) происходило не столько в результате деятельности людей, сколько в процессе естественного гниения в верхних слоях почв различных органических (растительных и животных) останков. Слои гумусированных почв заведомо естественного происхождения, не содержащие никаких артефактов, постоянно встречаются в обрезах прибрежных террас. Органические останки в культурных слоях подверглись разложению из-за повышенной кислотности почв в низовьях Казыра. В среднем течении реки почвы менее окисленные, и органика (в первую очередь – кости) сохраняется здесь значительно лучше.

Погребальных памятников в ККР выявлено немного. От древнейшего из них, находившегося на территории дер. Верхняя Мульга, сохранился лишь «клад» сейминско-турбинских бронз. К скифской эпохе относятся пять детских погребений, вскрытых на территории поселения Таяты III. К этому же времени относится группа курганов на левом берегу Кизира, в долине ручья Шабалык. В составе

группы три больших земляных кургана и несколько малых с едва заметными насыпями. Раскопки в курганной группе не производились.

К числу погребальных памятников эпохи раннего средневековья, возможно, относится известный Тюхтытский «клад».

Археологические памятники левобережья р. Казыр

Таятский археологический микрорайон

Археологические памятники, выявленные в окрестностях с. Таяты, локализованы на участке левого берега р. Казыр, имеющем протяженность 2,5 км склоном горы Макаркиной (рис. 2). Данная территория представляет собой горно-таежную местность с абсолютными отметками высот от 400 до 1500 м. Леса здесь смешанные и светлохвойные, подлесок густой, засоренный валежником и буреломом. Вырубленные, безлесные участки заняты высокотравьем, почвы темно-серые лесные и оподзоленно-черноземные (Черепнин, 1961, с. 176). Казыр здесь достигает ширины 320 м, свыше 3 м глубины и образует ряд проток, стариц и островов. Берега преимущественно обрывистые, крутые, высотой от 0,5 до 7 м. В основное половодье, приходящееся на первые числа июня, вода в реке поднимается на 3–4,5 м (Шутый, Теодоронская, 1961, с. 237). Основными притоками Казыра в окрестностях с. Таяты являются Верхняя и Нижняя Таятки – небольшие горные речки с заболоченными поймами.

Относительная насыщенность этой подтаежной местности разновременными поселениями объясняется, по-видимому, тем, что здесь, в зоне максимальной биологической продуктивности климата, существовали благоприятные условия для развития многоотраслевой экономики, в которой скотоводство, земледелие и металлургия могли сочетаться с охотой, рыболовством и собирательством (Косарев, 1980, с. 60).

Как указывалось выше, первое сообщение об археологических находках в окрестностях с. Таяты поступило в 1989 г. Тогда рыбаки обнаружили выше села в подмытой паводком береговой террасе несколько бронзовых предметов, по-видимому, происшедших из разрушенного древнего погребения. Ко времени археологического обследования района с. Таяты, предпринятого в 2000 г., тот участок террасы был уже полностью разрушен паводками вплоть до склона горы. На прилегающей территории было открыто пять памятников поселенческого характера (Таяты I–V) и один жертвенный (Каменушка).

Местонахождение Таяты I – в 1 км выше с. Таяты (рис. 3). Его отделяет от села отрог горного хребта, обрывающийся в реку крутыми скалами. Памятник расположен на краю ровной слабо залесенной пойменной террасы левого берега р. Казыр, которая имеет протяженность около 150 метров. В 2000 г. у южной оконечности террасы на небольшом участке песчано-галечной береговой полосы было обнаружено скопление кусков металлургических шлаков, глиняной обмазки железоплавильных горнов и мелких обломков керамических сосудов. Артефакты происходят из разрушаемого весенними паводками обрывистого края террасы. При его контрольной зачистке выявлена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 4):

1 – дерновой горизонт влажной бесструктурной серовато-бурой гумусированной супеси, насыщенной корнями растений и органическими останками, – мощность до 6 см;

2 – слой бесструктурной слабо гумусированной супеси темно-серого цвета с включениями корневищ деревьев – мощность до 14 см;

3 – слой супеси светлого желтовато-серого цвета с включениями корневищ деревьев – мощность до 13 см;

4 – слой слабо гумусированной супеси темно-серого цвета с включениями корневищ растений – мощность до 30 см;

5 – материковая толща крупнозернистого аллювия с включениями мелкого щебня, подстилаемая галечными отложениями.

Второй и четвертый слой гумусированной почвы, вероятно, являются культурными, но артефактов в них не обнаружено. Визуальный осмотр других участков берегового обрыва террасы тоже не принес положительных результатов. Создается впечатление, что люди обитали только непосредственно под склоном горы. В нем они добывали железную руду и здесь же на месте ее плавил. Вся найденная на берегу керамика – свыше 30 разрозненных фрагментов тулова и венечных частей толстостенных сосудов – относится к эпохе средневековья.

Дальнейшие работы на памятнике не проводились. Его посещение в 2005 г. показало, что разрушавшийся ранее участок поселения почти полностью задерживался.

Поселение Таяты II занимает участок ровной слабо залесенной пойменной террасы левого берега Казыра в 2 км к северо-востоку от с. Таяты (рис. 5). Терраса отделена от памятника Таяты I сначала пониженным заболоченным участком поймы, затем подступающим вплотную к реке крутым горным склоном и руслом старицы Казыра. Терраса общей площадью около 2,5 км² имеет протяженность вдоль берега реки около трехсот метров и ширину до 55 метров. С севера она ограничена береговым скальным «быком» и подступающей вплотную к реке первой надпойменной террасой. Поселение Таяты II занимало, по видимому, только средний, повышенный участок поймы.

В 2000 г. под береговым обрывом северо-северо-западной оконечности террасы было обнаружено скопление разрозненных кусков железного шлака, обломков глиняной обмазки шахты сыродутного горна и немногочисленных фрагментов неорнаментированных керамических сосудов. В том же году здесь была проведена зачистка края террасы, а в 2001 г. заложен шурф прямоугольной формы, 5×1,2 м, ориентированный по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 6: 1-2). Его максимальная глубина составила 54 см, минимальная – у подошвы обрывистого склона террасы – 9 см. В профиле северо-восточной стенки шурфа и в поперечном разрезе, проведенном через его геометрический центр, выявлена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 6: 3):

1 – дерновой горизонт сильно гумусированной супеси темного сероватобурого цвета с рыхлой комковатой структурой, насыщенной корнями травы и деревьев, – мощность 8–16 см;

2 – культурный слой гумусированной супеси темного коричневатого цвета с рыхлой зернистой структурой, насыщенной корнями деревьев, – мощность 28–36 см;

3 – материковая толща мелкозернистого аллювия с включениями щебня, пронизанная пятнами истлевших корневищ и древних отнорков с заполнением из предшествующего слоя.

Культурный слой нарушен в процессе воздействий природного и антропогенного характера. Расчистка его велась двумя условными горизонтами по 10 см каждый.

В ходе расчистки первого условного горизонта (рис. 6: 1) по всей площади шурфа были встречены разрозненные куски железного шлака (39 шт.), глиняной надцати керамических сосудов эпохи средневековья. Из вещей был найден только железный черешковый нож. Во втором горизонте (рис. 6: 2) было найдено десять кусков железного шлака, три обломка глиняной обмазки шахты сыродутного горна и свыше ста обломков от девяти керамических сосудов эпохи средневековья. Все артефакты залежали беспорядочно и скопления не образовывали.

Керамика поселения типологически разделяется на два комплекса. К первому из них – «степному» – относятся фрагменты сосудов, находящиеся близкие аналогии в средневековых памятниках Минусинской котловины. Посуда второго комплекса принадлежит местной валиковой керамической традиции, резко отличающейся по всем параметрам от «степной». Время существования поселения определяется по керамике в пределах VII–XV вв.

Под обрывом террасы, в скоплении металлургического шлака и ошлакованной глиняной обмазки горнов, находилось несколько кусков обмазки с земляной коркой. Наличие ее свидетельствует о том, что выплавка железа производилась в горнах ямной конструкции. Они, очевидно, сооружались по краю террасы и были впоследствии разрушены паводками. Любопытно, что несколько кусков железной руды, находившихся в скоплении, имели окатанную поверхность. Это означает, что для плавок использовалась валунно-галечная руда, подобранная здесь же на берегу, в галечнике. Она была перемещена рекой из месторождений, расположенных выше по течению реки. Такая руда более богата железом, чем горная, т. к. пустая порода отделена от нее водой.

Дальнейшие работы на памятнике не проводились.

Поселение Таяты III расположено в 2 км к ССВ от с. Таяты на обширной первой коренной террасе левого берега р. Казыр, непосредственно примыкающей с южной – юго-восточной стороны к поселению Таяты II (рис. 5). Терраса возвышается над уровнем поймы на 3–7 метров и имеет протяженность вдоль берега реки свыше 100 метров. Она образована мощными (до 5 м) аллювиальными отложениями, покоящимися на слое валунов и остатках скальной породы, и имеет сильно сглаженный рельеф. С северо-западной стороны терраса ограничена резким понижением к пойме протоки Казыра – Каменушки, а с восточной – слабо выраженным руслом старицы Казыра, за которой находится возвышающаяся на 5–9 метров терраса урочища «Площадь». Обе эти террасы почти полностью очищены от леса с целью использования под покосы и пашню. На первой террасе в 1980-х годах существовала большая скотоводческая ферма, впоследствии сгоревшая. Ко времени раскопок почти вся терраса была занята развалинами обгорелых деревянных строений, густо заросшими крапивой.

В 2000 г. на северо-западной оконечности территории памятника заложено два шурфа (№ 1–2) общей площадью 4 м², а на юго-восточной периферии террасы проведена зачистка участка ее склона размерами 70×115 см (№ 3). В следующем году разведочный шурф (№ 4) площадью 4 м² был заложен в центре ЮЮВ оконечности террасы.

В ходе проведенных земляных работ на памятнике Таяты III прослежена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 8):

западная периферия террасы (шурфы № 1–2);

1 – дерновой горизонт сильно гумусированной почвы черного цвета с рыхлой комковатой структурой, насыщенной органическими останками, современным бытовым мусором и корнями растений, – мощность 5–20 см;

2 – культурный слой гумусированной супеси темного коричнево-серого цвета с рыхлой комковатой структурой – мощность 10–22 см;

3 – культурный слой слабо гумусированной супеси светлого серовато-желтого цвета с плотной продольно-слоистой структурой – мощность 4–20 см;

4 – материковый слой серовато-желтой супеси с плотной продольно-слоистой структурой и с глинистыми прослойками охристо-рыжего цвета, подстилаемый толщей речного песка, – мощность до 30 см;

центральная часть террасы (шурф № 4):

1 – дерновой горизонт слабо гумусированной почвы темного серовато-бурого цвета с рыхлой комковатой структурой, насыщенной органическими останками и корнями растений, – мощность 5–7 см;

2 – культурный слой слабо гумусированной плотной бесструктурной супеси желтовато-серого цвета с включениями корневищ деревьев – мощность до 25 см;

3 – культурный слой слабо гумусированной супеси светлого серовато-желтого цвета с плотной продольно-слоистой структурой – мощность 4–20 см;

4 – материковый слой серовато-желтой супеси с плотной продольно-слоистой структурой и с глинистыми прослойками охристо-рыжего цвета, подстилаемый толщей речного песка, – мощность до 30 см;

юго-восточная периферия террасы (шурф № 3):

1 – дерновой горизонт слабо гумусированной почвы темного серовато-бурого цвета с рыхлой комковатой структурой, насыщенной органическими останками и корнями растений, – мощность 5–7 см;

2 – плотный бесструктурный слой супеси желтовато-серого цвета с включениями корневищ деревьев – мощность до 25 см;

3 – материковый слой мелкозернистого светло-серого аллювия с включениями мелкого щебня.

Границы всех слоев размытые, нечеткие. Верхняя часть почвенных отложений в центральной и западной части террасы перемешана в процессе выкорчевывания деревьев, распахивания земли и последующих строительных работ на скотном дворе.

Материалы шурфов № 1 и 2 составили несколько кусков железного шлака и обломков обмазки шахты сыродутного горна, девятнадцать галечных сколов и свыше пятидесяти фрагментов не менее чем от пятнадцати керамических сосудов бронзового и раннего железного веков. Все артефакты залежали разрозненно во втором и третьем почвенных слоях на глубине от 8 до 40 см от уровня дневной поверхности.

При зачистке участка обрывистого склона юго-восточной оконечности террасы (шурф № 3) в нижней части ее второго слоя на глубине от 19 до 22 см от уровня дневной поверхности было встречено три мелких фрагмента тулова керамического сосуда, украшенного оттисками гребенчатого штампа. Здесь же в сноссе был обнаружен фрагмент толстой стенки сосуда с «абразивной» поверхностью, орнаментированный параллельными рядами протасенной гребенки. В шурфе № 4 были найдены два мелких фрагмента тонкостенного красноглиняного сосуда с прочерченным орнаментом и три галечных скола, залежавшие в нижней части второго почвенного слоя на глубине от 15 до 20 см от уровня дневной поверхности.

Таким образом, было установлено, что вся площадь террасы в древности была обитаема, но наиболее насыщенные артефактами отложения приурочены к ее северо-западной оконечности. В 2001, 2006 и 2007 гг. здесь было заложено три раскопа (рис. 7).

Первый из них, площадью 72 м², объединил шурфы № 1 и 2. Раскоп прямо-угольной формы, со сторонами 6 и 12 м, ориентирован по линии ЗСЗ–ВЮВ. Он зонтам, отстоящим друг от друга на 5–10 см по вертикали.

Культурный слой раскопа содержал свыше полутора тысяч фрагментов керамики более чем от ста разнотипных сосудов бронзового – раннего железного веков и эпохи средневековья. Здесь же находились два обломка глиняного наконечника воздуходувного сопла, фрагмент глиняного прясла, обломки двух керамических кружков и одной «фишки», сделанной из стенки таштыкского сосуда. Из металлических предметов найдены только истлевшие фрагменты бронзовой ажурной чашечки и деформированный коррозией прямой железный черешковый нож. В слое встречались залежавшие разрозненно отходы железоплавильного производства: шахты сыродутного горна, а также небольшой кусок железной руды.

Каменный инвентарь представлен наконечником стрелы ромбовидной формы с шипами у насада и обломком такого же наконечника дротика, заготовкой наконечника стрелы, еще тремя миниатюрными наконечниками стрел и прокол-наментиром в виде плоской галечки с зубчиками на ребре. Помимо них найдено пять сколов с ретушью и около полутора сотен сколов и отщепов без следов подработки, восемь галек со сколами и два десятка речных галек удлиненной формы без следов обработки.

На втором горизонте раскопа были выявлены остатки двух каменных сооружений (?), представлявших собой аморфные скопления окаленных кусков доломитового скальника и крупных речных галек. Первое из них имело в плане очертания неправильного овала с приблизительными размерами 1,2×0,8 м, вытянутого по линии СВ–ЮЗ. Второе скопление, в 0,6 м к северо-востоку от предыдущего, также имело форму неправильного овала размерами 1,45×1,2 м, вытянутого по линии запад-восток. К северу от этих скоплений вся площадь раскопа была усыяна речными гальками средней величины и небольшими обломками скальника. Почвенный слой под камнями, а также к северу и востоку от них был насыщен тленом древесного угля и мелкими жжеными костями животных. Рядом с ними было выявлено аморфное пятно рыхлой гумусированной супеси с повышенным содержанием золистых останков (очаг?), в 20 см к западу от которого лежала небольшая (27×19×7 см) сланцевая плита.

На третьем горизонте, непосредственно под расчищенным на предыдущем горизонте развалом первого сооружения, было обнаружено пятно рыхлой мешаной почвы. По выборке ее заполнения была выявлена яма, имевшая вид вытянутого по линии ЮЗ–СВ неправильного овала размерами около 1,25×0,6×0,2 м. Ее стенки полностью разрушены многочисленными древними норками, дно ровное, со слабым скосом к северной его стороне. В заполнении ямы никаких артефактов встречено не было. Неподалеку было расчищено пятно рыхлой темной мешаной земли с золистыми включениями. Оно имело форму вытянутого по линии запад-восток неправильного овала размерами 1,9×2,2 м. С северной стороны пятно уходило за пределы раскопа, с восточной – попадало в пределы

шурфа № 2, заложенного здесь в 2000 г. При выборке ее заполнения был выявлен неглубокий (до 15 см от уровня горизонта) котлован с покатыми стенками, разрушенными многочисленными отпорками. Дно котлована имело выраженный бугристый рельеф. У его центра была расчищена овальная в плане яма размерами 65x50 см, глубиной до 30 см от уровня дна котлована. В ее заполнении и на дне никаких артефактов встречено не было.

Погребение 1 (рис. 9: 1) выявлено в восточной оконечности раскопа на верхнем уровне материковой толщи аллювиальных отложений. Оно имело вид ориентированного по линии С-Ю скопления мелко фрагментированных жженой кости двух кремнированных на стороне детей двух- и шестилетнего возраста. Кости уложены в ямку овальной формы размерами 50x25 см, которая имела округлое дно и достигала глубины 57 см от современной поверхности земли. В центральной и южной части плотной толщи обугленных тесло, наконечник стрелы, бусина, залежали бронзовые предметы: двухушковое тесло, наконечник стрелы, бусина, а также фрагменты двух поломанных ножей и шила. Предметы датируются саргашенским этапом тагарской культуры.

В 2006 г. был разбит раскоп площадью 180 м² на северо-западной оконечности памятника, в 14,5 м к востоку от скального «быка» Каменушки. Основная часть раскопа в виде вытянутого по линии запад-восток прямоугольника площадью 126 м² была заложена на узком возвышенном перешейке, соединяющем первую надпойменную террасу со скальным «быком». К основному участку раскопа с южной стороны был прирезан раскоп площадью 54 м², пришедшийся непосредственно на береговой склон коренной террасы.

Площадь раскопа была разделена на квадраты 1x1 м. Выборка почвы проводилась тремя условными горизонтами, отстоящими друг от друга на 5-10 см по вертикали. На основной части раскопа разнотипные артефакты от неолита до эпохи средневековья залежали смешанно, не образуя скоплений. На восточной и северо-восточной периферии раскопа находок было крайне мало.

В дерновом слое найдены немногочисленные обломки разновременной керамической посуды, куски металлургических шлаков и глиняной обмазки плавильных горнов. Там же встречены: каменный наконечник стрелы, призматический нуклеус и три каменных песта для дробления железной руды. Сразу под дерном был выявлен развал шахты сыродутного горна 1 эпохи средневековья и два кострища позднесредневекового или этнографического времени.

Горн 1 (рис. 10: 1-3) располагался на верхнем краю берегового склона террасы. Он имел вид овальной в плане ямы размерами 90x68 см и глубиной до 38 см, ориентированной по линии СВВ-ЮЮЗ. Стенки ямы обмазаны слоем красной глины, достигающим у южного ее края мощности 28 см и 10-15 см с других сторон. Обмазка обрамляла коническую камеру с земляным полом. Она была смещена к северной части ямы и заполнена конгломератом железного шлака, образующим подобие воронки с пустотой в центре. От глиняной обмазки стен ямы его отделял толстый слой ошлакованного прокала. С южной стороны к горну примыкала заполненная шлаковым отвалом яма неправильной треугольной формы, 115x95 см, глубиной до 40 см от верхнего края глиняной обмазки горна.

На уровне горизонта 0 в основной части раскопа найдены: острие железного ножа, каменный наконечник стрелы, каменная зернотерка, рабочий камень, пест, железный наконечник стрелы, 22 галечных скола и осколка. Здесь же встречены свыше 200 фрагментов керамики (в основном мелких, средневековых), куски металлургических шлаков и глиняной обмазки горнов.

На первом горизонте находилось до 150 фрагментов таштыкской и средневековой керамики, куски шлака и глиняной обмазки, фрагмент керамической «фишки», каменный пест, единичные галечные сколы и отщепы.

На горизонте 2, помимо 200 фрагментов разновременной керамики, встречены: железный наконечник стрелы, железный крючок, два фрагмента керамических пряслиц, каменное орудие, пять керамических и каменных «фишек», отжимник и более 70 галечных сколов и отщепов.

На склоне террасы вскрытый участок изобилует артефактами раннета-штыкской культурной принадлежности. Они залежали на разных уровнях от дернов, таштыкских и средневековых.

Сразу под дерном был выявлен развал шахты сыродутного горна 2 (рис. 10: 4-5). Он располагался в 5,3 м к юго-востоку от первого, на береговом склоне коренной террасы. Сооружение имело вид овальной в плане ямы размерами 123x92 см и глубиной до 25 см, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Стенки ямы были обмазаны неровным слоем красной глины толщиной от 20 до 35 см. Глиняная обмазка обрамляла коническую камеру, имевшую в плане форму вытянутого по линии СВ-ЮЗ неправильного овала, слегка смещенного к северо-восточной части ямы. От верха до земляного пола камера заполнена железным шлаком, отделенным от глиняной обмазки стен ямы толстым слоем ошлакованного прокала. С юго-запада к горну примыкала яма, заполненная шлаковым отвалом. Она представляла собой небольшой котлован, имевший в плане вид обращенного вершиной на северо-восток неправильного треугольника размерами 85x80 см. Его глубина - до 26 см от верхнего края глиняной обмазки горна, мощность шлакового заполнения - до 20-25 см.

На уровне горизонта 0 залежало около 400 фрагментов керамики таштыкской культурной принадлежности. Здесь же находилось три железных наконечника стрел и нож, два обломка зернотерок, каменные пест и молот, фрагмент костяного украшения. Вместе с ними найдены единичные фрагменты сосудов эпохи бронзы и несколько обломков тонкостенных сосудов с валиковым декором.

На уровне горизонта 1 встречено около 900 фрагментов таштыкской керамики, 2 керамические «фишки», железный крючок, каменный молот, фрагмент зернотерки и керамическое пряслице.

На уровне горизонта 2 найдено более 550 фрагментов таштыкской керамики, железный нож, 2 каменных и 3 керамических фишки, чопперовидное орудие и несколько галек со сколами. В средней части берегового склона террасы, на границе культурного слоя и толщи материковых отложений, выявлено погребение.

Погребение 2 (рис. 9: 2) проявилось в верхней части склона террасы в виде серого аморфного пятна 40x30 см, насыщенного мелкими обломками жженой человеческих костей. После снятия слоя толщиной 3-4 см пятно приобрело вид ориентированного по линии СВ-ЮЗ правильного овала размерами 37x28 см. В нем находилось скопление мелких обломков жженой кости младенца и подростка. В толще костных останков в центральной и западной части пятна залежали бронзовые предметы: фрагменты двух поломанных ножей и шила и фрагменты кольца. В восточной части найдена цилиндрическая бусина, а в северной - бронзовое безушковое тесло. Ямка, в которую были сложены остатки кремации, имела покатым, слегка округлым дном и глубину 45 см от современной поверхности.

Два других захоронения выявлены на территории основной части раскопа, т. е. на самой террасе, в ее наиболее возвышенной восточной части.

Погребение 3 (рис. 9: 3) располагалось в 10 метрах к СВ от погребения 2. Оно проявилось первоначально в виде серого аморфного пятна с обломками обугленных костей ребенка. После снятия слоя толщиной 2–3 см пятно приобрело вид правильного овала размерами 35×27 см, ориентированного по линии ССВ–ЮЮЗ. В нем находилось плотное скопление обломков жженных костей ребенка. В их толще, в юго-восточной части пятна, залежали фрагменты преднамеренно сломанного большого бронзового кольца. Ямка могилы с покатым, слегка округлым дном, глубиной 54 см от современной поверхности.

Погребение 4 (рис. 9: 4) располагалось в 85 см к ВСВ от погребения 3. Оно также проявилось сначала в виде серого аморфного пятна овальной формы размерами 35×32 см, вытянутого по линии В–З и насыщенного мелкими обломками обугленных костей ребенка. В северо-западной и юго-восточной частях толщи костных останков залежали в беспорядке фрагменты двух поломанных бронзовых ножей и скрученное по продольной оси бронзовое шило. Могильная ямка имела слегка округлое дно и достигала глубины 52 см от дневной поверхности.

Третий раскоп площадью 72 м² был заложен в 2007 г. на северо-западной оконечности памятника, в 31,5 м к ВСВ от «быка» Каменушка, к востоку от узкого возвышенного перешейка, соединяющего первую надпойменную террасу со скальным останком. Сразу к северу за его пределами начиналось выраженное статическое понижение к пойме и устью протоки Каменушка, к югу – заметно пониженный участок коренной террасы, занятый горелыми остатками строений скотного двора и завершающийся к западу – юго-западу слегка обрывистым склоном, соединяющим его с узкой прибрежной полоской поймы. Раскоп имел вид вытянутого по линии запад-восток прямоугольника со сторонами 12 и 6 м, площадь которого была разбита на квадраты 1×1 м. Расчистка слоя проводилась тремя условными горизонтами, отстоящими друг от друга на 5–10 см по вертикали.

Материалы первого горизонта раскопа составили: два железных ножа, обломок железного наконечника остроги, фрагмент каменного наконечника дротику, семь каменных «лощил», две керамических «фишки», два глиняных напрясла, рабочий камень, около сорока галечных сколов, столько же кусков шлака и обломков глиняной обмазки шахты сыродутного горна, два куска железной руды.

Во втором горизонте найдены: бронзовое шило, каменный наконечник стрелы, два рабочих камня, четыре галечных «лощила», каменный наконечник мотыги, обломки двух каменных пестов, три нуклевидных гальки, свыше шестидесяти галечных сколов, более тридцати кусков шлака и обломков глиняной обмазки шахты сыродутного горна и семь кусков галечной железной руды.

В третьем горизонте встречены: нуклеус, галечная проколка, фрагмент каменного наконечника стрелы, рабочий камень, два галечных «лощила», более двадцати галечных сколов и пятнадцать кусков шлака.

В трех горизонтах культурного слоя раскопа было найдено свыше двух тысяч фрагментов разновременной керамики, от эпохи камня до средневековья. Залежали они в основном смешанно.

Помимо этого на границе культурного слоя и толщи материковых отложений в 1,5 м к ССВ от погребения 4 расчищено скопление жженных костей младенца (погребение 5 – рис. 9: 5). Это захоронение по обряду кремации на стороне было совершено в неглубокой ямке, границы которой определить не удалось из-за норы землеройного животного, почти полностью разрушившей стенки ямы.

Сопроводительного инвентаря не было, в центре скопления жженных костей залегала мелкая прямоугольная плитка серого доломита.

Под склоном северо-западной оконечности террасы поселения на повер-точного шлака и ошлакированной глиняной обмазки горнов. Здесь же попадаются отдельные куски железной руды. Аналогичные скопления, но полностью задернованные, очевидно, имеются и на других участках подножья этой террасы.

Жертвенное место Каменушка. Северо-западная оконечность первой надпойменной террасы поселения Таяты III упирается в скальный останец – «бык» – ет собой округлую в плане скалу одноименной протоки Казыра и представляет над межевым уровнем воды и на 4,5–5 м над общим уровнем прилегающей пер-территорией. Его вершина имеет слабо задернованную площадку 6,5×4,3 м с вы-моугольника 5×4 м, ориентированного длинными сторонами по линии ССВ–ЮЮЗ (параллельно течению р. Казыр) (рис. 11). В ходе расчистки его выяснилось, что вершина скалы представляет собой неглубокую каменную воронку, скрытую под наносными почвенными отложениями со следующей стратиграфией (рис. 12):

- 1 – дерновой горизонт, образованный слабо гумусированной супесью серого цвета с рыхлой мелкокомковатой структурой
- 2 – слой слабо гумусированной мелкозернистой супеси бледного желтовато-серого цвета – мощность 10–21 см;
- 3 – слой плотной мелкозернистой супеси бледно-желтого цвета с буровато-рыжими глинистыми прослойками – мощность до 45 см;
- 4 – плотный слой крупнозернистого песка блекло-серого цвета с включениями более темных прослоек и пятен светло-бурого мелкозернистого песка – мощность до 30 см.

Ниже шел скальный горизонт.

На границе первого и второго слоев, на глубине от 9 до 13 см от уровня дневной поверхности и в 0,6 м к ВСВ от геометрического центра вершины «быка» было расчищено золистое пятно с многочисленными мелкими фрагментами обугленных костей животного в нем. Оно имело форму неправильного овала размерами 110×68 см, вытянутого по линии ССВ–ЮЮЗ, и мощность до 4–6 см. В толще кальцинированных обломков костей в северо-восточной части пятна был обнаружен миниатюрный железный наконечник стрелы с трехлопастным пером и насадом в виде круглого в сечении длинного стержня.

На том же уровне в 160 см к северу и 92 см к северо-востоку от зольного пятна встречены три фрагмента тулова двух красноглиняных толстостенных сосудов без орнамента. В 1,5 м к западу от пятна расчищено небольшое разреженное скопление мелких кальцинированных обломков костей животного. Среди них был найден фрагмент лезвия железного ножа. Очевидно, это был второй жертвенник, содержимое которого размыто дождями. Из него, по-видимому, происходит второй железный наконечник стрелы с тремя узкими шипастыми лопастями, который был найден в 2006 г. в верхней части склона «быка» (Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2007, рис. 4: 6).

Примерно в 0,7 м к ЮЮЗ от геометрического центра вершины «быка» на глубине от 14 до 20 см от уровня дневной поверхности было расчищено компактное скопление каменных изделий (рис. 13), включавшее четыре тесла, два кон-

цевых скребка, четыре пластинчатых скола с мелкой краевой ретушью и девять отщепов и сколов. Под некоторыми предметами была прослежена тонкая плотная прослойка темно-серого или темно-бурого цвета. Предметы были, вероятно, уложены в небольшую ямку, границы которой проследить не удалось. Кроме них на этом же уровне в разных частях раскопа были встречены два мелких пластинчатых скола и отщеп с ретушью.

Внешний облик предметов позволяет, по аналогии с материалами района Красноярска и Ангаро-Байкальского региона (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 176, рис. 53: 8), датировать жертвенник эпохой развитого неолита.

Два скопления обугленных обломков костей представляют собой остатки средневековых культовых сожжений животных, совершенных на уровне древнего горизонта. Время кремаций маркирует миниатюрный наконечник стрелы. Ближайших аналогов ему в Южной Сибири найти не удалось, но он может быть отнесен к выделяемому Ю. С. Худяковым типу шипастых, трехлопастных наконечников стрел, бытовавшему на территории Минусинской котловины и Тувы в IX-X вв. (Худяков, 1980, с. 82-83, табл. 9).

Поселение Таяты IV. В 0,5 км к северо-западу от поселения Таяты III юго-западный пологий, залесенный склон горы Макаркиной образует узкую береговую террасу Казыра высотой от 3 до 6 м (рис. 14). Под ее обрывом на небольшом участке песчано-галечной береговой полосы в 2000 г. были собраны довольно многочисленные разновременные артефакты, происходящие из разрушаемого паводками края террасы.

Относительно ровный участок береговой террасы, к которому приурочен данный памятник, не превышает в ширину двадцати метров при длине около 50 метров. В 2002 и 2005 гг. здесь было заложено три раскопа, которые охватили 153 м² площади поселения (рис. 15: 1). В ходе земляных работ выявлена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 15: 2):

1 – дерновой горизонт рыхлой комковатой гумусированной почвы черного цвета, насыщенной органическими останками и корнями подлеска, – мощность до 15 см;

2 – прослойка более плотной гумусированной почвы темно-серого цвета, насыщенной корнями растений и мелким древесным углем, – мощность до 8 см;

3 – слой плотной комковатой слабо гумусированной супеси темного желтовато-серого цвета, насыщенной серыми аморфными пятнами древних отнорков и перегнивших древесных корней, – мощность до 15 см;

4 – слой плотной комковатой слабо гумусированной супеси светлого желтовато-серого цвета, насыщенный серыми пятнами древних отнорков и перегнивших древесных корней, а также включениями щебня и мелкого галечника, – мощность до 15 см;

5 – слой плотной мелкозернистой супеси серовато-желтого цвета, прорезаемый серыми пятнами древних отнорков и истлевших древесных корней, с включениями щебня и мелкого галечника, – мощность 15-30 см;

6 – слой плотного слоистого суглинка светлого серовато-желтого цвета с включениями щебня и мелкого галечника и с серыми пятнами древних отнорков и истлевших древесных корней – мощность 40-45 см;

7 – пласт древних речных галечных отложений и мелких обломков скальника.

Культурный слой поселения переотложен в ходе многообразных природных процессов, в результате чего большая часть артефактов находилась в заведомо перемещенном состоянии. Материалы раскопок составили многочисленные

фрагменты свыше полутора сотен разновременных керамических сосудов, железные стержень, острога и сбруйная бляшка, фрагмент лепного керамического пряслица, обломки керамического диска, два глиняных брусковидных предмета, каменные оселок и молот, два галечных предмета, два глиняных брусковидных предмета, нечников стрел, две проколки, несколько песта и четырнадцать каменных предметов, подготовка каменного тесла. Помимо того найдены рабочие камни, большое число куски металлургических шлаков и пр.

На разных уровнях почвенных отложений поселения были расчищены пятно кострища, развалы двух неясных каменных выкладок, а также ряд плотных скоплений галечника, имеющих, вероятно, естественное происхождение.

Примечательно, что в культурном слое Таяты IV было зафиксировано совсем немного металлургических шлаков и фрагментов глиняной обмазки плавильных горнов. Значительно больше их залегало под обрывом террасы. Один из найденных там крупных кусков ошлакированной глиняной обмазки имел земляную корку, свидетельствующую о принадлежности его горну ямной конструкции. Находившиеся здесь же куски железной руды представляют собой разбитые на части речные валуны.

Местонахождение Таяты V. Шурфом, заложенным на краю высокой второй надпойменной террасы Казыра, над юго-западной оконечностью поселения Таяты III, в нижней части 28-сантиметрового слоя слабо гумусированной супеси, подстилаемой толщей суглинка, было выявлено беспорядочное скопление валунов и несколько кусков металлургического шлака, представляющее, по-видимому, остатки железоплавильного горна, хотя кусков глиняной обмазки его не было. Здесь же найден фрагмент конусовидного поддона таштыкского сосуда. Данное местонахождение, территориально смежное поселению Таяты III, вероятно, представляет ее крайнюю юго-западную оконечность, которая могла заселяться в период затопления поймы весенними паводками.

Дальнейшие работы на памятнике не проводились.

Археологические памятники правобережья р. Казыр

Местонахождение Демьянов ключ располагается в 1,5 км к юго-западу от заброшенной деревни Красные ключи и 5,5 км к северо-востоку от с. Мохарка (рис. 16). В холмистой лесостепной местности, расчищенной под покосы и пашню, из-под земли бьет ключ, известный у местного населения под названием Демьянова. Он протекает около 500 метров в юго-восточном направлении и теряется в обширной заболоченной пойме правого берега речки Мохарки. Узкий лог, выработанный ключом, порос смешанным лесом. В 1983 г. геологи Минусинской комплексной геологической экспедиции обнаружили в русле ключа большое скопление костей ископаемых животных. Многочисленные обломки костей (в основном мамонта) залегали, кроме того, в слое суглинка в левом борту лога, у истока ключа. Среди них было найдено два палеолитических (?) каменных орудия. По устному описанию геолога В. Н. Воробьева, одно из них могло быть массивным чоппером, второе было похоже на скребло или скребок. В галечном русле ключа, в 200 м ниже его истока геологи нашли каменное подшлифованное тесло. Находки поступили на хранение в геологический музей экспедиции, но впоследствии при ее реорганизации все, кроме тесла, были утрачены (тесло хранится у В. Н. Воробьева).

В 1984 г. местонахождение было осмотрено Н. В. Леонтьевым. Возле места находки тесла, в русле ключа им было обнаружено несколько средневекового керамического сосуда. Относительно ровная терраса левого борта ключа имеет высоту до 7 м. Произведенной зачисткой ее обрывистого склона (рис. 17) имел выявлен почвенно-дерновой слой черной окраски, имеющий мощность около 35 см. Его подстилает слой серо-желтого травертинового песка. На глубине 20–25 см от современной поверхности (на 10–15 см выше основания почвенного слоя) были обнаружены три маленьких неорнаментированных фрагмента тулова (сосуда) керамического сосуда неясной культурной принадлежности. у ва тонкостенного керамического сосуда неясной культурной принадлежности. у юго-восточной оконечности террасы было заложено два дополнительных шурфа для определения размеров поселения. В одном из них были встречены два фрагмента венечных частей сосудов, аналогичных найденному в русле, и 8 мелких неорнаментированных фрагментов стенок сосудов толщиной 2–5 мм. Они позволили установить, что вся терраса по левому борту ключа протяженностью до 250 м при ширине около 40 м в эпоху средневековья была обитаема.

В 2004 г. тракторист из с. Можарка обнаружил в осыпи левобережной террасы у истоков ключа тесло из светло-серого кремнистого сланца. Оно удлиненной подтрапециевидной в плане формы, в поперечном сечении подтреугольное с прямым желобчатым лезвием. Боковые плоскости и обушок сохранили следы ударной обивки, а вся поверхность тесла обработана методом шлифования. В ХМК подобное тесло встречено впервые (Зубков, 2007, с. 32). Оно было передано в МКМ В. С. Зубковым.

Местонахождение в устье речки Можарки. В 1984 г. Н. В. Леонтьев, пребывая на базе геологов в устье р. Можарки, обнаружил на территории их огорода фрагмент венечной части и два неорнаментированных обломка тулова средневековых (?) сосудов. База располагалась на террасе левого берега р. Можарки, непосредственно в ее устье. Терраса имеет высоту до 5 м (при низком уровне воды в Казыре). В обрыве террасы прослеживается почвенно-дерновой слой мощностью 20–30 см, подстилаемый слоем серо-желтой стерильной супеси. Артефактов в нем не обнаружено.

Тюхтятский «клад». В 1902 г. в дер. Тюхтыты, расположенной на правом берегу Казыра, в 13 км выше поселения Таяты IV, крестьянами при копке ямы был обнаружен большой «клад» бронзовых и железных предметов. Он, очевидно, был закуплен для Минусинского музея сотрудником Н. И. Тропиным, который совершал в том году поездку по восточной части Минусинского округа с целью приобретения экспонатов для музея. Никаких сведений об обстоятельствах находки предметов не сохранилось.

В состав «клада» входило 7 железных удил, 5 стремян, 136 бронзовых уздечных и поясных бляшек и пряжек, 4 железных наконечника стрел, 5 кинжалов, 2 серпа, 2 миниатюрных молоточка, 5 железных «гарпунов», 3 китайские монеты «кайюань тунбао» и несколько других предметов (Евтюхова, 1948, с. 67–72, рис. 117–136).

По вопросу о происхождении этого комплекса существует несколько разных точек зрения. Л. А. Евтюхова и Я. И. Сунчугашев рассматривали его как клад, «оставленный великолепным кузнецом и ювелиром X в.» (Евтюхова, 1948, с. 67; Сунчугашев, 1979, с. 122). Л. Р. Кызласов считал, что основу «клада» составляют инвентари нескольких древнехакасских погребений IX–X вв. (Кызласов Л. Р., 1981, с. 54). Г. В. Длужневская трактует комплекс как инвентарь погребения по обряду кремации не менее пяти кыргызских воинов, вернувшихся в самом конце

X или начале XI в. из Тувы (Длужневская, 2002). По мнению Ю. С. Худикова, в этом «кладе» или погребении сосредоточены ценности уйгурского и согдийского происхождения, награбленные енисейскими кыргызами (Худиков, 1994, с. 90).

Л. В. Коныкова и Г. Г. Король, проведя комплексное исследование ременных украшений «клада», пришли к заключению, что это «собрание» предметов формировалось относительно протяженное время из разных источников и, очевидно, разными по социальному статусу людьми. В составе «клада», наряду с более ранние (бронзовая пряжка позднеаташтыкского типа), так и более поздние предметы (железные сбруйные накладки и пряжки). Принадлежность ременных украшений инвентарю кыргызских погребений, по мнению Л. В. Коныковой и Г. Г. Короля, сомнительна, т. к. явные следы пребывания в огне есть только у одной бронзовой бляшки. В итоге они склонны рассматривать вещи «клада» как жертвенные приношения родовым духам-покровителям нескольких поколений местного населения (Коныкова, Король, 2005, с. 122).

Исследовательницы, к сожалению, не приняли во внимание то, что следы пребывания в огне заметны еще у нескольких бронзовых бляшек, а также у ряда действительно не подвергавшаяся воздействию огня, у некоторых бронзовых сбруйных накладок сохранились даже остатки кожи ремней. Разрозненность ряда комплектов ременных накладок объяснима тем, что часть из них могла быть пропущена при копке ямы, другие же разошлись по рукам и не попали в музей, как это часто бывает в подобных ситуациях.

В итоге создается впечатление, что вещи «клада» могли находиться не в одной, а в нескольких ямах. Если это были инвентари погребений, то часть из них была совершена по обряду труположения. Принадлежность «клада» енисейским кыргызам в любом случае сомнительна, т. к. на правобережье Енисея ареал их расселения ограничивался степной зоной.

В лесостепи, а тем более в тайге их памятники неизвестны. Кыргызы периодически наезжали в тайгу для сбора дани с тавжного населения и с другими целями, но постоянно в ней не жили. В связи с этим представляет интерес наблюдение Л. Р. Кызласова и Г. Г. Короля, что комплекс ременных украшений «клада» тяготеет к объектам правобережья Енисея и долины р. Тубы (Кызласов Л. Р., Король, 1990, с. 151). Лесостепь по обоим берегам р. Тубы вплоть до XVIII в. была заселена в основном кетоязычными группами населения. Показательно, что даже речка, в устье которой был найден «клад», носит не тюркское, а кетоязычное название Тюхтыт (*Tögdet* – в записи Г. Ф. Миллера).

В начале XX в. в д. Тюхтыты помимо «клада» был найден еще ряд средневековых предметов. В их числе два железных тесла (МКМ, 979, 1051), удила (МКМ, 5589), три бронзовых неорнаментированных сбруйных бляшки-накладки (МКМ, 6227, 6229, 6237) и 7 круглых уздечных блях-тройчаток (МКМ, 7142–7144, 7147–7150). Некоторые из них тоже могли быть в составе «клада».

Стоянка на р. Тюхтыт. В 1,5 км к востоку от дер. Тюхтыты на правом берегу одноименной речки располагается ровная терраса, которая имеет высоту около шести метров от уровня воды и протяженность вдоль русла реки до 200 метров (рис. 18). Терраса очищена от леса и имеет у восточной оконечности ширину свыше ста метров, но постепенно сужается в западном направлении и затем выклинивается подступающим к реке понижением, поросшим смешанным лесом. На галечно-песчаной береговой полосе и в обрыве незадернованного склона

восточной оконечности террасы в 2002 г. было собрано несколько фрагментов средневековых керамических сосудов. Контрольной зачисткой обрывистого борта террасы выявлена следующая стратиграфическая ситуация:

- 1 – слой слабо задернованной плотной гумусированной супеси желтовато-серого цвета – мощность до 20 см;
- 2 – слой плотной супеси желтовато-серого цвета – мощность до 45 см;
- 3 – слой темно-серой гумусированной супеси – мощность 10–13 см;
- 4 – слой серовато-желтой супеси – мощность 10–18 см;
- 5 – слой слабо гумусированной темно-серой супеси, в котором встречаются мелкие неорнаментированные фрагменты керамики и угольки, – мощность 20–25 см;

6 – аллювиальные отложения темно-желтого песка.

Малочисленность артефактов, собранных на тютятской террасе, позволяет высказать предположение, что она использовалась лишь для кратковременных стоянок.

Дальнейшие работы на памятнике не проводились.

Жаровская стоянка. Перед въездом в пос. Жаровск к дороге, проложенной по узкой пойменной террасе правого берега р. Казыр, подступает крутой склон южной оконечности горы Змеиной (рис. 19). Скальные обнажения коренных пород склона образуют два яруса. Основание нижнего яруса, сложенного светло-серыми гранитами, располагается на высоте около 3 м от уровня пойменной террасы. В нем имеется несколько небольших скальных ниш. В 2001 г. на полу одной из них были обнаружены мелкие фрагменты керамики и обломки костей животных.

Ниша служила временным пристанищем для бродячих охотников. Потолок ее до черноты прокопчен разводимыми в прошлом кострами. Перекрытая нависающим скальным блоком площадка ниши имеет до трех метров длины и ширину около 1,5 метров. С внешней стороны она в древности была ограничена скоплением камней, скатившихся сверху. Потолок ниши наклонный. В юго-западном конце он имеет высоту до 1,5 метра и резко понижается к северо-восточному концу, где его высота составляет менее 0,5 метра. В 2002 г. в нише был заложен раскоп площадью 4,5 м². Расчистка его велась условными пятисантиметровыми горизонтами. В ходе расчистки было установлено, что почвенные отложения ниши образуют два культурных слоя мощностью по 15–20 см, разделенных щебенистой прослойкой жженой земли, образовавшейся в результате сильного лесного пожара. Почвенные отложения сильно перемешаны землеройными животными, поэтому прослойка хорошо фиксируется только у продольной скальной стенки ниши (рис. 20).

Количество артефактов в слоях относительно невелико, т. к. временные обитатели скальной ниши удаляли с обитаемой площадки все, что им мешало, на склон горы. Многие из оказавшихся там артефактов впоследствии тальми и дождевыми водами были перемещены в реку, но часть осталась, застряв среди камней и кустарника.

Верхний (первый) культурный слой был разделен на четыре (1–4) условных горизонта. Он черно-бурого цвета, насыщен гумусом, разрозненными угольками и обломками костей животных. Насчитывалось до 330 относительно крупных обломков, но совсем мелких жженой осколков костей было еще больше. Здесь же в слое находилось около 300 фрагментов керамики; некоторые из них образовывали невыразительные скопления. Преобладали мелкие неорнаментирован-

ные фрагменты средневековой посуды кыргызской традиции, но встречались и фрагменты с валиковым декором. В третьем горизонте, у продольной скальной стенки раскопа были найдены железный ярусный наконечник стрелы VI–VII вв. и костяная трубчатая свистулька – манок на рябчиков. В четвертом горизонте находился массивный железный четырехгранный «гвоздь».

Пятый горизонт был насыщен мелким гранитным щебнем, отслоившимся в древности от потолка ниши во время сильного лесного пожара. Здесь было встречено 46 фрагментов керамики и 108 обломков костей животных, в основном мелких и обожженных. Более половины фрагментов сосудов (27) без орнамента, валиками. Четыре фрагмента венечных частей сосудов находят аналогии среди поздней таштыкской посуды Минусинской котловины.

Второй (нижний) слой был разделен на три (6–8) условных горизонта. Он бурого цвета и менее гумусирован. На его фоне выделяются светлые полосы и останками, но в основном мелко фрагментированными и жженными. Керамические фрагменты. Кроме них на 6-м горизонте в северо-восточном углу площадки был выявлен почти полностью разложившийся керамический сосуд раннеташтыкского типа, который был установлен в небольшой ямке. На уровне 7–8-го горизонта площадка скопления, в котором преобладала керамика с чешуйчато-ленточным декором. В седьмом горизонте была найдена железная панцирная пластинка хуннского типа.

Примечательно, что Жаровская стоянка – пока единственный памятник, где найдены хорошо сохранившиеся обломки кости животных. К сожалению, удовлетворительных определений их пока сделать не удалось.

Стоянка на Убинском озере. Озеро Убинское расположено на правобережье Казыра, в 7 км к северу от реки, с которой его связывает речка Убинка. Берега озера в основном пологие, но на северном берегу имеется небольшая ровная площадка террасы высотой 8,5 м над уровнем воды, которая ограничена подступающим склоном горы (рис. 21).

На этой террасе в выкопанной рыбаками ямке было найдено несколько неорнаментированных фрагментов керамики и обломок ребра крупного животного с косыми насечками. На месте ямки был заложен шурф размерами 1,0×1,5 м. Земля в нем вплоть до материка оказалась перемешанной при копке червей. В профилях шурфа выявилась следующая стратиграфическая ситуация:

- 1 – слой сильно гумусированной рыхлой дерновой почвы – мощность до 3 см;
- 2 – слой мелкокомковатой гумусированной почвы темно-серого цвета, в нижней части которого были встречены вкрапления мелких угольков, а также фрагменты тулова и венечной части красноглиняного сосуда, – мощность до 10–12 см;
- 3 – коричневато-желтый суглинок слоистой структуры, залегающий на выходах скальных пород.

Дальнейших работ на памятнике не проводилось. Терраса стоянки поныне является излюбленным местом стоянки рыбаков и охотников.

Сосуд из скальной ниши в верховьях Казыра. В 1977 г. старший геолог Минусинской комплексной экспедиции В. Н. Воробьев обнаружил на водоразделе рек Прорвы и Верхнего Китата (притоков Казыра в его верховье), в небольшой

природной скальной нише на седловине перевала, скопление обломков керамического сосуда. Все лежавшие на поверхности обломки В. Н. Воробьев собрал и передал в МКМ. В следующем году на перевале побывал Н. В. Леонтьев, но ни ниши в скалах с обломками горшка, ни каких-либо иных следов пребывания там в древности людей найти не смог.

Местность, в которой был найден сосуд, представляет собой высокогорную гольцовую тундру, каменистую, с карликовыми березками, редкими низкорослыми флаговыми кедрами и большими снежниками на склонах гор, которые не успевают растаять за лето. Природно-климатические условия перевала непригодны для постоянного проживания людей. В относительно недавнем прошлом в такие высокогорные местности верховий Казыра поднимались для летнего выпаса оленей жители восточной саянской тайги – тувинцы-тоджинцы, тофалары и моторы.

Археологические памятники бассейна р. Кизир

Кордовка. В конце 1970-х гг. житель с. Кордово (рис. 22) Н. А. Тюлюбаев, расчищая свой огород от валунов, обнаружил ряд артефактов, в том числе каменное скребло, крупный галечный нуклеус, шлифованное тесло и несколько фрагментов керамики. Свои находки он передал в МКМ. В 1984 г. огород Тюлюбаева, расположенный в устье речки Кордовки, на ее левом берегу, обследовал Н. В. Леонтьев. Осмотр местонахождения показал, что первая надпойменная терраса правого берега Кизира, на которой были найдены артефакты, полностью занята огородами и сельскими постройками. Почвенный слой террасы в устье р. Кордовки имеет мощность не более 30 см. Под ним залегает слой валунов и галечника. В процессе мерзлотных явлений они постоянно поднимаются на поверхность. Состав находок позволяет предположить, что терраса была заселена с эпохи позднего палеолита. Этим временем датируются нуклеус из речного валуна и скребло. К эпохе неолита или энеолита относится каменное тесло. Большинство мелких неорнаментированных фрагментов керамики, собранных на поверхности, датируются эпохой раннего железа.

Верхняя Мульга I. Деревня Верхняя Мульга расположена на пойменной террасе левого берега Кизира при впадении в него речки Мульги и находится в 115 км к ВСВ от г. Минусинска. С запада район деревни ограничен течением р. Кизир, с востока – горой Джеланджа (1216 м по Балтийской системе высот), с севера и юга – резким повышением второй надпойменной террасы левого берега р. Кизир (рис. 22).

Летом 1994 г. в деревне при производстве земляных работ был найден «клад» из трех бронзовых предметов сейминско-турбинского типа: кельта, наконечника копья и ножа. «Клад» залегал на левом берегу речки Мульги, в 400 м к юго-востоку от ее устья, в средней части небольшого всхолмления, образованного глинистыми наносами протекавшего здесь в древности ручья. Всхолмление неправильной овальной формы, длиной около 50 м, шириной до 15 м и высотой до 3 м, вытянуто по линии ВЮВ–ЗСЗ. На нем находился жилой дом, хозяйственное строение и огородный участок религиозной общины «Церковь Последнего Завета». «Клад» был обнаружен общинниками при перестилании пола в старом хозяйственном строении. По словам находчиков, артефакты залегали в толще суглинка на глубине около 50 см и на расстоянии от 20 до 50 см друг от друга (Леонтьев С. Н., 2002; он же, 2007). Возможность обследовать участок появилась

лишь в 2000 г., когда усадьба сгорела и земля перешла в пользование жителя деревни Н. Докучаева.

К моменту обследования от здания, под которым был найден «клад», сохранился лишь дощатый пол и обрамляющие его два-три венца бревенчатого сруба, углубленного в землю до полутора метров. В ходе проведения работ доски верхняя часть подстилающего ее слоя крупного галечника были полностью вынужены, после чего на галечник уложены бревенчатые балки, подведенные под строительным мусором. Излишками земли и строительными отходами был отсыпан весь периметр здания, за счет чего нижние венцы сруба оказались ниже уровня дневной поверхности. При расчистке пространства под досками пола в слое мешаной земли были встречены четыре грубых галечных скола и два мелких фрагмента толстостенного красноглиняного сосуда, орнаментированного оттисками гребенчатого штампа.

На незанятом огородными посадками участке в 3,6 м к юго-востоку от сруба была заложена траншея 430×100 см и глубиной до 80 см, ориентированная по линии ССВ–ЮЮЗ. В ней была выявлена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 23):

1 – дерновой слой бесструктурной гумусированной почвы супесчаного состава темно-серого цвета с интенсивным включением корневой системы растений и современного мусора – мощность до 9 см;

2 – слой мешаной земли суглинистого состава серовато-коричневого цвета с включениями корней растений и современного мусора – мощность до 21 см;

3 – бесструктурный слой серовато-коричневого суглинка с включением двух субгоризонтальных извилистых прослоек супесчаного состава, подстилаемый плотным слоем валунов и крупного галечника, – мощность до 30 см.

Во втором и третьем слоях на глубине от 19 до 56 см в траншее были встречены: три фрагмента керамических сосудов, кремневый наконечник дротика миндалевидной формы, ретушированная широкими сколами халцедоновая пластина, 15 галечных сколов и кремневый скребок с волнистым рабочим краем. Два фрагмента керамики принадлежат тонкостенному сосуду со «струйчатым» декором, третий – толстостенный, красноглиняный – орнаментирован оттисками гребенчатого штампа. Все находки залегали на разных уровнях, не образуя скопления.

В результате проведенных работ было установлено, что на территории всхолмления располагалась стоянка эпохи неолита или энеолита, с которой связан весь найденный каменный инвентарь, а также фрагменты сосуда со «струйчатым» орнаментом. Обломок толстостенного красноглиняного горшка более поздний. Особенности технологии его изготовления – очень тощее тесто с интенсивной примесью аллювия, окислительный обжиг, а также тип использованного орнамента (длинная мелкозубчатая гребенка) – позволяют соотнести его с керамикой окуневской культуры Среднего Енисея. Этот артефакт оказался единственным, хронологически связанным с найденным здесь «кладом».

Верхняя Мульга II. В начале 1990-х гг. житель деревни Верхняя Мульга А. Ф. Васькин, копая землю в своем огороде, обнаружил скопление обломков глиняного сосуда. Находка была сделана на юго-западной оконечности высокой (до 7 м) коренной террасы правого берега р. Мульги, в 250 м к ВЮВ от ее устья и в 50 м к ВЮВ от западного берегового обрыва террасы. По сообщению наход-

чика, рядом с фрагментами сосуда были заметны следы кострища. Он подобрал несколько обломков, но впоследствии все, кроме одного, затерял. В 2000 г. в месте находки обломков сосуда был заложен шурф площадью 2 м², в котором выявлена следующая стратиграфическая ситуация:

1 – бесструктурный горизонт влажной гумусированной супеси темно-серого цвета с включениями корней растений, мелкого щебня и современного бытового мусора – мощность до 8 см;

2 – слой суглинка серовато-коричневого цвета с включениями корней растений и мелкого щебня – мощность до 32 см;

3 – слой суглинка светлого желтовато-коричневого цвета – мощность до 20 см;

4 – материковая толща глины светлого желтовато-коричневого цвета.

В шурфе было расчищено скопление из 83 фрагментов керамического сосуда, декорированного обмазочными валиками. Основная масса обломков залегала на глубине 27–33 см от поверхности. Никаких следов кострища или культурного слоя прослежено не было. Дальнейшие работы на памятнике не проводились.

Каратавская пещера. В 1940 г. главный геолог комбината «Минусазолото» А. Евдокимов с группой рабочих посетил Каратавскую пещеру, расположенную в глухой таежной местности, в верховьях правого берега речки Каратавки, на доразделе рек Чибихека и Шинды. В первой камере, в 20 м от устья пещеры, на глинистом полу рабочие обнаружили несколько металлических предметов. Евдокимов отобрал у них четыре железных наконечника стрел, фрагмент лезвийной части железного ножа и четыре бронзовых бляшки геральдического стиля, которые впоследствии передал в МКМ. В сопроводительном письме он сообщал, что «в пещере, на месте находки стрел и др. предметов древнего жителя этой пещеры были найдены кости животных (череп медведя и, возможно, дикого кабана). В одном таком черепе в глазной впадине найден медный гвоздь».

И. Л. Кызласов, опубликовав каратавские находки, датировал их второй половиной VII в. и интерпретировал как инвентарь пещерного захоронения (Кызласов И. Л., 1999а, с. 185–188). Но костей человека в пещере, видимо, не было, т. к. Евдокимов в своем письме в МКМ упоминает только о черепахах животных. В связи с этим представляется более вероятным, что артефакты, найденные в пещере, связаны с промысловым культом.

ГЛАВА 3

ОПИСАНИЕ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТТРИБУТАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКОВ ККР

Материалы эпохи неолита и бронзы

На территории ККР выявлено только три памятника, в которых представлены материалы неолита и эпохи бронзы (Таяты III, Таяты IV и Верхняя Мульга I). Во всех трех преобладают фрагменты керамики и отходы производства (отщепы, сколы, осколки и пр.); каменные орудия относительно немногочисленны.

Керамика

Для всей керамической посуды, вне зависимости от ее культурно-хронологической принадлежности, характерны некоторые общие черты, связанные как с особенностями технологии ее производства, так и со спецификой археологизации. Горшки лепились из местных высокопластичных красноцветных глин и суглинков, требующих значительного количества отощающих добавок. В качестве последних в подавляющем большинстве случаев использовался просеянный речной песок или дресва дробленого аллювия. Обжиг всех сосудов проводился в окислительной среде, в условиях простого кострища или открытых обжиговых ям, из-за чего они приобретали коричневатую или красноватую окраску.

В процессе длительного залегания на дневной поверхности поселений, а затем в верхних слоях рыхлой почвы обломки керамических сосудов подвергались различным механическим и химико-минералогическим воздействиям. Черепки перемещались по территории поселений, выветривались и измельчались (иногда вплоть до полного разрушения). Из них вымывались органические вещества и соединения железа, что приводило к изменению окраски поверхности и излома. Несмотря на это, исследуемые комплексы керамики сохранили достаточно высокую информативность.

Вся керамика данного периода, за малым исключением, происходит с двух поселений – Таяты III и Таяты IV, которые расположены в 0,5 км друг от друга. Мы сочли возможным рассматривать комплексы вместе, разделяя по типам орнаментации.

Керамика, орнаментированная гребенчатой «качалкой»

К данной группе отнесены мелкие разрозненные фрагменты не менее чем пяти-семи сосудов, встреченные в культурном слое поселения Таяты III. Горшки были изготовлены из комковатого теста средней пластичности с примесью мелко- и среднезернистой дресвы аллювия с высоким содержанием слюды. Они были сформованы лоскутным или лоскутно-ленточным способом и доработаны уплотняющей выбивкой. Толщина стенок варьируется от 0,5 до 0,7 см, их внешняя поверхность заглажена или слабо залощена, внутренняя же скрыта под слоем нагара. Судя по некоторым фрагментам, данные сосуды имели форму высоких слабо профилированных «банок» с округлым днищем. Ни одного фрагмента венчика не найдено. Обжиг этой посуды низкого качества, неравномерно-окислительный; цвет поверхности черепков красновато-коричневый с буроватыми обжигowymi пятнами, излом заметно темнее.

Почти все фрагменты, включая обломки донных частей, украшены монотонными радиально-концентрическими композициями из вертикальных (рис. 24: 1, 2, 4, 8) или горизонтальных (рис. 24: 3, 7) рядов близко поставленных оттисков шагающей или качающейся пунктирной гребенки, в отдельных случаях перемежающихся цепочками наклонных вдавлений короткого зубчатого штампа (рис. 24: 7). Отпечатки орнамента неглубокие, слегка сглаженные, а в ряде случаев почти незаметные. К этому же типу относятся и одиночные фрагменты сосуда (сосудов?) с декором в виде прочерченной ромбической решетки (рис. 24: 5), а также несколько обломков круглого днища горшка без орнамента (рис. 24: 6).

По внешнему облику эта посуда проявляет выразительное сходство с керамикой верхнеенисейского неолита (Семенов, 1992, с. 37–40, табл. 22, 25, 26) и, по аналогии с ней, должна быть датирована серединой – концом III тыс. до н. э.

Керамика, орнаментированная коротким зубчатым штампом

К данной группе отнесены остатки посуды двух типов. Первый тип представлен обломками двух очень сходных друг с другом сосудов из культурного слоя поселения Таяты IV (рис. 25: 1–2). Судя по сохранившимся фрагментам, оба они были изготовлены из теста средней пластичности с примесью мелкозернистой дресвы аллювия. Черепки их плотные, с зернисто-ровным изломом. Способ лепки сосудов не устанавливается. Форма их близка к усеченно-яйцевидной, диаметр устья около 22–25 см, прямой венчик слабо уплощен подрезкой. Корпус сосудов доработан уплотняющей выбивкой или выколачиванием, доведшим толщину их стенок до 0,4 см. Конструкция дна неясна. Поверхность горшков тщательно заглажена орудием типа шпателя, внешняя сторона слабо залощена. Обжиг качественный, равномерно-окислительный. Цвет поверхности и излома красновато-коричневый с более темными обжиговыми пятнами. Орнаментацию сосудов составляют частые горизонтальные ряды из наклонных подтреугольных оттисков отступающего уголка короткого мелкозубчатого штампа. Подвенечная часть обособлена отсутствием декора.

Керамика подобного облика широко известна на территории Западной и Южной Сибири. Наибольшее сходство она обнаруживает с посудой ирбинского типа Алтая и с некоторой частью карасевских материалов Красноярского края (Ирба, Комарово-1, Енисейское, Тагарский остров и др.) (Абдулганеев, 1985, рис. 1: 4; он же, 1987, рис. 2–3; Абдулганеев, Кунгурова, 2001, с. 23, рис. 1; Кирюшин, 2002, рис. 61, 64; Виноградов, 1982, с. 7–8; он же, 1982а, с. 123–124, рис. 7, 8; Леонтьев С. Н., 2003, с. 43). По аналогии с ними, рассмотренные выше сосуды могут быть отнесены к периоду рубежа финального неолита – энеолита.

Второй тип рассматриваемой посуды представляют обломки не менее чем шести – восьми горшков с поселения Таяты III (рис. 25: 3–4) и мелко фрагментированный сосуд из Таяты IV (рис. 25: 5). Все они изготовлены из тощего или средней пластичности теста с примесью дробленого кварц-палевошпатного аллювия со значительным содержанием слюды. Черепки плотные, с зернисто-ровным или комковатым изломом. Моделированы сосуды, вероятно, ленточным способом при неупорядоченном примазывании краев лент внахлест и доработаны уплотняющей выбивкой. Толщина их стенок около 0,4–0,5 см. Сосуд из Таяты IV с диаметром устья около 22–25 см имеет округлое дно и тяготеет к открытой параболоидной форме. Большая же часть посуды из Таяты III имела баночную форму с уплощенным дном, в одном случае обрамленным по внешнему краю небольшим валиком. Поверхность сосудов затерта гладким орудием,

внешняя сторона слабо залощена. Обжиг качественный, равномерно-окислительный. Цвет поверхности черепков красновато-коричневый с обжиговыми пятнами, излом часто более темный. Внутренняя сторона многих фрагментов покрыта следами нагара. Орнаментацию сосудов составляют частые горизонтальные ряды вертикальных или наклонных оттисков короткого прямого пяти-дополнен цепочкой круглых «жемчужин» с низким рельефом. Донная часть их, видимо, не была орнаментирована.

К этому же типу относятся и остатки двух маленьких сосудов из культурного слоя Таяты III (рис. 25: 7–8). Они были выдавлены из цельного комка глины и стенки этих сосудов окрашены в коричневатый-красный цвет и покрыты орнаментом в виде частой горизонтальной «елки», выполненной печатными оттисками короткого зубчатого штампа.

Рассматриваемая посуда более всего напоминает керамику позднекарасевского (екатерининского) типа юга Красноярского края, датируемую рубежом энеолита – ранней бронзы (Виноградов, 1982, с. 7–8; Леонтьев С. Н., 2003, с. 43–44, рис. 3). От последней ее отличает лишь полное отсутствие в орнаментации ямочных наколов.

Нет сомнений, что все сосуды данной группы принадлежат к одной керамической традиции западно- или южносибирского происхождения, но первый их тип маркирует ранний (неолитический) этап ее развития, второй же – более поздний.

При раскопках памятника Таяты III был найден крупный фрагмент венечной части сосуда, который может быть воспринят как переходный вариант между двумя рассмотренными выше керамическими традициями (рис. 25: 6). Этот довольно крупный сосуд с диаметром устья около 20 см имел профилированную верхнеенисейской неолитической посуды). Он был изготовлен из теста средней пластичности с примесью мелкозернистого песка. Стенка плотная, тщательно заглаженная, толщиной 0,6–0,7 см, с зернисто-ровным изломом, темного коричневатого-серого цвета. Торцевой край венчика украшен частыми наклонными оттисками гребенки, а его внешняя сторона декорирована образующими подобие однорядной горизонтальной «елки» смазанными отпечатками короткого прямого мелкозубчатого штампа. Ниже помещен фриз из частых наклонных рядов слабых вдавлений того же орнамента. По основанию слегка намеченной шейки нанесена цепочка нечетких косых насечек, под которой едва заметны оттиски вертикально направленной гребенчатой «качалки».

Внешний облик и характер орнаментации данного фрагмента демонстрируют органическое сочетание черт, характерных для керамики с декором, выполненным гребенчатой «качалкой», и для посуды с орнаментом, нанесенным коротким зубчатым штампом.

Керамика со «штриховой» поверхностью

Среди археологических материалов ККР, относимых к неолиту и эпохе бронзы, особо выделяется серия фрагментированных глиняных горшков со своеобразной рифленой «штриховой» поверхностью. Их обломки встречены в культурных слоях поселений Таяты III (более восьми сосудов), Таяты IV (пять сосудов), Верхняя Мульга I (один сосуд) и Жаровской стоянки (один сосуд). «Штрихи» по

внешнему виду и способу нанесения разделяются на «расчесы», следы выбивки и следы протягивания зубчатого орудия.

«Расчесы» представляют собой частые бороздки, оставленные кратким протаскиванием по полусырой поверхности сосуда какого-то орудия с относительно широким дискретным рабочим краем – вероятнее всего, палочки, обмотанной тонким шнурком или толстой суровой ниткой. Трассы «расчесов» узкие (около 1 мм), короткие и частые, ориентированы вертикально. Подобное оформление стенок посуды, очевидно, являлось лишь специфическим приемом их рельефной обработки и не было связано с орнаментацией, выполнявшейся поверх «расчесов».

Следы выбивки представляют собой бороздки вмятин от ударов по стенкам сосуда колотушкой с плоским или слабо выгнутым рабочим краем, обмотанным гладким (кожаным?) шнурком. Такие «штрихи» относительно широкие (около 3–4 мм), равной длины и, как правило, достаточно четкие. Они объединяются в группы, равные ширине колотушки и ориентированные преимущественно по диагонали относительно продольной оси сосуда (сосуд удерживался за венчик в наклонном положении). Подобная выбивка была направлена на уплотнение стенок сосуда и не связана с их орнаментацией.

Следы протягивания зубчатого орудия выглядят как частые параллельные бороздки. Они наносились орудием типа лопаточки со слегка приостренными зубцами. Ширина и направленность таких «штрихов» для каждого сосуда индивидуальна. В отличие от «расчесывания», этот способ рифления стенок сосудов являлся специфическим приемом их орнаментации.

С учетом описанных выше типов «штрихов» вся рассматриваемая керамика, с известной долей условности, разделяется на три группы.

Первую группу составляют фрагменты сосудов с «расчесами». Два из них найдены на поселении Таяты III и представлены мелкими обломками венечных частей, не позволяющими составить должного представления ни о форме этих сосудов, ни о технологии их изготовления. Они были вылеплены из хорошо промешанного жирного теста с незначительной примесью мелкозернистого песка. Венчик одного сосуда слегка утолщен и подрезан со скосом вовнутрь. Черепки плотные, с зернисто-ровным изломом. Цвет их внешней поверхности темный, серовато-коричневый, внутренняя сторона и излом черные. Стенки сосудов покрыты короткими неглубокими «штрихами» расчесов, поверх которых нанесена орнаментация. Один из этих горшков был декорирован по внешнему краю устья лентой частых оттисков прямого конца узкой отступающей лопаточки, от которой вниз по диагонали опущены разреженные ряды вдавлений того же орнаментации (рис. 26: 1). Второй сосуд по срезу венчика украшен тычковыми оттисками палочки, а его приустьевая зона выделена наклонным пояском овальных «жемчужин», перемежающихся с направленными в противоположную сторону рядами неглубоких отпечатков штампа в форме копытца (рис. 26: 2).

На поселении Таяты III были также найдены единичные мелкие фрагменты нескольких тонкостенных горшков, покрытых тождественными вертикально направленными «расчесами». В отличие от рассмотренных выше, тесто этих сосудов рыхлое, тощее, со значительной примесью среднезернистого речного песка. Цвет поверхности варьируется от темно-коричневого до буровато-серого, излом темно-серый или черный.

На поселении Таяты IV найден только один крупный фрагмент венечной части сосуда этой группы (рис. 27: 1). Судя по нему, горшок был изготовлен из

плотного, жирного и тонко отмученного теста с незначительной примесью мелкозернистой дресвы аллювия. Способ формовки сосуда неясен. Стенки уплотнены форму, близкую к ситиловидной «банке» закрытого типа с неясной конструкцией дна. Диаметр устья 11–12 см. Цвет его внешней поверхности светло-коричневый, излом и внутренняя сторона черные. Стенки сосуда покрыты короткими неглубокими вертикально направленными «штрихами». Срез венчика украшен подтреугольными вдавлениями конца палочки, приустьевая часть выделена цепочкой круглых «жемчужин». Сосуд декорирован сгруппированными по два диагональными рядами оттисков уголка отступающей лопаточки, перемежающимися со сгруппированными по три косыми прорезными линиями.

Вторая группа представлена фрагментированными сосудами, чей корпус покрыт отпечатками обмотанной шнурком колотушки. Многочисленные разрозненные фрагменты одного из них найдены на поселении Таяты III. Сосуд был довольно крупный (диаметр устья 24–25 см) и имел слабопрофилированную закрытую баночную (?) форму с неясной конструкцией дна (рис. 26: 8). Он был изготовлен из хорошо промешанного теста средней пластичности с примесью ленточной или лоскутно-ленточной лепкой и доработана выколачиванием колотушкой с узким (3,5–4 см) рабочим краем, обмотанным гладким (кожаным?) шнурком. На внутренней поверхности корпуса заметны слабые следы от наколенки – небольшой уплощенной галечки (?). Толщина стенок 0,3–0,4 см; венчик утолщен до 0,8 см и имеет внутри асимметричный треугольный профиль. Обжиг сосуда качественный, равномерно-окислительный. Цвет черепков варьируется от светло-коричневого до коричнево-оранжевого, излом заметно темнее. Сосуд декорирован тонкими прорезными линиями, в подвенечной части образующими широкую однорядную горизонтальную «елку», а в области экватора – разреженные наклонные ряды, направленные по диагонали к днищу. Приостренный срез венчика по торцу украшен косыми вдавлениями ребра палочки, моделирующими по внешнему его краю рельефную «волну». Подвенечная часть сосуда выделена пояском мелких сегментовидных ямок и расположенной под ним цепочкой круглых «жемчужин» с низким рельефом, чередующихся с ямочными вдавлениями.

Второй сосуд этой группы с поселения Таяты III представлен достаточно большим количеством фрагментов (рис. 26: 7). Судя по ним, он был изготовлен из хорошо промешанного теста средней пластичности с примесью мелкозернистой дресвы аллювия. Этот сосуд имел незначительные размеры (диаметр устья – 16–18 см) и слабо профилированную форму со слегка раздутым на середине высоты туловом и едва отогнутым наружу венчиком. Конструкция дна неясна. Стенки сосуда, покрытые тонким слоем глиняной суспензии, были тщательно затерты и выколочены обмотанной тонким кожаным (?) шнурком узкой колотушкой. Их толщина колеблется в пределах 0,4–0,5 см, в то время как округлый венчик, напротив, утолщен до 0,7–0,8 см за счет дополнительной обмазки слоем глины по его внешнему краю. Обжиг сосуда качественный, равномерно-окислительный. Цвет его внешней поверхности светлый, рыжево-коричневый, внутренняя сторона и излом темные, буровато-серые. Этот сосуд был орнаментирован частыми наклонными оттисками ребра палочки по внутреннему краю венчика. Внешняя сторона его приустьевой зоны выделена однорядной горизонтальной «елкой», выполненной печатными вдавлениями узкого конца гладкой лопаточки.

Под ней помещена цепочка круглых «жемчужин» с низким рельефом, чередующихся с мелкими округлыми ямками.

К этой же группе относятся одиночные фрагменты венчиков двух маленьких сосудов с поселения Таяты III (рис. 26: 4–5). Оба они были изготовлены из теста средней пластичности с незначительной примесью мелкозернистой дресвы и имели светло-коричневый цвет. Их утолщенный венчик имел внутри асимметричный треугольный профиль и был украшен по торцу частыми и нечеткими оттисками отступающей лопаточки. Внешний край венчика одного сосуда выделен узкой и тонкой накладной лентой, сильно расформованной частыми пальцевыми (?) прижатиями. Ниже нее видны смазанные наклонные «рубцы» выбивки, перекрывающиеся цепочкой круглых «жемчужин», чередующихся с мелкими аморфными ямками. Приустьевую часть другого сосуда украшает горизонтальная «елка», выполненная, вероятно, легким протягиванием зубчатой лопаточки и также перекрываемая цепочкой круглых «жемчужин», чередующихся с мелкими аморфными ямками.

На территории поселения Таяты IV встречены развалы двух сосудов этой группы. Первый из них имел профилированную, близкую к горшковидную форму закрытого типа с высокой вогнутой шейкой, отогнутым наружу округлым венчиком, покатыми плечиками и, очевидно, округлым дном (рис. 27: 5). Диаметр его устья 20–21 см, экватора – около 29 см. Срез венчика этого горшка украшен косыми насечками, а основание шейки выделено пятью (?) горизонтальными рядами вдавлений узкого конца отступающей лопаточки, которые в области плечиков переходят в простейший геометрический узор типа горизонтального зигзага или треугольных фестонов. Сосуд изготовлен из плотного, тощего комковатого теста с примесью средне- и крупнозернистого дробленого аллювия.

Способ формовки этого сосуда неясен. Его емкость была доработана выбивкой колотушкой, обмотанной гладким (кожаным?) шнурком. Толщина стенок неравномерная и варьируется от 0,5 до 0,7 см. Венчик, изначально имевший толщину около 0,4 см, был нарощен дополнительной обмазкой слоем более жирной глины. После формовки сосуда его емкость была замята и заглажена (эти операции почти уничтожили следы выбивки). Обжиг качественный, равномерно-окислительный. Цвет внешней поверхности черепков насыщенный красновато-коричневый, внутренняя их сторона блеклая, серовато-коричневая, излом двухцветный.

Второй сосуд с поселения Таяты IV крупный, с диаметром венчика около 30 см и высотой корпуса 27–28 см. Он имел реповидную форму закрытого типа со слегка приостренным дном, покатыми плечиками, низкой вогнутой шейкой и отогнутым наружу округлым в сечении венчиком (рис. 28). Сосуд был изготовлен из плотного теста, жирного в верхней части сосуда, а к днищу переходящего в тощее, с примесью мелкозернистой дресвы аллювия. Горшок сформован ленточным или лоскутно-ленточным способом (возможно – на шаблоне) и доработан выколачиванием колотушкой с неширокой (ок. 3,5 см) рабочей площадкой, обмотанной гладким (кожаным?) шнурком. Обработана вся внешняя поверхность сосуда от дна до плечиков, за счет чего она приобрела выраженный «рубчатый» рельеф. На внутренней поверхности корпуса заметны слабые следы от наковальни – небольшой уплощенной галечки (?). Толщина стенок 0,3–0,4 см, днища – 0,7–0,8 см. Венчик утолщен до 0,9 см за счет наложения дополнительной 5-сантиметровой ленты жирной глины. На не подвергавшейся выколачиванию поверхности сосуда заметны следы замывки и заглаживания тканью (?). Обжиг

качественный, равномерно-окислительный. Цвет черепков ровный, насыщенный красновато-оранжевый. Внешняя часть сосуда от устья до плечиков покрыта черным ангобом, а внутренняя – темно-коричневым нагаром.

Горшок по внутренней стороне венчика декорирован цепочкой прорезных косых крестов, а по его срезу – оттисками отступающей палочки. Шейка украшена на пояском круглых «жемчужин», ниже которых помещен широкий фриз из пяти горизонтальных рядов вдавлений спрямленного конца отступающей палочки.

В нижней части культурного слоя Жаровской конца отступающей палочки, мелкий обломок стенки сосуда с тождественной стоянки был найден лишь один.

Третья группа представлена тремя фрагментированными сосудами, два из которых встречены на поселении Таяты IV, а третий – на стоянке Верхняя Мульга I. От первого сосуда сохранились лишь разрозненные фрагменты тулова (рис. 27: 4). Судя по ним, он был изготовлен из плотного комковатого теста средней пластичности с примесью дресвы аллювия. Способ лепки и форма этого сосуда не устанавливаются. Его стенки были уплотнены выбивкой и тщательно заглажены. Их толщина варьируется от 0,4 до 0,6 см. Обжиг качественный равномерно-окислительный, цвет поверхности и излома черепков ровный красновато-коричневый. Стенки сосуда декорированы глубокими разнонаправленными прочерченными «штрихами», выполненными протаскиванием в вертикальном направлении орудия типа зубчатой лопатки и постепенно затухающими к днищу.

Второй сосуд представлен лишь девятью мелкими фрагментами (рис. 27: 2). Судя по ним, горшок был изготовлен из плотного слоистого теста средней пластичности с примесью мелкозернистой дресвы аллювия. Способ лепки и форма этого сосуда неясны. Толщина стенок варьируется в пределах 0,4–0,5 см, основание венчика с треугольным внутри асимметричным профилем изнутри утолщено до 0,7 см. Обжиг сосуда качественный, равномерно-окислительный. Цвет поверхности черепков коричневый и коричневатобурый, излом с четкой черной прослойкой. Венчик сосуда слабо уплощен и по торцу украшен косыми насечками, стенки же горшка покрыты выполненными протаскиванием зубчатой лопаточки диагонально прочерченными «штрихами», четкими у устья и почти незаметными у дна. Подвенечная зона выделена пояском четко очерченных круглых «жемчужин».

От третьего сосуда, происходящего из разведочного шурфа на местонахождении Верхняя Мульга I, сохранилось лишь два обломка. Судя по ним, он был изготовлен из плотного жирного теста с очень незначительной примесью аллювия. Форма сосуда не ясна, дно, видимо, округлое или приостренное. Стенки тщательно заглажены. Их толщина варьируется от 0,3 до 0,5 см. Обжиг качественный, равномерно-окислительный. Цвет поверхности и излома черепков темный, красновато-коричневый. Сосуд был украшен «струйчатым» орнаментом, выполненным протягиванием какого-то орудия типа зубчатой лопаточки или палочки, обмотанной шнурком. Длинные, идущие по диагонали штрихи пересекаются горизонтальными разделительными рядами косых насечек (рис. 27: 3).

При сопоставлении трех рассмотренных групп посуды со «штриховой» поверхностью становится очевидным, что все сосуды с «расчесами» (группа I), а также горшки со следами выбивки колотушкой, обмотанной гладким шнурком (группа II), относятся к одной керамической традиции. Для нее характерны утолщенные венчики с внутри асимметричным треугольным профилем, украшающий лишь приустьевую часть сосуда отступающе-накольчатый и (или) прорезной декор с почти обязательной орнаментацией торца или внутреннего края венчика,

а также выделение приустьевой зоны цепочкой «жемчужин», часто – в сочетании с мелкими ямками.

К этой же традиции, очевидно, относятся и происходящие с поселения Таяты III мелкие единичные фрагменты венчиков тонкостенных сосудов, украшенные накольчато-отступающим орнаментом в сочетании с однорядным «жемчужником» (рис. 26: 3, 6).

Большая часть этой посуды по своим характеризующим признакам проявляет сходство с поздне-неолитической керамикой посольского типа III тыс. до н. э. Красноярского и Прибайкальского регионов (Макаров, 2005, с. 154–158; Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 43–44). В то же время такие черты, как отсутствие налеса под венчиком, наличие в орнаментации «жемчужин» и декорирование среза венчика, позволяют соотнести ее с некоторыми образцами раннеглазковской керамики Прибайкалья (Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 46–48).

Сюда же следует отнести и остатки сосуда с угловатым подтреугольным венчиком и «штриховым» декором с поселения Таяты IV (группа III). Он тождествен «штриховой» керамике Нижнеудинского района (Генералов, Абдулов, 2000, с. 92, рис. 2: 8–9) и Тункинской котловины (Угольков, Уголькова, 2001, с. 14–15, табл. LIV: 4; LV; LVI) и по аналогии с ней может быть отнесен к раннеглазковскому культурно-хронологическому горизонту.

Несколько иную традицию демонстрируют два других сосуда со «штриховой» поверхностью с поселения Таяты IV (группа II). Первый из них (рис. 27: 5) по своему внешнему облику и некоторым особенностям технологии изготовления находит прямые соответствия в «ленточной» керамике из слоя В поселения Улан-Хада (Грязнов, Комарова, 1992, с. 20, рис. 21–23) и из IX–V культурных горизонтов поселения Тышкино II (Горюнова, Ярославцева, 1982, рис. 2, 5). Сходная по орнаментации посуда известна и в Тоджинской котловине (Семенов, 1992, табл. 44: 13; 45: 18, 23, 26–27; 47: 10, 13). По аналогии с материалами Прибайкалья данный сосуд должен быть отнесен к глазковскому культурно-хронологическому горизонту (Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 48) и, следовательно, может считаться маркером позднего этапа развития рассмотренной выше керамики с «рубчатой» («штриховой») поверхностью. Второй же сосуд (рис. 28) благодаря своей форме производит впечатление позднекарасукского (каменоложского, карасук-лугавского). Действительно, на этом этапе развития керамической традиции степного Среднего Енисея появляется посуда параболических и усеченно-яйцевидных форм со стенками, проработанными выбивкой колотушкой, обмотанной гладким шнурком. Вместе с тем, орнамент данного сосуда сближает его с некоторыми образцами поздне-средневековой керамики ККР.

Отнесенные нами к третьей группе остатки сосуда с прочерченной орнаментацией (поселение Таяты IV) благодаря своеобразному декору живо напоминают «штриховую» керамику Байкало-Ангарского региона. Фрагменты же горшка с Верхней Мульги I по ряду технологических признаков могут быть соотнесены с поздне-неолитической керамикой карасевского типа (Виноградов, 1982, с. 7–9; Леонтьев С. Н., 2003, с. 43–44). По характеру орнаментации эти черепки сближаются с некоторыми образцами неолитической и ранне-бронзовой посуды района Байкала (см., напр.: Ветров, 1982, рис. 4: 2).

Керамика, орнаментированная гладкой «качалкой»

В культурном слое поселения Таяты III, в основном на уровне горизонта 2, найдены фрагменты не менее шести однотипных сосудов с гладкими стенками,

декорированными гладкой «качалкой» (рис. 29: 1–7). Все эти горшки были изготовлены из хорошо промешанного тощего или средней пластичности теста с искусственной примесью мелкозернистой дресвы дробленого аллювия. Способ гладкой колотушкой. Поверхность их уплотнена выбивкой и тщательно заглажена, а в некоторых случаях покрыта тонким слоем глиняной суспензии ма сосудов, вероятно, тяготела к закрытой баночной со слабо изогнутыми стенками профилем в некоторых случаях был слегка отогнут наружу. Обжиг качественный, в равной мере. Цвет поверхности и излома черепков красновато-коричневый разных оттенков.

Орнаментацию сосудов составляют монотонные горизонтальные (рис. 29: 2) или наклонные (рис. 29: 1) ряды частей четко пропечатанных или, напротив, смазанных оттисков гладкой «качалки», покрывающих весь корпус горшка. Судя по оставленным без орнамента, днища или придонные части некоторых сосудов были шена частыми наклонными вдавлениями ребра тонкой палочки и лишь в одном случае приустьевая часть сосуда была декоративно обособлена цепочкой мелких овальных ямок.

Вся данная посуда находит широкий круг аналогий в материалах неолита – ранней бронзы Минусинской котловины (Кызласов Л. Р., 1986, рис. 14), Красноярья (Макаров, 2005, рис. 6: 10; 11: 2) и Тувы (Давлет, 1971, рис. 2; Семенов, 1992, табл. 33, 34).

Керамика с гребенчатой орнаментацией

На поселении Таяты III найдены остатки более десятка сосудов с гребенчатым декором (рис. 30), большая часть которых представлена лишь единичными разрозненными фрагментами. Форма реконструируется лишь у двух горшков. Первый – небольшой сосуд с диаметром устья около 12–12,5 см – имел округлое дно, высокие, плавно изогнутые стенки и едва намеченную слабо вогнутую шейку (рис. 30: 3). Его приостренный венчик слегка отогнут наружу. Второй сосуд был значительно крупнее (диаметр устья более 22 см) и имел схожую форму, но с заметно более раздутым корпусом, экватор которого (25,5 см) приходился на середину его высоты. Слабо вогнутая шейка скрыта под широким налипшим валиком с треугольным профилем. Конструкция дна неясна (рис. 30: 7). Остальная же посуда этого типа, судя по имеющимся фрагментам, имела сходную форму.

Для этой посуды характерно хорошо промешанное тесто средней пластичности с искусственной примесью мелко- и среднезернистой дресвы аллювия. Все черепки плотные, с зернисто-ровным изломом. Сосуды, вероятно, моделировались со дна скульптурной ленточной лепкой. Края лент расформовывались пальцами, слегка подсушивались и соединялись друг с другом внахлест. Корпус сосудов прорабатывался уплотняющей выбивкой, доводящей толщину их стенок до 0,4–0,5 см. Их поверхность покрывалась тонким слоем глиняной суспензии и тщательно затирались орудием типа гладкого шпателя. Внешняя сторона стенок покрывалась тусклым лощением. Обжиг всех сосудов качественный, равномерно-окислительный. Цвет внешней стороны черепков коричневатокрасный, разных оттенков, внутренняя сторона и излом часто заметно темнее.

Все сосуды украшены печатными оттисками длинной пунктирной гребенки с узкими прямоугольными зубцами. В некоторых случаях верхнему и нижнему зубцам штампа, в отличие от прочих, была придана удлиненно-треугольная форма. Отпечатки гребенки образуют монотонный орнамент в виде горизонтальной «елки» (рис. 30: 1-2, 5-7) или широких горизонтальных полос (рис. 30: 4), сплошь покрывающих корпус сосуда, исключая торец венчика и днище.

В материалах поселения Таяты IV присутствуют остатки лишь двух архаичных горшков, украшенных оттисками длинного гребенчатого штампа. Первый из них – крупный сосуд (высота 20 см, диаметр устья 19,5 см, дна – 8 см) слабо профилированной баночной формы с уплощенным днищем и округлым, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 31: 3). Черепки плотные, с комковатым изломом. Сосуд был изготовлен из плохо промешанного, среднезернистого, почти тощего теста с искусственной примесью мелко- и среднезернистой дресвы аллювия в сочетании с шамотом в виде комков сухой глины. Его емкость моделирована широкими лентами, а дно, изначально имевшее вид округлой чаши, уплощено прижатием к плоскости. Стенки сосуда, толщиной от 0,6 до 0,8 см, доработаны уплотняющей выбивкой, замыты и тщательно затерты гладким шпателем с узким рабочим краем. Их внешняя поверхность покрыта слабым тусклым лощением. Обжиг сосуда качественный, проводившийся в равномерно-окислительной среде. Цвет черепков светлый, красновато-коричневый, с темными пятнами, излом немного темнее.

Сосуд был украшен по торцу венчика косыми оттисками длинной (более 3 см) гребенки штампа с квадратными зубцами. Верхнему и нижнему зубцам штампа, в отличие от прочих, придана треугольная форма. Тем же орнаментом по внешней стороне приустьевой части выполнены две горизонтальные линии, от которых к днищу опускаются широкие полосы вертикального зигзага, образованные печатными оттисками косо поставленной гребенки. Подвенечная зона выделена цепочкой глубоких круглых ямочных вдавлений.

Второй сосуд имел небольшие размеры (диаметр устья около 9,5 см) и профилированную форму со слегка намеченной вогнутой шейкой, отогнутым наружу округлым венчиком, покатыми плечиками и неясной конструкцией дна (рис. 31: 1). Он был изготовлен простым выдавливанием из комка глины средней пластичности с искусственной примесью мелкозернистой дресвы аллювия в сочетании с шамотом в виде комков сухой глины. Стенки толщиной от 0,5 до 0,8 см были тщательно заглажены, венчик дополнительно подформован пальцами. Обжиг сосуда качественный, проводившийся в окислительной среде. Цвет черепков красновато-коричневый, с темными пятнами, на их внутренней стороне – следы бурого нагара. Сосуд был украшен широкими горизонтальными полосами из разреженных вертикальных оттисков гребенки с акцентированным нажимом на верхнюю часть штампа.

К этой же группе посуды, судя по составу теста и внешнему виду черепков, принадлежит и крупный одиночный фрагмент неорнаментированной придонной части небольшого баночного (?) сосуда, чье плоское дно диаметром 8 см было обрамлено грубо сформованным внешним валиком с очень низким рельефом (рис. 31: 2).

Рассмотренная посуда с гребенчатым декором принадлежит, вероятно, к разным керамическим традициям. Сосуды поселения Таяты III по своей орнаментации близкородственны поздненеолитической и раннебронзовой пунктирно-гребенчатой керамике Хакасско-Минусинского и Красноярского регионов

(Макаров, 2005, с. 157-158; Леонтьев С. Н., 2003, рис. 3). В то же время их своеобразная форма и оформление подвенечной зоны широким налетным валиком тождественны некоторым сосудам из 6-го («раннеокуневского») культурного слоя поселения Тоора-Даш (Семенов, 1983, табл. 1: 19; он же, 1992, табл. 29; части тонкостенного красноглиняного сосуда, украшенного по внешней стороне венчика широким плоским налетным валиком, основание которого декорировано частыми полуовальными вдавлениями (рис. 30: 8). Валик и стенку под ним не отличимый от него обломок горшка присутствует и в материалах 6-го культурного слоя поселения Тора-Даш (Семенов, 1992, табл. 30: 2).

Сосуды с поселения Таяты IV находят широкий круг аналогий в материалах эпохи ранней бронзы Западной и Южной Сибири. Большой из сосудов по формам из могильника Озерное (Молодин, 2006, рис. 12), а также – с некоторыми образцами керамики окуневской культуры (Леонтьев С. Н., 2006, рис. 7: 8).

Керамика с накольчато-штампованной орнаментацией

В культурном слое поселения Таяты III были найдены остатки трех близких друг другу керамических сосудов. Два из них имели слабо профилированную баночную, близкую к «тюльпановидной», форму с плавно расходящимися вверх и в стороны стенками и слегка отогнутым наружу округлым венчиком. Один из них достаточно крупный (высота и диаметр устья – около 30 см, диаметр дна – около 12-15 см) (рис. 32: 1), второй несколько меньше (высота и диаметр устья – около 25-26 см, диаметр дна – около 10-11 см) (рис. 32: 7). Форма и размеры третьего горшка из-за малого количества сохранившихся фрагментов (рис. 32: 2-4) не устанавливаются.

Орнаментация всех трех сосудов совершенно одинакова. Их подвенечная часть украшена тремя рядами коротких каплевидных оттисков палочки, направленных скругленными вершинами вправо и вверх. Ниже помещены три узких прорезных каннелюры с мелким «жемчужником» между ними, туловище же декорировано частыми горизонтальными рядами длинных каплевидных оттисков палочки, направленных скругленными вершинами влево и вниз. Днище одного из этих горшков было украшено радиально-концентрическим орнаментом, выполненным теми же каплевидными оттисками.

Сосуды были изготовлены из хорошо промешанного теста средней пластичности с искусственной примесью мелко- и среднезернистой дресвы кварцполевошпатного аллювия. Корпус сосудов моделирован скульптурной ленточной лепкой с упорядоченным примазыванием края верхних лент к нижним изнутри внахлест. Дно, имевшее вид плоской чашечки с невысокими бортами, формовалось отдельно. Стенки сосудов толщиной 0,4-0,6 см уплотнены выбивкой гладкой колотушкой, покрыты тонким слоем глиняной суспензии и тщательно заглажены жестким шпателем. Их внешняя поверхность слабо залощена. Обжиг сосудов качественный, равномерно-окислительный, цвет варьируется от светлого желтовато-коричневого до светлого коричневатого-красного. Внутренняя сторона черепков серовато-коричневая, излом коричневатый или серый.

К данной посуде тяготеет еще один сосуд, найденный на поселении Таяты III. Он слабо профилированной баночной формы, высотой около 26,5 см и с диаметром устья около 25 см (рис. 32: 8). Технологические характеристики его та-

кие же, что и у рассмотренных выше сосудов, а стенки покрыты монотонным орнаментом в виде частой горизонтальной «елки», выполненной удлинненно-клиновидными концевыми оттисками ребра палочки.

Все эти сосуды благодаря своей форме, организации орнамента и способу его исполнения обнаруживают выразительное сходство с некоторыми образцами керамики седьмого (позднего «окуневского») слоя поселения Тоора-Даш в Туве (Семенов, 1992, с. 42–49, таб. 29–33). Не противоречит указанному сходству и приведенное В. А. Семеновым краткое описание внешнего облика тоора-дашинской посуды. Вся она имеет примерно одинаковую (5–6 мм) толщину стенок, красноватый цвет и тесто с примесью зерен кварцевого песка (Там же, с. 46).

К рассматриваемой группе архаичной керамики можно отнести также остатки еще двух сходных друг с другом сосудов. Первый из них имел небольшие размеры (диаметр устья менее 20 см) и открытую баночную форму с плавно выгнутыми стенками (рис. 33: 2). Второй сосуд был значительно крупнее (диаметр устья около 30 см) и имел более профилированную форму со слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 33: 3). Конструкция дна неясна. Оба они были изготовлены из теста средней пластичности с искусственной примесью песка и среднезернистой дресвы аллювия. Корпус сосудов был моделирован широкими лентами, стенки толщиной 0,5–0,7 и 0,6–0,9 мм были выбиты гладкой колотушкой. Их поверхность тщательно затерта гладким шпателем с узким (2–2,5 см) рабочим краем. Внешняя сторона была замыта, благодаря чему приобрела шероховатую фактуру. Обжиг обоих сосудов качественный, проводившийся в окислительной среде. Цвет черепков варьируется от светлого коричневато-серого до красновато-коричневого, внутренняя сторона темная коричневато-серая, излом двухцветный.

Слабо утолщенный венчик меньшего сосуда имел скошенный, внешне асимметричный профиль. Первоначально он был тщательно затерт гладким шпателем, после чего по внешней стороне подформован ритмично повторяющимися односторонними оттисками подушечки большого (?) пальца. Благодаря этому он приобрел слабо выраженную волнистую форму. Стенки сосуда от устья покрывал монотонный орнамент из частых горизонтальных рядов мелких каплевидных вдавлений концом приостренной палочки, направленных скругленными вершинами влево и вниз. Приустьевая часть выделена цепочкой глубоких ямочных вдавлений.

Венчик большего сосуда первоначально имел прямой симметричный профиль, однако из-за дополнительной подработки ритмично повторяющимися двухсторонними встречными нажатиями подушечками большого и указательного (?) пальцев, он существенно изменил свою форму. В местах пальцевых сжатий он приобрел овальный симметричный профиль, а между ними – слабо выраженный грибовидный симметричный. Торцевой же край венчика, благодаря тем же пальцевым сжатиям, получил ярко выраженную волнистую форму. Стенки сосуда украшал орнамент в виде разреженной вертикальной «елки», образованной узкими линзовидными насечками, нанесенными приостренным концом тонкой палочки. Приустьевая часть выделена цепочкой круглых «жемчужин», обрамленных «волной» сдвоенных прорезных линий.

Орнамент первого сосуда живо напоминает один из наиболее распространенных вариантов декора керамики финального неолита – ранней бронзы Среднего Енисея (Виноградов, 1982, рис. 8; Леонтьев С. Н., 2003, рис. 4) и Байкало-Красноярского региона (Соколова, 2007, табл. 4). Второй же горшок по форме и орнаментации во многом схож с посудой уйбатского, по И. П. Лазаретову (Лазаретов, 1997, с. 31–37), или уйбатско-лебяжинского, по С. Н. Леонтьеву (Леонтьев С. Н., 2006, с. 264), этапа окуневской культуры. По внешнему же виду черепков значительной степени напоминают керамику с гребенчатой орнаментацией по-

ретов, 1997, с. 31–37), или уйбатско-лебяжинского, по С. Н. Леонтьеву (Леонтьев С. Н., 2006, с. 264), этапа окуневской культуры. По внешнему же виду черепков значительной степени напоминают керамику с гребенчатой орнаментацией по-

Хотя последние два сосуда и демонстрируют некоторые отличия от всей остальной посуды с накольчато-штампованной орнаментацией, они, несомненно, принадлежат к той же керамической традиции. На это прямо указывает единичная орнаментация. Примечательно и некоторое родство их с сосудами с печатно-гребенчатым декором, т. к. в культурном слое поселения Таяты III найден обломок приустьевой части небольшого баночного сосуда со сходной фактурой, со вдавлениями по торцу и внешнему краю венчика сочетаются с косыми концевыми отпечатками гребенчатого штампа (рис. 33: 1). Вполне вероятно, что керамика существовала в рамках одной культурной традиции.

Близость всей данной посуды с керамикой окуневской культуры и с сосудами из 7-го («окуневского») слоя Тоора-Даша позволяет уверенно отнести время ее бытования к первой половине II тыс. до н. э. – периоду формирования и существования на территории Сибири культур самусьско-окуневской исторической общности (Матющенко, 2006).

Керамика окуневского типа

Фрагментированная керамика окуневского типа встречена на территории поселений Таяты III (не менее восьми сосудов) и Таяты IV (пять-шесть сосудов). В отдельный комплекс она выделена эмпирически благодаря устойчивому комплексу признаков технологии изготовления, морфологии и орнаментации (Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2006, с. 228). Ее, как и синхронную посуду из степной и лесостепной части Минусинской котловины (Иванова, 1968; Соколова, 2007, с. 48–50; Леонтьев С. Н., 2006, с. 261–264), характеризует рыхлое тощее или очень тощее тесто с интенсивной примесью дресвы дробленого аллювия, толстые (от 6 до 12 мм) стенки, формовка скульптурной ленточной лепкой с последующей выбивкой в технике колотушки и наковаленки и сплошная (включая дно) орнаментация оттисками и наколами палочки или гладкого штампа.

Таяты III. Большая часть окуневской керамики этого поселения представлена лишь незначительными разрозненными фрагментами (рис. 34: 2–9), не дающими сколько-нибудь полного представления о формах и орнаментации сосудов. Условно реконструирован лишь один горшок, крупные обломки которого были разбросаны на площади в 3 м². Он имел форму слабопрофилированной усеченно-конической «банки» высотой около 25 см и диаметром устья 27 см (рис. 34: 1) и был изготовлен из рыхлого, комковатого и очень тощего теста с интенсивной (до 40 %) примесью дресвы дробленого аллювия. Сосуд моделирован с устья скульптурной ленточной лепкой; дно, изначально округлое, было уплощено прижатием к плоскости. Толщина стенок около 0,9 см. Емкость доработана выбивкой в технике колотушки и наковаленки и, после дополнительной обмазки изнутри, тщательно затерта деревянным (?) шпателем. Внешняя поверхность сосуда слабо залощена и целиком, включая дно, декорирована частыми отступающими концевыми оттисками ребра палочки, сгруппированными в диагонально-

наклонные ряды. Тем же орнаментом нанесены глубокие вдавления по слегка уплощенному и имеющему слабый скос наружу торцу венчика, придавшие ему волнистый рельеф. Подвенечная зона выделена двумя рядами «жемчужника». Обжиг сосуда низкотемпературный, с длительной экспозицией, равномерно-окислительный, цвет поверхности и излома темно-коричневый. Внутренняя и, частично, внешняя сторона его емкости покрыта слоем интенсивного черного нагара мощностью до 0,5 мм.

Не менее двух окуневских сосудов этого поселения имели сходную орнаментацию, отличающуюся от декора вышеописанного сосуда лишь тем, что «жемчужины» в их подвенечной зоне были расположены в один ряд (рис. 34: 5, 9). Найдены здесь и обломки нижней части плоскодонной «банки», в декоре которой частые концевые оттиски ребра палочки образовывали не диагональные, а горизонтальные ряды (рис. 34: 6). Еще два сосуда, от которых сохранились лишь одиночные обломки стенок, украшала вертикальная (рис. 34: 3-4) и горизонтальная (рис. 34: 8) «елка» четких зерновидных вдавлений.

Таяты IV. Окуневская керамика этого поселения несколько отличается от описанной выше. Из найденных здесь пяти или шести фрагментированных сосудов надежно реконструируются лишь два. Первый – слабо профилированной баночной формы с неясной конструкцией дна и устьем около 12 см в диаметре (рис. 35: 8). Он изготовлен из плотного, комковато-зернистого тощего теста с примесью дресвы непросеянного речного аллювия. Способ формовки неясен. Емкость замята с обеих сторон и изнутри тщательно затерта шпателем. Сосуд декорирован частыми горизонтальными рядами коротких и слегка наклонных оттисков палочки со спрямленным концом; подвенечная зона выделена горизонтальным зигзагом «ложной гребенки». Обжиг сосуда низкотемпературный, с длительной экспозицией, равномерно-окислительный, цвет поверхности и излома красновато-коричневый. Внутренняя сторона сосуда в приустьевой зоне покрыта слоем темного буроватого нагара.

Второй сосуд, крупные фрагменты которого были рассеяны по территории памятника на 6 м², имел несколько необычную для окуневской посуды форму закрытой слабопрофилированной круглодонной «банки» высотой около 33 см и диаметром устья 28 см (рис. 35: 10). Он был изготовлен из рыхлого, комковатого и очень тощего теста с интенсивной (ок. 50 %) примесью дресвы аллювия и моделирован с устья скульптурной ленточной лепкой. Ширина лент достигала 8 см при толщине стенок до 0,9 см. Венчик уплощен прижатием его к плоскости. Емкость сосуда с обеих сторон замята и тщательно затерта шпателем. Внешняя поверхность, исключая неорнаментированное дно, декорирована монотонными горизонтальными рядами частых вертикальных вдавлений, имеющих удлиненную каплевидную форму и выполненных наколами палочки со скругленным концом. Подвенечная зона выделена пояском «жемчужин» с низким рельефом. Обжиг сосуда низкотемпературный, равномерно-окислительный, с длительной экспозицией. Цвет поверхности и излома ровный красновато-коричневый. Внутренняя приустьевая сторона покрыта слоем бурого нагара.

Практически неотличим от описанного выше еще один сосуд. Его точная форма и размеры из-за сильной эрозированности обломков не устанавливаются. Вероятно, это была довольно крупная «банка» со слабо профилированными стенками. Она изготовлена точно так же, как и предыдущий сосуд, но имела чуть более толстые (9–10 мм) стенки. Их внешняя поверхность украшена монотонными горизонтальными рядами частых вдавлений палочки со скругленным концом.

Остальная посуда окуневского типа с поселения Таяты IV имеет аналогичные технологические характеристики и тождественную орнаментацию (рис. 35: 2–6). Лишь в одном случае оттиски палочки были не каплевидной, а ногтевидной формы (рис. 35: 7). Найдены также маленький обломок еще одного сосуда, орнамент которого был выполнен короткими клиновидными насечками (рис. 35: 1). Интересен лишенный какого-либо декора крупный фрагмент плоского дна окуневского горшка (рис. 35: 9). Судя по его плавно вогнутому профилю, оно было сформовано отдельно в виде чашечки с невысокими бортами и позже со-

Как было уже отмечено, вся посуда данного типа по своей технологии, морфологии и орнаментации аналогична керамике, происходящей из окуневских памятников степной и лесостепной части Среднего Енисея. Наибольшее сходство она проявляет с сосудами из могильников Уйбат I и Уйбат III, традиционно относимых к первому этапу окуневского культурогенеза (Лазаретов, 1997, с. 31–37; Леонтьев С. Н., 2006, с. 264). От ранее опубликованных материалов посуду из окрестностей Таяты отличают лишь некоторые черты в орнаментике (двойной «жемчужник» у горшка из Таяты III, «ложная гребенка» у мелкого сосуда с Таяты IV) и морфологии (своеобразная закрытая круглодонная форма наибольшего из со-

Примечательно, что орнаментальный мотив в виде двух рядов «жемчужин» в сочетании с насечками и гребенчатым штампом на тулове встречается на посуде эпохи ранней бронзы Приобья и Барабинской лесостепи (Полосьмак, 1978, с. 43, рис. 8: 5; она же, 1979; Молодин, Полосьмак, 1980, рис. 5–8; Молодин, 1981, с. 66–70, рис. 5, 6: 1, 5, 9).

Следует отметить, что встреченные при проведении разведочных работ на местонахождении Верхняя Мульга I три мелких фрагмента толстостенного красноглиняного сосуда, изготовленного из рыхлого тощего теста с примесью дресвы и декорированного параллельными плохо пропечатанными оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 35: 11), сопоставимы с керамикой позднего – черновского – этапа окуневской культуры (Леонтьев С. Н., 2006, с. 229).

Керамика андронидного типа

При раскопках поселения Таяты IV были встречены три фрагментированных сосуда андронидного облика (Леонтьев С. Н., 2006).

Первый из них имел миниатюрные размеры (диаметр устья 9,5–10 см, дна – 4,3 см, высота корпуса 9 см) и «типично андроновскую» горшковидную форму (рис. 36: 2). Он был изготовлен из плотного средней пластичности теста с зернистой структурой, отощенного примесью измельченного аллювия. Моделирован он, вероятно, простым выдавливанием из цельного комка глины с последующей расформовкой на плоской подставке. Толщина стенок варьируется в пределах 0,3–0,4 см, днище к центру утончается до 0,2 см. Из-за их сильной выщербленности характер обработки внешней и внутренней поверхности стенок остается неясным. Обожжен сосуд был в равномерно-окислительной среде. Цвет поверхности черепков светлый оранжево-красный, излом заметно темнее. Орнаментация сосуда сплошная, охватывающая весь его корпус и состоящая из монотонных горизонтальных каннелюр, выполненных протаскиванием палочки со спрямленным концом.

Второй сосуд, напротив, имел крупные размеры (диаметр устья 24,5–25 см, дна – 14,3 см, высота корпуса 26,3 см) и слабо профилированную баночную форму (рис. 36: 6). Он был изготовлен из плотного теста средней пластичности с искусственной примесью крупнозернистого дробленого аллювия в сочетании с шамотом в виде комков сухой глины. Моделирован сосуд из двух отдельных частей: сформованной из широких лент емкости и днища, раскатанного в виде глиняной лепешки и вложенного внутрь уже слегка подсохшего начина. Поверхность сосуда доработана уплотняющей выбивкой, после чего была хаотично затерта орудием типа шпателя и замыта. Внешняя поверхность стенок покрыта тусклым лощением. Сосуд обожжен в равномерно-окислительной среде при достаточно низкой температуре. Цвет его поверхности светлый, серовато-коричневый, излом с четкой черной прослойкой. Вся приустьевая часть сосуда скрыта под черным нагаром. Декор занимает верхние две трети корпуса сосуда и имеет вид сплошной вертикальной «елки», выполненной длинным мелкозубчатым гребенчатым штампом. Оттиски наносились с акцентированным нажимом на верхний конец орнамента, первый зубец которого, в отличие от остальных, имел полукруглый абрис. Подвенечная зона выделена узором в виде цепочки обращенных вершинами вниз треугольников, выполненных зерновидными вдавлениями скругленного конца палочки.

Третий сосуд представлен лишь шестью небольшими фрагментами (рис. 36: 1). Судя по ним, он имел слабо профилированную горшковидную форму с низким, слегка отогнутым наружу венчиком диаметром 21 см, слабо выраженной шейкой и покатыми плечиками, наибольший диаметр которых (22,3 см) является экватором сосуда. Горшок был изготовлен из тощего теста с интенсивной примесью измельченного аллювия. Черепки плотные, со слоисто-чешуйчатой структурой. Способ его формовки неясен, но на внутренней поверхности сосуда едва заметны следы выбивки. Стенки толщиной около 0,7 см, в области плечика – 0,5 см. Венчик по торцу уплощен подрезкой. Способ обработки поверхности неясен из-за сплошь покрывающих ее мелких звездчатых и ячеистых трещин. Обжиг сосуда высокотемпературный, проводившийся в равномерно-окислительной среде. Цвет поверхности и излома черепков ровный, насыщенный темно-красный. Внутренняя их часть покрыта бурым нагаром. Орнаментация сосуда, копирующая декор андроновских «парадных» горшков, выполнена печатными оттисками гребенчатого штампа с крупными прямоугольными зубцами. В подвенечной зоне они образуют цепочку косо заштрихованных наклонных треугольников, перекрывающих разреженный «жемчужник» с низким рельефом. Ниже помещен фриз из четырех выполненных протаскиванием палочки каннелюр. Тулово в верхней его половине украшено простым геометрическим узором типа двоянного меандра, разделенного пояском из двух (?) каннелюр.

По характерному облику черепков (насыщенный темно-красный цвет и сплошное звездчатое и ячеистое растрескивание поверхности), а также по таким особенностям, как плотное тощее тесто с примесью измельченного аллювия, небольшая (0,5–0,6 см) толщина стенки, плавно отогнутый наружу и уплощенный подрезкой венчик, к описанному выше горшку примыкают четыре сосуда, внешне не имеющие ничего общего с андроновской посудой (рис. 36: 3–5, 7). Каждый из них представлен крайне незначительным числом мелких обломков, что не позволяет судить ни о морфологии, ни о технике их изготовления. Один из этих сосудов был полностью лишен орнамента (рис. 36: 5), два декорированы лишь «жемчужинами» с низким рельефом (рис. 36: 3–4), у чет-

вертого над «жемчужником» помещен поясок из двух параллельных прорезных линий (рис. 36: 7).

Первый из описанных выше сосудов находит полные аналогии среди керамических материалов андроновской культуры, но не Среднего Енисея, а более западных территорий, в первую очередь – Алтая (см., напр.: Кирюшин, Лузин, 1993, рис. 4: 8). Форма и орнаментация второго сосуда может считаться классической для андроновских «банок»: посуда родственного облика встречается практически во всех федоровских могильниках Южной и Западной Сибири. Третий сосуд по декору (исключая «жемчужник») тождественен федоровским «парадным» горшкам и проявляет близкое морфологическое сходство с некоторыми образцами керамики из могильника Устье Бири IV (Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2006а, рис. 4: 4; 6: 7–9). Необходимо отметить, что здесь же присутствуют и горшки, по форме близкие последним, четырем сосудам из Таят IV (Там же, рис. 5: 3–4), а также декорированный мелким «жемчужником» сосудик (Там же, рис. 4: 1), по форме и размеру почти неотличимый от тождественного таятского андроновской, на что прямо указывают особенности технологии ее изготовления. Лишь баночный сосуд, с вертикальным влочным декором почти не отличающейся от хронологически смежной посуды приенисейских степей. С нагара на его та получена калиброванная радиоуглеродная дата 3535±35 л. н. Остальные же материалы андроновской культуры, но и среди окуневской и карасукской керамики (Леонтьев С. Н., 2006, с. 78–80).

Керамика эпохи поздней бронзы

Эпоха поздней бронзы, известная в степях Среднего Енисея по памятникам карасукской и каменноложской (карасук-лугавской) культур, в материалах ККР почти не представлена. К этому времени можно уверенно отнести лишь раскопанный выше сосуд из Таят IV с «рубчатой» поверхностью тулова и утолщенными сосуда, обработанные рубчатыми колотушками, появляются именно в каменноложское время. Некоторые из сосудов имеют утолщенную посуду эпохи поздней бронзы Среднего Енисея (см., напр.: Мандрыка, 2008). Примечательно, что и в Саянском каньоне Енисея керамика со штриховой поверхностью появляется лишь в предскифский (т. е. каменноложский) период (Семенов, 1992, с. 49–50, табл. 35: 1, 4; 37: 25).

Изделия из камня

Каменные изделия составляют вторую по численности категорию инвентаря памятников ККР. Они встречаются на поселениях Таяты III и IV, а также на местонахождении Верхняя Мульга I – в тех же памятниках, где присутствуют и керамические материалы неолита и эпохи бронзы. Это, впрочем, не отрицает того, что каменная индустрия бытовала и в более позднее время.

Предметы из жертвенника «быка» Каменушка. На вершине этого скального «быка» был найден единственный комплекс каменных изделий. Он состоял из четырех тесел, двух скребков, четырех пластинчатых сколов с краевой ретушью и девяти пластинчатых отщепов и сколов (рис. 37–38).

до 10–12 мм за счет наложения на них дополнительной глиняной ленты. Для ее надежного скрепления с поверхностью сосуда по основанию шейки пальцем наносились частые глубокие вдавления, образующие своеобразную цепочку «фестонов». На них сверху перегнули слой глины, благодаря которому в одном случае был сформирован карнизик в виде низкорельефной «волны». Внешняя сторона торца венчика оформлялась пальцевыми защипами, также призванными усилить сцепление накладной ленты с поверхностью сосуда.

Стенки сосудов с обеих сторон покрывались тонким слоем глиняной суспензии и тщательно заглаживались гладким шпателем. Шейку декорировали наклонными рядами оттисков деревянной лопаточки с крупными прямоугольными зубцами (печать сбивается со штампованной на отступающую). Глубокие оттиски орнамента также были призваны усилить сцепление накладной ленты с поверхностью сосуда. Корпус декорировался, очевидно, только в верхней части горизонтальными древовидными валиками. Валики моделировались наложением относительно толстых глиняных жгутов, которые древовидно формовали оттисками раздвоенного торца и ребра палочки. На части фрагментов между валиками имеются ряды косых ногтевых насечек.

Обжиг сосудов качественный, проводившийся в окислительной среде с длительной экспозицией. Цвет их внешней поверхности светлый, желтовато-коричневый, внутренняя поверхность более темная, излом серый.

От других сосудов сохранилось только несколько мелких единичных фрагментов тулова с древовидным валиковым декором. У некоторых из них «ветви» валиков односторонние, но также фланкированы косыми насечками.

Таяты IV. На этом поселении фрагментов сосудов вышеописанного «лесного» типа с налипным валиковым декором встречено значительно меньше. Из них особенно интересен довольно крупный фрагмент венечной части сосуда, найденный на береговом галечнике (рис. 48: 6). Шейка его утолщена до 11 мм подлепленной лентой. Обрез венчика приострен и по внешнему краю декорирован пальцевыми защипами. Шейка украшена диагонально направленными глубокими оттисками зубчатого штампа, а ее нижний край рассечен глубокими угловатыми вдавлениями.

В слое поселения встречено только 16 фрагментов тулова сосудов, декорированных налипными жгутиковыми (волнообразными) валиками. На самом крупном фрагменте по бокам валиков нанесены едва заметные косые насечки (рис. 48: 1). Эти фрагменты могут быть несколько более ранними по сравнению с сопоставимыми с ними фрагментами посуды с Таят III. По технологии изготовления они сближаются с некоторыми образцами таятской керамики эпохи бронзы, т. к. характеризуются тонко отмученным тестом средней пластичности, плотным зернисто-ровным изломом, отощителем в виде сильно измельченного песка, ровной, слегка шероховатой фактурой и пр.

Этой серии керамики близок небольшой фрагмент сосуда, найденный на берегу под обрывом террасы. Он декорирован рядами глубоких вдавлений ногтя, чередующихся с рядами косо поставленных ногтевых насечек. Насечки сближают этот фрагмент с рассмотренными выше сосудами, а ногтевые вдавления – с сосудами гунно-сарматского времени, декорированными пальцевыми защипами.

Рассмотренная посуда имеет характерную технологическую особенность: к внешней стороне шейки сосуда подлеплена широкая лента. Нижний край ее проработан для лучшего сцепления с сосудом глубокими «фестонными» вдавлениями пальца или орнамента. Посуда с аналогичными утолщенными за

счет подлепа ленты шейками распространена в разновременных памятниках «лесных» культур Среднего Енисея и Северной Ангары (Новых, Акимова, 1989, рис. 4: 7, 8, 14; Гридина, 1991, с. 89; Мандрыка, 1997, с. 214–215, рис. 2: 2; Мандрыка, Коваленко, 1996, с. 126, рис. 2; Баташев, Макаров, 2000, с. 12–13; Мандрыка, 2003а, с. 91; Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 115, 161–162, рис. 37, 38; Мандрыка, 2008, рис. 1: 22–26, 36–38). У ряда сосудов нижняя часть подлепленной ленты проработана глубокими вдавлениями пальца или орнамента. Этот технологический прием характерен для посуды скифского времени (Гридина, 1991, с. 89–90; Мандрыка, 1992, с. 162–163; Мандрыка, Коваленко, 1996, с. 126, рис. 2: 1, 5–8; Привалихин, 1987, с. 92, табл. 2: 1, 2; он же, 1989а, табл. 1; Баташев, Макаров, 2000, с. 12–13, рис. на с. 36).

В Приангарье утолщенные шейки значительной части сосудов скифского времени украшены, как и в ККР, наклонными линиями зубчатого штампа (Березин, 1990, с. 28, рис. 4: 6). Аналогичный декор имеется на шейках многих сосудов цапаньской культуры Нижней Ангары. Верхняя часть тулова у большинства цапаньских сосудов декорирована горизонтальными поясами зубчатого штампа, но есть также сосуды, украшенные, подобно казырским, налипными валиками (Макаров, 1986, с. 121). На Среднем Енисее горизонтальные валики на тулове имеются у сосудов скифского времени разных форм и с разным декором шеек (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 122, рис. 41). Аналогичная ситуация наблюдается в Забайкалье, где валиковый декор на сосудах разных форм (в том числе на триподах) появляется в конце эпохи бронзы и бытует на протяжении всего скифского времени. Распространены налипные валики разного вида: гладкие, рассеченные, волнистые и древовидные, как в Таятах (Гришин, 1981, с. 103, 111).

Характерные для таятской керамики ряды косых ногтевых насечек, окаймляющих древовидные или волнистые валики, встречаются на сосудах скифского времени других лесных районов. В Прибайкалье сосуды с «древовидными» валиками и косыми насечками датируются тапхарским этапом культуры плиточных могил (VIII–VI вв. до н. э.) (Абдулов, Тужик, 2000, с. 190–191, рис. 4: 2; 6: 2). Сосуды с аналогичным декором есть на Ангаре (Васильевский, Бурилов, 1971, табл. 10) и Среднем Енисее (Мандрыка, Ямских и др., 2003, рис. 41: 2, 8). Фрагменты тулова сосуда с тождественным орнаментом были найдены также в 1960 г. Г. А. Максименковым на поселении в устье р. Малая Дербина, южнее памятников Красноярского района (хранятся в Эрмитаже).

Следует отметить, что встреченная на территории ККР посуда с «древовидными» валиками обнаруживает родство в технологии изготовления (одинаковая рецептура формовочной массы, выколотка корпуса, преднамеренное утолщение венчика, орнаментация его глубокими тычковыми вдавлениями, технологический декор тулова и пр.) с керамикой со штриховой поверхностью, генетическим продолжением которой она, очевидно, и является.

Население ККР в скифское время

Представленные керамические материалы фиксируют существование на территории ККР двух культурных традиций скифского времени. Они, очевидно, соотносятся с двумя разными этносами: лесостепным тагарского происхождения и местным таежным.

Погребальные памятники «степной» тагарской традиции выявлены пока только в небольшом лесостепном микрорайоне левобережья р. Кизир, между населенными пунктами Имисс и Тамбовка. Здесь, в холмистой лесостепи, по левому берегу речки Шабалык, находится несколько групп земляных курганов. Два

самых больших имеют высоту до 7,5 м при диаметре сооружений до 70 м. Мегалитов у них нет, но скрытые под насыпями ограды имеются: основание насыпи у одного из курганов подрезано трактором и обнажен большой камень ограды. Земляные сооружения шабальских курганов, очевидно, сложены из нарезанных пластов дерна, как у «царских» курганов хакасской степи (Членова, 1992, с. 211). Тем самым косвенно подтверждается, что лесостепной ландшафт в этом микро-районе существовал уже в скифское время. Открытые пространства перемежались с лесными, которых, конечно, было значительно больше, чем в настоящее время. Невдалеке от больших курганов есть несколько других с едва приметными земляными насыпями, которые подвергаются запашке. Хотя раскопки курганов не производились, принадлежность их тагарской культуре особых сомнений не вызывает.

Большие шабальские курганы уступают по размерам Салбыкскому кургану хакасской степи, но, очевидно, тоже могут относиться к числу «царских». Следует заметить, что других курганов, сопоставимых по величине с шабальскими, на территории правобережья Енисея нет.

В поселениях долины Казыра посуда тагарской керамической традиции представлена лишь единичными фрагментами. Вероятнее всего, это означает, что носители тагарской культурной традиции постоянно обитали только в лесостепи ККР. Они заходили в тайгу с целью промысловой охоты на пушных зверей и, видимо, для грабежа или сбора дани с местного населения. Не исключено, что к этому времени жители подтайги были уже обьясачены своими лесостепными соседями, т. е. обрели этносоциальный статус кыштымов (данников), который сохранялся за ними вплоть до XVIII в. (Кызласов И. Л., 1999б, с. 49–50). В Западной Сибири подчиненность подтаежной зоны обитателям степей фиксируется уже с эпохи бронзы (Ширин, 1997, с. 78–79; он же, 2003, с. 31–34).

Самобытность материальной культуры подтаежного населения ощущается прежде всего в валиковой керамике. О духовной культуре можно судить пока только по погребениям детей и подростков на поселении Таяты III. Вещи в них типично сарагашенские, но во всем остальном захоронения резко отличаются от тагарских. Они совершены по обряду трупосожжения на стороне. Почти все бронзовые изделия перед помещением в могилы были преднамеренно поломаны либо повреждены. В погребения не ставили керамической посуды, не клали заупокойной мясной пищи. Все это совершенно чуждо тагарской погребальной обрядности.

Бескурганые захоронения по обряду полной или частичной кремации на стороне были распространены в скифское время в северной части долины Среднего Енисея (Мандрыка, 1992, с. 161–163; он же, 1995, с. 154–155; он же, 2003а, с. 91; Коваленко, Мандрыка, 1994, с. 75–77) и на Северной Ангаре (Привалихин, Дроздов, Леонтьев, 1984, с. 56; Привалихин, 1989б, с. 189–195; он же, 1993, с. 13–16). Как и в таятских, в этих захоронениях отсутствует глиняная посуда; сосуды иногда находятся только возле могил. В составе инвентаря встречаются бронзовые топоры.

Этнокультурная ситуация, аналогичная Кизир-Казырской, наблюдается в Красноярско-Канской лесостепи. Здесь выделяются две группы памятников раннего железного века. Группа, локализованная в степной части района, характеризуется господством тагаро-таштыкской керамики. В памятниках второй группы, расположенных вдоль лесных массивов, тагаро-таштыкская посуда сочетается с «лесной» валиковой (Макаров, 1989, с. 174–175).

Н. П. Макаров выделяет самостоятельную Средне-Сибирскую культурно-историческую провинцию, включая в нее и Приангарье. На территории провинции в скифское время существовала целанская археологическая культура. На юге ареал ее охватывал территорию Среднего Енисея вплоть до Красноярской лесостепи (Макаров, 2005, с. 168). Очевидно, в этот ареал должен быть включен также и ККР.

Материалы гунно-сарматского времени

На большинстве поселенческих памятников бассейна Казыра преобладают материалы раннеташтыкской (тесинско-таштыкской) культурно-хронологической принадлежности (Леонтьев С. Н., 2008). Они встречены на поселениях Таяты III, Таяты IV и Таяты V, а также в Жаровской и Убинской стоянках. Расстояние между первым памятником (Таяты III) и последним (Убинская стоянка) составляет около 37 км по прямой либо около 70 км вверх по течению реки. Самой массовой категорией таштыкских находок на поселениях является керамика. В Таятах III встречены обломки более трехсот сосудов, в Таятах IV – десятки, в Таятах V – одного сосуда, в Жаровской стоянке – не менее восьми, в стоянке на Убинском озере –

Таяты III–V. В культурном слое памятников таятской группы находки раннеташтыкского времени представлены в основном мелкими фрагментами керамики. Во много раз больше артефактов найдено на береговом склоне террасы поселения Таяты III, который в таштыкское время был превращен в свалку. На вскрытом в 2006 г. участке склона 5×6 м, в слое гумусированной супеси мощностью 15–30 см было найдено свыше двух тысяч фрагментов таштыкской керамики (не считая ков стрел, два ножа, керамические «фишки» и несколько металлических наконечников стрел, два ножа, керамические «фишки» и несколько каменных орудий. На свалку выбрасывали также пришедшие в негодность костяные изделия и просто кости животных, но все они впоследствии полностью истлели.

Наличие такого хозяйственного объекта, как «свалка», с большим количеством раннеташтыкского материала свидетельствует о существовании в рассматриваемое время на территории Таяты III стационарного поселка. Судя по тому, что надпойменная терраса встречена здесь не только в разных концах первой участка поймы протоки Каменушка, этот поселок был достаточно большой. В гунно-сарматское время подобные крупные постоянные поселения и даже городища зафиксированы на территории Хакасско-Минусинской котловины и сопредельной Ачинско-Мариинской степи (Абсалямов, Мартынов, 1979).

Керамика таштыкской традиции таятской группы памятников (рис. 49–53) в основном мелко фрагментирована (наиболее крупные фрагменты встречены на «свалке» Таяты III). Многие сосуды представлены лишь очень незначительным количеством обломков.

Техника изготовления посуды довольно однородна. Сосуды вылеплены из красноцветной жирной глины местного происхождения с искусственной примесью мелкозернистой дресвы дробленого аллювия. Основу дресвы составляют остроугольные изометрической или слабо удлиненной формы обломки кварца и полевого шпата размером 0,01–3,0 мм. Удельная доля отощителя колеблется от 10–15 до 40 % от общего объема формовочной массы.

Сосуды конструировались по донно-емкостной программе кольцевым ленточным налепом с примазыванием краев лент друг к другу внахлест. Стыки лент

в подавляющем большинстве случаев разрушены последующей уплотняющей выбивкой стенок, толщина которых колеблется от 4 до 8–10 мм. Приустьевая часть сосудов, напротив, часто намеренно утолщалась за счет дополнительной обмазки слоем глины. Максимальная толщина венчика в этом случае в 1,5–2 раза превышала толщину стенки. Днища сосудов плоские (рис. 53: 16) или уплощенно-выпуклые, по толщине не отличающиеся от стенок емкости. У отдельной категории посуды донная часть моделировалась поддепом высокого кольцевого усеченно-конического поддона (рис. 53: 9–15).

Внешняя и внутренняя поверхность сосудов заглаживалась или покрывалась тонким слоем глиняной суспензии и тщательно затирались каким-то гладким орудием. В большинстве случаев внешняя поверхность покрывалась тусклым лащением, следы которого имеют вид узких упорядоченных однонаправленных полос. Помимо этого иногда применялась дополнительная обработка поверхности штампом (?), оставлявшим следы в виде ромбической сетки (отмечено на двух небольших фрагментах венечных частей сосудов) (рис. 52: 18; 53: 1).

Обжиг рассматриваемой керамики разного качества, проводившийся в неравномерно-окислительной или, реже, в неравномерно-восстановительной среде. Цвет черепков варьируется от светлого желтовато-коричневого или блекло-серого до насыщенного коричневатого-красного или черного. Излом фрагментов толстостенных сосудов часто с широкой темной прослойкой.

В зависимости от состава формовочных масс, тщательности обработки поверхности и качества обжига черепки бывают как плотными с зернисто-ровным, так и очень рыхлыми с комковато-обломочным или продольно-слоистым изломом. В последнем случае поверхность фрагментов сплошь покрыта мелкими звездчатыми трещинами. Обломки горшков с тощим тестом и замытой поверхностью имеют выраженную шероховатую фактуру и часто рассыпаются даже при незначительном контакте с водой.

Хотя на поселении не было найдено ни одного археологически целого горшка, имеющиеся многочисленные фрагменты позволяют составить вполне четкое представление об основных формах данных сосудов по степени кривизны их стенок, по углу наклона венчика и по конструктивным особенностям дна. Морфология рассматриваемой посуды достаточно однородна. Она представлена четырьмя ведущими формами: баночной, кубковидной, бомбовидной и горшковидной.

«Банки» (рис. 54: 1, 5, 9–11) с уплощенным или уплощенно-выпуклым дном и экватором, расположенным на $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ высоты тулова сосуда, являются наиболее распространенной формой. Разница между диаметрами экватора, устья и дна обуславливала степень профилированности стенок сосудов. Среди раннеташтыкской керамики Казыра отмечены усеченно-конические «банки» ситуповидной формы, высокие слабо профилированные «банки» с экватором, почти равным диаметру устья, а также «банки» с приземистым раздутым туловом, близким к сферическому. Господствующими, видимо, являлись первая и последняя формы.

Очевидно баночными (по аналогии со степными материалами) были и единичные сосуды с вертикальными полукруглыми налепными «ушками» со сквозным отверстием сбоку (рис. 53: 6, 17; 54: 6), а также сосуды с небольшими округлыми выступами по торцу венчика (рис. 54: 11).

«Кубки» (рис. 54: 7, 8) имеют раздутое, близкое к сферическому, тулово, установленное на кольцевой усеченно-конический поддон. Судя по имеющим-

ся фрагментам, «кубки» были как небольших размеров, так и довольно крупные. Эта форма сосудов стоит на втором месте по встречаемости.

«Бомбовидные» («сферические», «почковидные») сосуды имели раздутое, близкое к сферическому, тулово и четко выделенную высокую прямую или слабо вогнутую шейку (рис. 53: 3, 5). По форме она напоминает перевернутый усеченный конус (рис. 54: 4). Судя по имеющимся фрагментам, все эти сосуды были довольно крупных размеров.

«Горшки» (рис. 54: 2, 3) морфологически тяготеют к «бомбовидным» сосудам. у них было раздутое тулово с округлым покатым плечиком, невысокая прямая или слегка вогнутая шейка и часто стогнутый наружу венчик (рис. 53: 2, 4, 7–8). Судя по имеющимся фрагментам, сосуды этой формы имели небольшие размеры.

Количество посуды двух последних форм в керамическом комплексе крайне незначительно. Единожды были встречены и обломки небольшой округлой «миски» (рис. 53: 18; 54: 10).

Наиболее четко диагностируются типы профилей венчиков. По степени их обособленности от стенки тулова они разделяются на простые, чья толщина равна толщине стенки емкости (рис. 55: I.1–6), и утолщенные, чья толщина плавно увеличивается к торцу (рис. 55: II.1–7).

По совокупности морфологических характеристик внутри этих групп можно выделить следующие типы:

I. простые венчики:

- 1 – слабо вогнутый, овальный, симметричный (рис. 55: I.1);
- 2 – слабо вогнутый, овальный, внутри асимметричный (рис. 55: I.2);
- 3 – слабо вогнутый, прямой, внутри асимметричный (рис. 55: I.3);
- 4 – слабо выгнутый, овальный, внешне асимметричный (рис. 55: I.4);
- 5 – сильно выгнутый, овальный, внешне асимметричный (рис. 55: I.5);
- 6 – слабо выгнутый, прямой, симметричный (рис. 55: I.6);

II. утолщенные венчики:

- 1 – слабо вогнутый, овальный, симметричный (рис. 55: II.1);
- 2 – слабо вогнутый, прямой, симметричный (рис. 55: II.2);
- 3 – слабо вогнутый, прямой, внутри асимметричный (рис. 55: II.3);
- 4 – слабо вогнутый, скошенный, внутри асимметричный (рис. 55: II.4);
- 5 – слабо вогнутый, приостренный, внутри асимметричный (рис. 55: II.5);
- 6 – слабо вогнутый, грибовидный, внешне асимметричный (рис. 55: II.6);
- 7 – слабо вогнутый, скошенный, внешне асимметричный (рис. 55: II.7).

Венчики типа I.4 и I.5 характерны исключительно для сосудов горшковидных форм, а венчики типа I.6 – для бомбовидных сосудов. Остальные же типы венчиков в равной степени характерны как для «банок», так и для «кубков».

По диаметру устья вся посуда разделяется на четыре неравнозначные группы. Первую группу составляют маленькие сосуды с диаметром венчика от 8 до 12 см (около 25 % всего комплекса), вторую (8 %) – сосуды с диаметром венчика 20–23 см. Третья группа (около 25 %) представлена сосудами с диаметром венчика 25–30 см. Четвертая группа – сосуды с диаметром устья от 35 до 45 см и более – составляет свыше 41 % от всего комплекса. Таким образом, численно преобладающей является кухонная посуда с диаметром венчика 25–45 см и, следовательно, с высотой стенок от 0,3 до 0,5 м. Небольшие сосуды с устьем от 8 до 23 см в диаметре, очевидно, играли роль столовой посуды. Их малое количество (около 30 %) объясняется тем, что в быту они легко могли замещаться сосудами из дерева и бересты.

Поддавливающие большинство сосудов украшено узкой полоской декора, охватывающей приустьевую зону или (у горшков) основание шейки. Все варианты композиций и мотивов орнамента по моделирующим их элементам можно разделить на шесть групп:

- I – «жемчужник» (рис. 49: 1–14; 56: I);
- II – ямки (рис. 50: 1–15; 56: II);
- III – «арки» (рис. 51: 1–23; 56: III);
- IV – «треугольники» (рис. 52: 1–8; рис. 56: IV);
- V – насечки/нарезки и прочерченные/нанесенные штампом каннелюры (рис. 52: 9–13; рис. 56: V);
- VI – сочетания двух или более орнаментальных мотивов предыдущих групп (рис. 52: 14–17; 56: VI).

«Жемчужник» выполнен простым выдавливанием палочкой с обязательным последующим замазыванием получившейся изнутри стенки сосуда ямки слоем глины. «Жемчужины» преимущественно средние и мелкие со средним или низким рельефом. Почти все «жемчужины» имеют форму полусферы и лишь в единичных случаях им приданы прямоугольные очертания. Изредка они бывают дополнительно уплощены.

По характеру взаиморасположения «жемчужин» выделяются:

- 1) простой однорядный бордюр (рис. 56: I.1);
- 2) простой двухрядный бордюр (рис. 56: I.2);
- 3) простой трехрядный бордюр (рис. 56: I.3);
- 4) двухрядный бордюр с расположением «жемчужин» в шахматном порядке (рис. 56: I.4);
- 5) двухрядный бордюр с разреженными вертикальными парами «жемчужин» (рис. 56: I.5);
- 6) двухрядный бордюр с расположением «жемчужин» в схеме цепочки обращенных вершинами вниз треугольников (рис. 56: I.6);
- 7) «фигурный» бордюр, с «жемчужинами», образующими простые четырехконечные розетки (рис. 56: I.7);
- 8) бордюр с «жемчужинами», расположенными в виде «волны» или цепочки «арок» (рис. 56: I.8).

Ямочный орнамент выполнен простыми тычковыми вдавлениями конца круглой в сечении палочки со спрямленным или скругленным концом. Ямки как глубокие, так и поверхностные, диаметром от 2 до 5 мм. По характеру их взаиморасположения выделяются:

- 1) простой однорядный бордюр (рис. 56: II.1);
- 2) простой двухрядный бордюр (рис. 56: II.2);
- 3) простой трехрядный бордюр (рис. 56: II.3);
- 4) «фигурный» бордюр, с ямками, образующими простые четырехконечные розетки (рис. 56: II.4).

«Арочный» орнамент соответствует «полулунному», «полулунно-зубчатому» и «скобчатому» в классификации Л. Р. Кызласова (Кызласов Л. Р., 1960, с. 57–58). Он выполнялся не только печатными оттисками гладкого или зубчатого полулунного штампа, но и прокатыванием штампа, прочерчиванием, и даже пальцевидными вдавлениями. По характеру взаиморасположения «арок» выделяются:

- 1) простой двухрядный бордюр (рис. 56: III.1);
- 2) простой трехрядный бордюр (рис. 56: III.2);
- 3) зубчатый двухрядный бордюр (рис. 56: III.3);

- 4) зубчатый трехрядный бордюр (рис. 56: III.4);
- 5) бордюр ногтевидных «арок», расположенных разреженными вертикальными парами (рис. 56: III.5);
- 6) бордюр ногтевидных «арок», расположенных разреженными вертикальными тройками (рис. 56: III.6);
- 7) трехрядный бордюр с подтреугольными «арками» (рис. 56: III.7).

Орнамент, образованный сочетаниями треугольников, наносился либо печатными оттисками штампа с треугольными зубцами, либо прочерчиванием (прорезыванием). По характеру взаиморасположения элементов выделяются:

- 1) двухрядный бордюр, образованный цепочками треугольных вдавлений (рис. 56: IV.1);
- 2) бордюр, образованный цепочкой прорезных заштрихованных треугольников (рис. 56: IV.2–2а);
- 3) бордюр, образованный цепочкой прочерченных взаимопроходящих заштрихованных треугольников (рис. 56: IV.3).

Пятая группа орнаментов включает нанесенные острым орудием по внешнему краю венчика насечки (рис. 56: V.1), а также бордюр прочерченных (рис. 56: V.2) или выполненных зубчатым штампом каннелюр в приустьевой части (рис. 56: V.3). Шестая группа, образованная различными вариантами взаимных сочетаний двух или более орнаментальных мотивов предыдущих групп, включает следующие варианты:

- 1) однорядный бордюр «жемчужин», перемежающихся с косыми насечками (рис. 56: VI.1);
- 2) двухрядный бордюр «жемчужин», разделенных каннелюрой (рис. 56: VI.2);
- 3) однорядный или двухрядный бордюр «жемчужин» в сочетании с «арками» (рис. 56: VI.3);
- 4) двухрядный или трехрядный бордюр ямочных наколов, перемежающихся с «жемчужинами» (рис. 56: VI.4);
- 5) «фигурный» бордюр с «жемчужинами», образующими простые четырехконечные розетки, разделенные «волной» ямочных наколов (рис. 56: VI.5);
- 6) бордюр из двух каннелюр с поперечными насечками между ними (рис. 56: VI.6).

В отдельную группу выделяются два фрагмента венечных частей сосудов, декорированных одним рядом мелких «жемчужин» и диагональными линиями слабо пропечатанного (прокатанного?) крупнозубчатого штампа. Аналогичный штампованный декор встречается на тулове хунских сосудов (Давыдова, 1996, табл. 10: 11; 18: 12; 27: 9 и др.).

Вероятно, в будущем количество выявленных сочетаний различных орнаментальных мотивов возрастет.

Указанные группы количественно неравнозначны. Так, на первую группу орнаментов в целом приходится до 65 % всех декорированных фрагментов сосудов, на вторую – 6 %, на третью – около 22 %, на четвертую – менее 3 %, на пятую – около 1 % и на шестую – около 4 %. Таким образом, «жемчужник» в различных его вариантах является доминирующим мотивом орнаментации. «Арки» встречаются почти в три раза реже, остальные мотивы орнаментации единичны.

Необходимо отметить, что носителем орнамента выступала посуда первой и второй морфологических групп («банки» и «кубки»), в то время как фрагменты бомбовидных и горшковидных сосудов почти всегда лишены декора.

В единичных случаях орнаментом украшались и конусовидные поддоны «кубков». Так, по меньшей мере в трех случаях они были декорированы цепочкой разреженных круглых отверстий (рис. 53: 9–11), в одном – также разреженными вертикальными налепными валиками (рис. 53: 13) и в одном – цепочкой мелких ямок (рис. 53: 14).

По особенностям технологии изготовления, доминирующим формам и орнаментации посуда данного комплекса практически тождественна керамике раннего гунно-сарматского времени Хакасско-Минусинской котловины. При этом следует иметь в виду, что подавляющее большинство сосудов тесинского (переходного тагаро-таштыкского) этапа, в отличие от правобережных раннеташтыкских и таятских, не орнаментировано. В подвечной зоне сосудов встречается декор в виде гладких горизонтальных валиков и поясков из мелких «жемчужин» (Пшеницына, 1980, с. 86, рис. 47: 9, 26, 27, 29, 30, 33, 45; Пшеницына, 1992, с. 233, табл. 93: 13, 14, 20; Вадецкая, 1999, рис. 65: 84). Оба вида орнамента бытуют и на раннеташтыкской посуде правобережья Енисея. В таштыкском грунтовом могильнике у дер. Комарковой «жемчужник» преобладает над всеми остальными видами декора (Вадецкая, 1999, табл. 129). Не менее типичны для раннеташтыкской керамики правобережья бордюры из ямочных наколов (Вадецкая, 1999, табл. 129). «Арочный» декор, выполненный оттисками зубчатого или гладкого полулунного штампа, был распространен в раннеташтыкское время по всей территории приенисейских степей (Вадецкая, 1999, табл. 24: 3, 20; 40: 1, 2, 8; 46: 2, 4, 6, 7 и др.). Спорадически встречается он и на позднеташтыкских сосудах (Кызласов Л. Р., 1960, с. 57). Орнамент в виде пояска из прочерченных взаимопроникающих треугольников, подобно «аркам», бытовал длительное время, но более характерен для ранних таштыкских памятников (Кызласов Л. Р., Король, 1990, табл. II; Вадецкая, 1999, табл. 57: 11; 58: 1; 111: 10; 130 и др.). Насечки, украшающие внешний край венчика, характерны для посуды из склепов и поминальников позднего этапа таштыкской культуры правобережья Среднего Енисея (Вадецкая, 1999, табл. 96, 113, 116, 117 и др.). С левобережья же происходит лишь один подобный сосуд, найденный в склепе могильника Красная Грива (Вадецкая, 1999, табл. 18: 1).

Следует заметить, что различия в орнаментации лево- и правобережной посуды Л. Р. Кызласов и Г. Г. Король объясняют этнической разнородностью населения, участвовавшего в сложении таштыкской культуры. По их мнению, на правом берегу Енисея влияние пришлых племен на местное коренное население было значительно меньшим, чем на левом (Кызласов, Король, 1990, с. 20).

Вещественный комплекс

Наряду с керамикой, на поселениях были встречены немногочисленные глиняные, металлические и каменные предметы раннеташтыкской культурно-хронологической принадлежности.

«Фишки» являются самой распространенной категорией вещевых находок. Они представляют собой небольшие плоские диски, изготовленные из обломков керамической посуды (рис. 57: 7–19) или из камня (рис. 57: 20–21). Всего было найдено 16 таких изделий (Таяты III – четырнадцать штук, Таяты IV – две), из них – двенадцать керамических. Диаметр их варьируется от 2,3 до 5,5 см. Гурт керамических «фишек» оббит и, как правило, подшлифован. Каменных «фишек» найдено всего две. Одна из них представляет собой плоскую серовато-зеленую сланцевую гальку диаметром 4,5 см и толщиной 7 мм со слегка подшлифован-

ным гуртом (рис. 57: 20). Вторая же, диаметром 6,5 см и толщиной 11 мм, была выполнена из плитки коричневого крупнозернистого песчаника. Ее гурт грубо оббит без последующей подшлифовки (рис. 57: 21).

В Хакасско-Минусинской котловине керамические предметы этого типа известны уже с эпохи энеолита, но наиболее характерны они именно для гунно-сарматского времени. Большое количество их найдено на хунном Иволгинском городище (Давыдова, 1995, табл. 15: 11, 18, 19, 26–29). Назначение этих предметов до сих пор не установлено. Примечательно, что восемь из четырнадцати «фишек» поселения Таяты III находились на «свалке». Никаких следов поврежденности на них нет, следовательно, они были, скорее всего, выброшены за ненадо-

бностью. **Прясла.** На «свалке» поселения Таяты III было встречено керамическое пряслице, изготовленное из стенки старого сосуда (рис. 57: 4). Оно круглое, диаметром 4 и толщиной 0,5 см с отверстием в центре. Там же находился большой фрагмент лепного глиняного пряслица. Еще четыре пряслица (рис. 57: 2, 3, 5–6) были найдены в культурном слое раскопов 1 и 3. Три из них изготовлены из стенок таштыкских сосудов, четвертое – лепное. В целом виде оно имело диаметр около 5,3–5,5 см и толщину около 8 мм (рис. 57: 6). Прясло изготовлено из жирной глины и качественно обожжено в неравномерно-окислительной среде. Его бортик утолщен до 1 см, гурт закруглен.

Аналогичные пряслица встречаются в степной части Среднего Енисея на поселениях разных эпох (Грязнов, 1980, с. 111, рис. 56: 35; 67: 33; Сунчугашев, 1979, табл. XI), но чаще – в материалах погребений раннего железа и средневековья. У многих коренных народов Сибири веретена с пряслицами служили для прядения не только шерсти домашних животных, но волокон дикорастущих растений (конопли, крапивы).

Орнаментир. На поселении Таяты III найдена небольшая плоская галечка овальной формы с крупными четырехугольными зубцами, вырезанными на ребре (рис. 57: 1). В центре обеих сторон галечки сделаны небольшие углубления. Данный предмет представляет собой штамп – орнаментир для нанесения декора в виде полулунных зубчатых «арок». Находка его подтверждает, что таштыкская керамическая посуда изготавливалась здесь же, на территории поселения.

Зернотерки. На «свалке» поселения Таяты III были найдены обломки четырех зернотерок (рис. 58: 1–4). Они представляли собой фрагменты прямоугольных плит крупнозернистого коричневатого и светло-коричневого песчаника толщиной 3–3,5 см. Зернотерки были трапециевидными в поперечном сечении и со слегка скругленными торцевыми краями. Они, вероятно, были разбиты в процессе использования, после чего выброшены на «свалку». На территории самого поселения встречена целая зернотерка, изготовленная из коричневатой галечной плиты удлиненно-прямоугольной формы (рис. 58: 5). Ее широкая, слегка вогнутая рабочая сторона затерта, а длинные и торцевые грани подработаны оббивкой. Размеры зернотерки 32×13 см при толщине до 4,2 см.

Присутствие среди таштыкских материалов Таяты III зернотерок, вполне традиционных для степных и лесостепных поселений гунно-сарматского времени (Сунчугашев, 1979, с. 72; Вадецкая, 1986, с. 139–140; Абсалямов, Мартынов, 1979, с. 61–62, 67; Мартынова, 1985, с. 100–104, рис. 134–136), указывает на занятие и подтаежного «таштыкского» населения земледелием. Характер его по имеющимся данным установить невозможно. Наиболее вероятно, оно было мотыжным с обработкой небольших посевных угодий, расчищенных от леса.

Каменный молот, найденный на территории поселения Таяты III, представляет собой гранитный валун округло-овальной формы, уплощенный, длиной 20,5 см (рис. 59: 7). На его противоположных боках сделаны выемки для крепления ремня. Один конец молота с косым сколом, следов сработанности нет. Фрагмент второго молота был найден на поселении Таяты III в 2007 г. на уровне горизонта 2.

Еще один молот встречен на поселении Таяты IV. Он представляет собой небольшой речной валун естественной овальной формы, размерами 25×15 и толщиной около 12,5 см (рис. 59: 6). Поперек камня выбит мелкоточечно с последующей подшлифовкой широкий желобок для крепления молота в веревочной или ремненной петле. Рабочие части камня заметно сбиты.

Песты. На территории поселения Таяты III, преимущественно в слое с преобладанием керамики раннеташтыкского типа, было найдено около десятка целых и обломанных пестов и пестовидных орудий, грубо («на скорую руку») изготовленных из галек и мелких речных валунов подходящей формы (рис. 59: 1–5). Какая-то часть их, впрочем, может относиться и к более позднему времени.

Указанные орудия (молоты и песты) применялись для дробления железной руды перед ее обогащением и плавкой (Сунчугашев, 1979, рис. 24). На поселениях Таяты III и Таяты IV выявлены и другие следы железоделательного производства: куски металлургического шлака, обломки глиняной обмазки сыродутных горнов, куски железной руды, часть которых заведомо относится к таштыкскому времени.

Железные изделия гунио-сарматского времени встречены на поселении Таяты III. Они представлены тремя ножами, шестью наконечниками стрел и двумя крючками.

Ножи по форме и размерам несколько различны. Первый – длиной 7,7 см, с шириной лезвия до 1,3 см, черешковый, с чуть заметно выгнутым обушком и черенком рукояти, расположенным под слабым углом к сильно сточенному лезвию (рис. 60: 7). Второй нож длиной 10,5 см деформирован коррозией. Кончик его лезвия обломан, обушок прямой, черенок рукояти расположен под слабым углом к клинку (рис. 60: 11). Третий нож черешковый двухпортовый с оттянутым назад концом массивного (16,3×2,25 см) клинка был найден на первом горизонте раскопа № 3 (рис. 60: 12). Ножи таких типов спорадически встречаются в погребальных памятниках гунио-сарматского времени Среднего Енисея (Кызласов Л. Р., 1960, рис. 30: 8; Вадецкая, 1999, рис. 75: 2; 84; табл. 91; 119).

Наконечники стрел индивидуальны по форме. Первый – черешковый, трехлопастной, с остроугольным острием и выступающими и сильно оттянутыми назад треугольными лопастями, образующими прямые шипы (рис. 60: 5). Черешок насада имеет вид круглого в сечении прямого заостренного стержня. Размеры наконечника: общая длина 5,6 см, длина боевой головки 2,3 см, расстояние между ребрами лопастей до 1,7 см, длина черешка 3,6 см, диаметр – до 5 мм. Второй – черешковый, с плоским асимметрично-ромбовидным пером, покатыми плечиками и прямоугольным в сечении стержневидным черешком без уступа (рис. 60: 9). Размеры наконечника: общая длина 5,5 см, длина пера 3,2 см, ширина 1,5 см, ширина черешка 8 мм, толщина – около 3 мм.

Третий наконечник изготовлен несколько необычно. Из кованой железной пластины было вырублено плоское фигурное двухъярусное перо с обособленным бойком, пологими плечиками и выступающими широкими крыльями (рис. 60: 10). На него с одной стороны был накован слегка уплощенный, оваль-

ный в сечении стержень, игравший роль одновременно и черешка насада, и ребра жесткости пера. Размеры наконечника: общая длина 7,1 см, длина пера 5 см, ширина пера 2,6 см, ширина черешка 5 мм, толщина – до 3 мм.

Четвертый наконечник имел форму удлиненной и узкой треугольной пластины с удлиненно-прямоугольным поперечным сечением, скругленной вершиной которой являлась черешком насада, а прямое основание – бойком пера (рис. 60: 6). Переход от насада к перу никак не выражен. Размеры наконечника: длина 5,3 см, ширина – до 1 см, толщина – до 3 мм. Пятый наконечник стрелы с ромбовидным четырехгранным пером, плавно переходящим в скругленный наконечник (рис. 60: 6). Размеры наконечника: общая длина 5,3 см, длина боевой головки около 3 см, ширина – до 9 мм, толщина – до 6 мм, ширина черешка – до 7 мм.

Первые три наконечника залежали среди фрагментов таштыкской керамики, поэтому их раннеташтыкская культурно-хронологическая принадлежность сомнений не вызывает. Первый из них вполне традиционен для гунио-сарматского времени и датируется в пределах III в. до н. э. – II в. н. э. (Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 78–79, табл. LXIX; Вадецкая, 1999, рис. 84). Второй по своей форме напоминает некоторые образцы костяных наконечников стрел тесинского и таштыкского времени (Сунчугашев, 1979, табл. VII; Мартынова, Покровская, 1979, рис. 63: 5–6), в подражание которым он, очевидно, и сделан. Третий наконечник не находит прямых аналогий в материалах таштыкской культуры Среднего Енисея. Он производит впечатление достаточно грубой имитации наконечников хуннского типа с двухъярусным трехлопастным пером, время бытования которых определяется I в. до н. э. – I–III вв. н. э. (Худяков, 1980, с. 88, 98–99, табл. XXV: 11; Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 77, табл. LVIII).

Четвертый из рассматриваемых наконечников отдаленно напоминает, с одной стороны, средневековые «томары» (Худяков, 1980, с. 49, табл. XXXI: 10–11), с другой – таштыкский наконечник из Джесоса (Вадецкая, 1999, табл. 113: 1). Пятый же наконечник по своей форме схож с некоторыми образцами костяных наконечников позднескифской эпохи (Мартынова, Покровская, 1979, рис. 63: 3), но также подобен и некоторым образцам железных наконечников из Айдашинской пещеры (Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. LX: 7–9).

Железные крючки представляют собой четырехгранные стержни длиной 6,5 и 7,5 см и толщиной, соответственно, 7 и 8 мм, с утонченными концами, один из которых приострен и плавно загнут (рис. 60: 2–3). Первый из них был найден на вскрытом участке «свалки», второй – на втором горизонте террасы поселения. Вероятно, эти инструменты служили для плетения и/или развязывания узлов сыромятных ремней. Аналогии им в материалах гунио-сарматского времени Хакасско-Минусинского региона и сопредельных территорий авторам неизвестны.

Каменные лоцила, струги и скобели. К таштыкскому вещевому комплексу относится, вероятно, также довольно значительная часть (несколько десятков) грубых каменных орудий, встреченных в культурном слое поселения Таяты III. Их точное функциональное назначение установить сложно. Условно, в качестве предварительной версии, они атрибутированы как лоцила, струги и скобели.

Для этих орудий преимущественно использованы крупные поверхностные сколы с галек и валунов сургучной яшмы (рис. 61: 1–12). Размер и форма их, очевидно, не регулировались и носили достаточно случайный характер. Лице-

вая сторона орудий, как правило, сохраняет остатки галечной корки. Именно с этой стороны камень иногда дополнительно подрабатывался мелкими краевыми сколами. Обратная сторона орудия гладкая, слегка выпуклая или, в единичных случаях, вогнутая. Рабочий край в большинстве случаев выражен слабо и имеет дугобразную форму, придающую изделиям отдаленное сходство со скребками (рис. 61: 1-4, 7, 10, 12) и массивными скреблами (рис. 61: 5, 8) более ранних эпох. Есть единичные орудия с серповидно вогнутым рабочим краем (рис. 61: 9), а также незначительное число орудий, изготовленных из половин продольно или поперечно расколотых яшм. Почти вся их поверхность покрыта галечной коркой, а оформленный мелкими встречными сколами рабочий край имеет вид относительно широкой удлиненно-овальной площадки (рис. 61: 6, 11).

Представляется, что большинство описанных выше орудий применялось «таштыкцами» при обработке шкур и кож животных. Наряду с ними присутствуют и грубые рабочие камни неясного назначения.

Отходы каменной индустрии таштыкцев представлены многочисленными (несколько десятков) речными гальками (в подавляющем большинстве – сургучно-красного цвета яшмами), поверхность которых покрыта широкими бессистемными или упорядоченными сколами. В последнем случае камни живо напоминают грубые массивные нуклеусы предшествующих эпох (рис. 62: 1-6).

Фрагмент костяной пластинки, найденный на «свалке» поселения Таяты III, уникален для таятской группы памятников, т. к. в их почвах из всей органики сохраняются лишь обожженные кости, и то далеко не все. Фрагмент узкой, слегка изогнутой пластинки, прямоугольной в сечении, орнаментирован с обеих широких сторон двумя параллельными цепочками резных овалов (рис. 60: 1). Что представлял из себя данный предмет в целом виде, неясно.

Жаровск. Материалов таштыкского времени в скальном убежище находилось совсем немного. На уровне седьмого горизонта был встречен керамический сосуд баночной формы, орнаментированный пояском прочерченных заштрихованных треугольников (рис. 63: 5). Он был установлен в неглубокой ямке и впоследствии почти полностью разложился. Второй сосуд, представленный небольшим количеством обломков, имел закрытую баночную форму и декорирован под венчиком одним рядом мелких «жемчужин» (рис. 63: 6). Два фрагмента тулова другого сосуда орнаментированы пояском из двух горизонтальных прочерченных линий, соединенных поперечными насечками (рис. 56: VI.6).

К поздней поре таштыкской культуры относятся 5 фрагментов венечных частей толстостенных сосудов с насечками по внешнему бортику венчика, встреченные в пятом и шестом горизонтах (рис. 63: 2). Среди обломков неорнаментированных сосудов также присутствуют фрагменты сосудов заведомо таштыкской культурной принадлежности (рис. 63: 3-4).

К вещам таштыкской культурно-хронологической принадлежности может быть отнесена только железная панцирная пластинка, встреченная в нижнем культурном слое, на уровне седьмого горизонта. Она имеет подпрямоугольную форму и четыре пары отверстий по краям (рис. 60: 4). Аналогичные по форме и расположению отверстий железные пластины найдены в большом количестве в городище Эршицияцау во Внутренней Монголии, датируемом II в. до н. э. – I в. н. э. (Рец, Юй Су-Хуа, 1999, с. 45, рис. 3: 3). Этим же временем датируется набор пластин из Иволгинского городища (Давыдова, 1995, с. 33-34, табл. 104). Иволгинские пластины по форме аналогичны жаровской, но отличаются иным расположением четырех пар отверстий.

Керамика лесной традиции первой половины I тыс. н. э.

В трех поселениях таятской группы и в Жаровской скальной стоянке таштыкская и средневековая керамика залегала вперемешку с фрагментами своеобразной посуды, орнаментированной валиками и/или пальцевыми защипами. Керамика с этими видами декора находит аналогии и/или пальцевыми защипами. Среднего Енисея, Приангарья, Притомья и абсолютны в памятниках лесной зоны Хакасско-Минусинской котловины. В памятниках сопредельных регионов подобная посуда датируется в основном второй половиной I тыс. н. э. По казырским материалам складывается впечатление, что она появляется раньше – еще в начале I тыс. н. э. – и выходит из употребления к VII в. Удовлетворительной хронологии этой посуды пока не существует, поэтому ниже она рассматривается только с разделением по типам декора на 3 группы:

- I – с чешуйчато-ленточным декором тулова;
- II – с обмазочно-валиковым декором;
- III – с защипно-пальцевым декором.

Керамика с чешуйчато-ленточным декором (ЧЛД)

Эта посуда декорирована горизонтальными валиками, наклепанными на подсушенную поверхность тулова сосуда. Валики уплощены сильными прижатыми пальца или лопаточки и имеют вид чешуйчатых или волнистых лент. Посуда с ЧЛД встречена только в трех казырских памятниках. На поселениях Таяты I и II она отсутствовала.

Таяты III. На поселении найдено лишь девять миниатюрных фрагментов тулова сосудов с ЧЛД (рис. 64: 3-4). Они залегали разрозненно, на разных уровнях. На одном из них часть ленты отслоена от поверхности тулова.

Таяты IV. На поселении и на прибрежном галечнике встречено свыше 150 фрагментов тулова сосудов с ЧЛД (рис. 64: 1-2, 5-6), которые залегали в слое вперемешку с тесинско-таштыкской и раннесредневековой керамикой. Фрагменты принадлежат не менее пяти сосудам. Форма их точно не устанавливается, но, вероятно, тяготела к слабо профилированной параболической или бомбовидной. Венчик прямой или слабо отогнутый наружу с округлым профилем.

Сосуды изготовлены из плохо промешанного теста средней пластичности или тощего с примесью песка и/или дровы аллювия. Величина фракций отощителя варьируется от «пыли» (0,3-0,5 мм) до крупных изометричных или удлиненных обломочных зерен полевого шпата, кварца и роговой обманки около 3 мм в поперечине. Излом плотный, зернистый или комковатый.

Техника формовки сосудов точно не диагностируется. Наиболее вероятно, что их емкостная часть, включая высокую шейку, была изготовлена лоскутно-ленточным способом, возможно – на шаблоне. Корпус сосудов тщательно проработан выколачиванием, полностью деструктивировавшим все стыки лент-лоскутов. Следы данной операции фиксируются по вмятинам на внутренней поверхности стенок (отпечатки наковаленки) и по перепадам в их толщине от 4 до 6 мм. Поверхность заглажена в горизонтальном направлении твердым шпателем, вероятно, обмотанным куском кожи. Шейка сосудов преднамеренно утолщена за счет наложения на нее сверху дополнительной широкой ленты полусырой глины. В месте перехода шейки в плечико она тщательно расформовывалась пальцами и/или палочкой в рельефную «волну». Такая же «волна» моделирована

и по внешнему краю венчика наложением тонкого слоя глины либо перегоном его с шейки.

Шейка сосудов декорирована группами наклонных рядов глубоких оттисков лопаточки с крупными квадратными зубцами либо группами таких же рядов вдавлений отступающей граненой палочки. Корпус сосудов украшен горизонтальными налепными лентами шириной от 10 до 15 мм. Почти у всех сосудов они сформованы из грубо («на скорую руку») наложенных валиков почти жидкой, растекающейся глины и примазанных к тулову поперечными движениями широкой палочки или лопаточки. В результате на большинстве фрагментов ленты выглядят аморфными, расплывчатыми. Лишь на отдельных черепках они сформованы более аккуратно.

Обжиг сосудов качественный, проводившийся в окислительной среде с длительной экспозицией. Поверхность светлая коричневатая-серая, желтовато-коричневая или красновато-коричневая с более темными и светлыми обжигowymi пятнами. Внутренняя сторона серая до черного, излом двухцветный.

Жаровск. В скальной стоянке найдено свыше 220 фрагментов с ЧЛД (не считая «горошин») от нескольких почти тождественных сосудов. Они имели высокую, слабо профилированную, близкую к бомбовидной форму закрытого типа с округлым днищем, слабо выделенной прямой шейкой и прямым венчиком с округлым профилем. Диаметр устья сосудов до 36 см, высота – до 40 см.

Сосуды, как и в Таятах IV, изготовлены из плохо промешанного теста средней пластичности с примесью дресвы аллювия. Фракции отощителя – остроугольные обломки кварца, полевого шпата, гранита, роговой обманки – размерами от 0,2 до 3 мм. Черепки плотные, с зернистым или зернисто-комковатым изломом. Техника формовки сосудов точно не диагностируется. Наиболее вероятно, что их емкостная часть, включая высокую шейку, изготовлена лоскутно-ленточным способом. Корпус сосуда тщательно проработан выколачиванием, полностью деструктивировавшим все стыки лент-лоскутов. Следы этой операции четко фиксируются по хаотичным неглубоким вмятинам на внутренней стороне, а также по перепадам в толщине (от 5 до 7 мм) и кривизне стенок. Венечная часть выколотке не подвергалась и потому значительно толще (8 мм) и в изломе более слоистая. Поверхность сосудов покрыта тонким слоем глиняной суспензии и тщательно затерта в горизонтальном направлении куском кожи (?) на твердой основе. Приустьевая часть проработана гладким шпателем.

Обжиг горшков качественный, окислительный, с длительной экспозицией. Цвет поверхности желтовато-коричневый разных оттенков, внутренняя поверхность коричневатая-серая разных оттенков, излом двухцветный. У большей части фрагментов поверхность в процессе археологизации сильно потемнела.

Большинство фрагментов принадлежит одному крупному сосуду параболоидной формы с диаметром венчика около 36 см (рис. 64: 7). Внешний край венчика сосуда декорирован пальцевыми защипами, выполненными в низком рельефе и позже, вероятно, непреднамеренно, слегка затертыми. Внутренний борт венчика украшен тонкой накладной лентой шириной около 11 мм, примазанной к поверхности сосуда сильными отступающими нажатиями пальца. Область шейки орнаментирована широким поясом частых косых оттисков крупнозубчатой лопаточки, сбивавшейся с прямой штампованной печати на отступающую. Ниже – три ряда частых наклонных пальцевых защипов, частично находящихся друг на друга и тем делающих декор несколько неразборчивым. Корпус сосуда украшен частыми (с интервалом в 4–6 мм) накладными лентами шириной 1–1,3 см,

примазанными частыми сильными вдавлениями пальца, придавшими им чешуйчатый рельеф.

Обломки посуды с ЧЛД залежали на разных уровнях в обоих культурных слоях, но преобладали в V–VII горизонтах. Обломки, встреченные в первом культурном слое, явно перемещены землеройными животными; в двух верхних горизонтах зафиксировано 5 мелких фрагментов с ЧЛД, в третьем их не было вовсе, в четвертом находилось два маленьких фрагмента.

В нижнем слое, у внешнего края площадки ниши в отложениях VI–VIII горизонтов фрагменты тулова сосуда с ЧЛД образовывали относительно компактное скопление. Уровень пола в нише понижался к краю площадки, поэтому VIII горизонт у ее края может быть соотношен с VII горизонтом средней части. В этих горизонтах находились обломки тесинско-раннеташтыкской посуды, а в VII горизонте кроме того панцирная пластинка, датируемая рубежом эр (рис. 60: 4). Все это дает основание синхронизировать раннюю часть керамики с ЧЛД этого памятника с раннеташтыкской.

В V и VI горизонтах керамика с ЧЛД залежала вперемешку с поздне-таштыкскими фрагментами сосудов, декорированными насечками по внешнему краю венчика, и фрагментами толстостенного неорнаментированного сосуда с высокой прямой шейкой, относящегося к тому же периоду. Этим же временем, т. е. ориентировочно III–VI вв. н. э., может быть датирована и поздняя керамика с ЧЛД.

Керамика с обмазочно-валиковым декором (ОВД)

Технология нанесения обмазочно-валикового декора отличалась от налепной техники ЧЛД. Сформованный сосуд просушивался и затем покрывался слоем жидкой глиняной суспензии (обмазки). Из этого жидкого слоя на тулове сосуда формовались лопаточкой или просто пальцами узкие параллельные валики (Мандрыка, 1997, с. 213). Они скомпонованы обычно в вертикальную или горизонтальную «елочку», во взаимопроникающие треугольники или треугольные шевроны. Керамика с таким типом декора встречена на трех памятниках таятской группы (Таяты II, III, IV), в Жаровской скальной стоянке и на местонахождении Верхняя Мульга II.

Таяты II. В заложенном шурфе было найдено лишь 40 обломков сосудов с ОВД (не считая «горошин»). Они тяготели к нижней и средней части культурного слоя, где залежали смешанно со средневековой керамикой «степного» типа.

Среди обломков преобладают небольшие фрагменты тулова сосудов, но есть и два фрагмента венечных частей. У одного сосуда была высокая прямая шейка с резко выраженным «kozyрьком» венчика (рис. 65: 7). Под ним нанесен глубокий круглый накол. Шейка орнаментирована вертикальными рядами косых насечек, выполненных ногтем либо острием ножа. У фрагмента второго сосуда шейка тоже прямая, но с менее выраженным и приподнятым сверху «kozyрьком» (рис. 65: 9). По ребру «kozyрька» идут частые косые насечки, образующие подобие рельефной «волны». Шейка орнаментирована горизонтальными рядами таких же насечек. Третий сосуд представлен фрагментом основания шейки, декорированной уплощенным валиком, разделенным надвое прочерченной линией и рассеченным косыми насечками (рис. 65: 8). Тулово сосуда было декорировано узкими наклонными валиками.

Все сосуды были изготовлены из хорошо промешанного теста, варьирующегося от жирного до почти тощего, с примесью песка или дресвы аллювия. Величина фракций колеблется от 0,5 мм до слабо окатанных зерен 3–5 мм в по-

перечине. Излом черепков плотный, зернисто-ровный или комковато-обломочный. Форма и способ формовки сосудов неясны. Хотя четких следов выбивки или выколачивания нет, характер найденных фрагментов указывает на вероятное их применение.

Поверхность большей части сосудов покрывалась слоем глиняной суспензии и заглаживалась в поперечном направлении жестким шпателем с гладким или мелкодискретным рабочим краем. Некоторые же сосуды, напротив, замывались, благодаря чему их поверхность приобретала выраженную шероховатую – «наждачную» – фактуру.

По слою глиняной обмазки внешней поверхности стенок протягиванием гладкой лопаточки шириной 5–6 мм формовались несколько аморфных валики с низким рельефом шириной 1–3 мм, с интервалом от 4 до 9 мм (рис. 65: 1–5). У сосудов с «наждачной» поверхностью корпус, вероятно, не декорировался.

Обжиг всех сосудов качественный, проводившийся в окислительной среде с длительной экспозицией. Цвет поверхности варьируется от коричневого и коричневатого до светло-серого и темного буровато-серого. Внутренняя поверхность более темная, излом часто двухцветный. Внутренняя поверхность некоторых черепков покрыта слоем черного нагара.

Низкая терраса поселения Таяты II не была заселена в таштыкское время. Данный факт позволяет признать керамику с ОВД синхронной ранней посуде «степного» средневекового комплекса и ориентировочно датировать в пределах VI–VIII вв.

Таяты III. Керамики с ОВД на этом поселении найдено значительно больше, чем в Таятах II, но почти все сосуды представлены лишь разрозненными и, в основном, мелкими обломками, залегающими на разных уровнях слоя, начиная с дерна.

По фрагментам венечных частей насчитывается не менее 15 сосудов. Диаметр их устья колеблется от 14–15 до 26–30 см. Большинство сосудов имело четко профилированную форму с параболическим туловом, высокой прямой или плавно вогнутой шейкой и резко отогнутым наружу венчиком, образующим широкий, сильно выступающий «козырек» с внешне асимметричным грибовидным профилем. Срез венчика прямой или слегка вогнутый за счет проходящего по нему небольшого желобчатого углубления с очень покатыми стенками и округлым ложем.

У фрагмента одного сосуда торец «козырька» декорирован рельефной «волной», а шейка – наклонными рядами узких, косых насечек, сгруппированных по три (рис. 66: 9). Семь фрагментов другого сосуда с таким же «козырьковым» венчиком, украшенным насечками, декорированы по шейке горизонтальными рядами пальцевых защипов (рис. 66: 8). Четыре фрагмента принадлежат сосуду серовато-коричневого цвета с вогнутой, высокой шейкой, украшенной группами наклонных рядов из оттисков раздвоенной палочки (рис. 66: 1). Еще один фрагмент шейки сосуда украшен горизонтальными рядами пальцевых защипов (рис. 66: 6). У другого сосуда пальцевые защипы на шейке образуют строенные вертикальные ряды. Внутренний и внешний бортики его «козырькового» венчика декорированы насечками, образующими рельефные «волны»; плечики украшены двумя наклепными волнистыми валиками (рис. 66: 7). Обмазочные валики на тулове всех сосудов скомпонованы в «елочку» (рис. 66: 10–11). Крупный фрагмент сосуда с «козырьковым» венчиком и без шейки, найденный в дерне, декорирован треугольными валиковыми фестонами.

Сосуды изготовлены из хорошо отмученного плотного среднепластичного или тощего теста с примесью песка или дресвы аллювия. Размеры фракций отщипателя варьируются от 0,3–0,5 мм («пыль») до крупных остроугольных и слабоудлинённых обломков кварца, полевого шпата и гранита 1,5–3 мм в поперечном обломочного.

Корпус сосудов формовался лоскутным или лоскутно-ленточным способом, шейка и венчик моделировались, вероятно, одной широкой лентой. Емкость горшуглым или сегментовидным углублением гладкой колотушкой, что фиксируется по окановаленки), а также – по заметным на внутренней стороне стенок (следы

Внутренняя поверхность стенок перепадам (от 4 до 7 мм) в их толщине, пензии или, в редких случаях, замывалась тонким слоем глиняной суспензии с гладким рабочим краем, замывалась и тщательно затиралась твердым на венечной части и шейки также тщательно затирались, корпус же покрывался (5–10 мм) рабочим краем моделировались рельефные валики шириной от 1 до 3,5 мм, образующие вертикальную «елочку». Судя по единичным мелким фрагментам округлых дниц, они украшались «плетенкой» из рельефных валиков или оставались неорнаментированными.

Обжиг сосудов качественный, проходивший в окислительной среде с длительной экспозицией. Цвет поверхности темный красновато- или серовато-коричневый, внутренняя поверхность и излом несколько темнее. У многих обломков венечных частей на внутренней стороне – следы плотного черно-бурого нагара.

Помимо посуды данного типа на поселении Таяты III в 2007 г. были найдены фрагменты двух сосудов чашевидной формы. Большое скопление фрагментов совместно с керамикой раннеташтыкского типа. У этой чаши было круглое дно, высокие стенки, плавно расходящиеся вверх и в стороны и резко отогнутый наружу венчик, образующий сильно выступающий широкий «козырек» с внешне асимметричным грибовидным профилем (рис. 66: 12). На срезе венчика имеется небольшой продольный желобок с покатыми стенками и округлым ложем. Чаша была изготовлена по той же технологии, что и описанные выше горшки. Ее стенки по внутренней стороне тщательно заглажены жестким орудием с откосом «расчесов». Этим же или подобным ему орудием на внешней поверхности сосуда были сформованы валики, образующие вертикальную «елочку». Высота валиков около 1 мм, ширина – до 1,2 мм, а расстояние между ними – от 4 до 9 мм. В верхней неорнаментированной части сосуда полосы формовки валиков оканчиваются аморфными наплывами излишков глины, перегибной сюда движением орнамента. Козырек венчика без орнамента, под ним выделена узкая неорнаментированная полоса, тщательно заглаженная тем же шпателем.

Обжиг чаши качественный, проводившийся в неравномерно-окислительной среде с длительной экспозицией. Цвет поверхности коричневатый разных оттенков, варьирующий от светлого красновато-коричневого до темного серовато-бурого, излом светлый красноватокоричневый.

От второго чашевидного сосуда сохранилось лишь три фрагмента, найденные в дерновом слое. По форме, внешнему виду и технологии изготовления сосуд был очень похож на первый, но имел несколько меньшие размеры.

Кроме посуды с типичным ОВД в Таятах III встречено несколько разрозненных мелких фрагментов не менее чем от трех тонкостенных сосудов, декорированных по тулову вертикальными и наклонными разреженными узкими наклепными валиками (рис. 66: 13). Пять фрагментов этих сосудов обнаружены на «свалке» вместе с раннеташтыкской керамикой, следовательно, они могут быть признаны синхронными ей.

Судя по обломкам, сосуды этого типа были небольшими или даже совсем маленькими. Они изготовлены из хорошо отмученного теста средней пластичности с примесью мелкой дресвы аллювия. Черепки очень плотные, с плотным ровным изломом. Толщина стенки у одного из них, орнаментированного в горизонтальную «елочку», составляла лишь 2 мм.

Эти сосуды имели высокую, слабо вогнутую шейку и резко отогнутый наружу венчик, образующий широкий, сильно выступающий «kozyрек» с внешне асимметричным грибовидным профилем. Способ их формовки неясен. «Козырек» венчика моделирован пальцами и тщательно обработан твердым гладким шпателем. Внешний край «kozyрька» украшен частыми наклонными тычковыми вдавлениями маленького пальца с коротко подстриженным ногтем. Сразу от венчика опускаются книзу разреженные наклепные валики с треугольным поперечным сечением. Они были сформованы гладкой лопаточкой из наложенных узких глиняных жгутов. Излишки глины были перегнаны вниз, за счет чего поверхность стенок, изначально заглаженная гладким шпателем в поперечном направлении, приобрела вид тускло лощеной. Обжиг качественный, равномерно-окислительный, с длительной экспозицией. Поверхность светло-коричневая разных оттенков, излом серовато-коричневый.

Шесть других мелких фрагментов сосуда принадлежат более тонкостенному сосуду с рельефной «волной» на «kozyрьковом» венчике и опущенными от него разреженными вертикальными валиками.

Таяты IV. Посуда с ОВД представлена на этом поселении только четырьмя маленькими фрагментами тулова сосудов, найденными не в культурном слое, а на песчано-галечной береговой полосе. Наиболее крупный фрагмент, принадлежащий верхней части тулова, декорирован по основанию шейки сосуда наклепным жгутиковым валиком и ниже наклонными узкими обмазочными валиками. Фрагменты ничем существенно не отличаются от керамики с ОВД из поселения Таяты III.

Жаровск. В скальной нише найдено свыше 50 относительно крупных фрагментов керамики с ОВД. Они принадлежали сосудам четко профилированной формы с высокой прямой или плавно вогнутой шейкой и параболическим туловом. Диаметр устья сосудов колеблется от 16 до 26–28 см. У крупных сосудов венчик резко отогнут наружу, образуя широкий, сильно выступающий «kozyрек» (рис. 67: 1–3). У маленьких сосудов венчик равномерно утолщенный, без «kozyрька».

Сосуды с ОВД изготовлены из хорошо промешанного теста, варьирующегося от тощего до жирного, с примесью дресвы аллювия. Размеры фракций отощителя колеблются от 0,4–0,5 мм («пыль») до слабо окатанных зерен 3–5 мм в поперечнике. Излом черепков плотный, зернисторовный или зернисто-комковатый.

Корпус сосудов формовался лоскутным или лоскутно-ленточным способом. Шейка и венчик моделировались, вероятно, одной широкой лентой. Емкость горшков подвергалась выколачиванию гладкой колотушкой, что фиксируется по округлым или сегментовидным углублениям на внутренней стороне стенок (следы наковаленки), а также по заметным перепадам (от 4 до 7 мм) в их толщине.

Внутренняя поверхность стенок покрывалась тонким слоем глиняной суспензии или замывалась и тщательно затиравалась твердым орудием с гладким рабочим краем или куском кожи (?). Внешняя сторона венечной части и шейки также тщательно затиравалась, корпус же покрывался слоем глиняной суспензии. По этому слою гладкой лопаточкой с узким (5–10 мм) рабочим краем моделировались валики шириной 3–5 мм в низком и очень низком рельефе. Расстояние между валиками варьируется от 6 до 17 мм. Опускаясь от шейки к дну, они образуют вертикальную «елочку».

Шейка у некоторых сосудов декоративно отделена от емкостной части горизонтальным валиком, образованным наложением тонкого глиняного жгута с последующей его формовкой в рельефную «волну». Сама шейка украшалась частыми горизонтальными или вертикальными рядами пальцевых защипов, оттисков ногтя и косых насечек. «Козырек» венчика декорирован по внешнему и внутреннему краям насечками или оттисками ногтя.

Обжиг сосудов качественный, окислительный, с длительной экспозицией. Цвет внешней поверхности коричневый разных оттенков, внутренняя сторона и излом варьируются от темно-коричневого до серого. У большей части фрагментов в процессе археологизации поверхность сильно почернела. У многих обломков венечных частей на внутренней стороне – следы плотного черного нагара.

Венечные части сохранились от пяти сосудов, благодаря которым можно составить относительно полное представление об их форме и орнаментации. Первый горшок, имевший диаметр около 18 см, был украшен глубокими косыми насечками по внутреннему и внешнему краям «kozyрькового» венчика и пятью пара просверленных отверстий для починки сосуда. В одном из них – остатки железной скобочки. Фрагмент другого сосуда, имевшего более крупные размеры, декорирован по «kozyрьку» венчика косыми насечками, а по шейке – вертикальными рядами пальцевых защипов (рис. 67: 1). Под «kozyрьком» венчика имеется круглый накол и отверстие.

Наиболее крупный сосуд имел диаметр около 28–30 см. У него слабо профилированная шейка и «kozyрьковый» венчик, внутренний и внешний края которого украшены косыми насечками. Шейка декорирована пятью горизонтальными рядами косых насечек и наклепным волнистым валиком по ее основанию. На одном фрагменте под «kozyрьком» венчика имеется глубокий круглый накол (рис. 67: 3). Два других сосуда представлены отдельными фрагментами венечных частей. Один из них без «kozyрька» у венчика, другой, с рассеченным «kozyрьковым» венчиком, украшен по шейке редкими вертикальными рядами косых насечек.

Четкой привязки к культурным слоям ни один из этих сосудов не имеет, т. к. их обломки залежали на разных уровнях. Так, например, фрагменты первого сосуда зафиксированы со II по VII горизонт включительно, а обломки последнего сосуда залежали во II, VII и VIII горизонтах. В то же время необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство фрагментов керамики с ОВД (76 %) зафиксировано в IV–VII горизонтах. В трех верхних горизонтах встречено лишь три относительно крупных фрагмента, остальные очень мелкие. Все они, вероятнее всего, были перемещены из нижележащих горизонтов землеройными животными. В нижнем слое фрагменты сосудов с ОВД и ЧЛД залежали вперемешку с раннеташтыкской керамикой. Несколько фрагментов сосудов с ОВД и раннеташтыкских были перекрыты на среднем уровне нижнего слоя гранитной глыбой.

упавшей с потолка. Благодаря этому факту можно несколько увереннее говорить о синхронности этих двух типов керамики.

В нижнем же слое, на шестом горизонте был встречен миниатюрный фрагмент венечной части сосуда со слабо выраженным «kozyрьком» и горизонтальным валиком, от которого опущен книзу второй слегка наклонный валик. Судя по нему, тулово этого сосуда было декорировано разреженными вертикальными валиками, как у нескольких вышеописанных сосудов из Таят III.

Верхняя Мульга II. Здесь находился всего один разбитый сосуд (рис. 68). Крупные фрагменты его позволяют полностью реконструировать облик и технологию изготовления сосуда. Он имел четко профилированную форму с параболоидным туловом, выделенной высокой плавной вогнутой шейкой и резко отогнутым наружу венчиком с округлым профилем. Диаметр его устья 28–29 см, экватора – 32 см, высота – 32–33 см. Сосуд изготовлен из хорошо промешанного теста средней пластичности с примесью среднезернистой дресвы аллювия. Фракции отощителя – остроугольные и изометрические обломочные зерна кварца, полевого шпата, гранита, роговой обманки – варьируются от 0,1 до 2 мм в поперечине. Излом черепков плотный, зернисто-ровный. Корпус сосуда формировался со дна, моделированного в виде широкой округлой чаши. Стенки емкостной части лепились лоскутным или лоскутно-ленточным способом, шейка и венчик моделированы одной широкой лентой. Последующим выколачиванием стенок все стыки лент-лоскутов были деструктурированы. Толщина стенок около 5–6 мм, не подвергавшийся выбивке венчик несколько толще.

Внутренняя сторона стенки сосуда замята и тщательно заглажена орудием типа жесткого шпателя, обернутого куском ткани или кожи. Венчики шейки слабо залощены, внешняя же сторона стенок емкости покрыта тонким слоем глиняной суспензии. По этому слою протягиванием орудия типа деревянной лопаточки сформованы частые узкие валики, образующие на корпусе сосуда вертикальную «елку», а в придонной части и на днище – крупную «плетенку». Валики в сечении округлые, шириной 1,5–2 мм, расстояние между ними варьируется от 1 до 2 см. Шейка сосуда декоративно отделена от емкостной части двумя горизонтальными валиками, образованными наложением тонких глиняных жгутов с последующей их формовкой в рельефную «волну». Сама шейка украшена наклонными линиями оттисков штампа (возможно, колесика) с большими квадратными зубцами. Срез венчика декорирован двусторонними концевыми оттисками ребра палочки, сформованными по внешнему краю пальцевыми защипами в рельефную «волну».

Обжиг сосуда качественный, проходивший в равномерно-окислительной среде с длительной экспозицией. Цвет поверхности и излома насыщенный оранжево-коричневый. Внутренняя поверхность, исключая днище, покрыта черно-бурым нагаром.

Керамика с защитно-пальцевым декором (ЗПД)

В данную группу объединены фрагменты сосудов, для которых ряды пальцевых и ногтевых защипов являются основным и единственным видом орнамента тулова.

Таяты III. На этом памятнике найден лишь один фрагмент тулова сосуда, орнаментированный рядами глубоких ногтевых вдавлений.

Таяты IV. Вся керамика с пальцевыми защипами встречена только на этом поселении. Здесь найдены фрагменты не менее семи или восьми сосудов с та-

ким декором. Судя по имеющимся обломкам, они имели четко профилированную форму с раздутым туловом, округлыми покатыми плечиками, относительно высокой плавной вогнутой шейкой и отогнутым наружу округлым венчиком (рис. 69: 1–8, 10–12). Лишь у одного сосуда шейка была высокая, прямая и дно этих сосудов неясно, но, судя по косвенным данным, оно, скорее всего, было округлое.

Сосуды данной группы изготовлены из относительно плотного, в некоторых случаях плохо промешанного теста, варьирующегося от среднепластичного до как «пыль» (зерна размером 0,4–0,5 мм), так и относительно крупные (3–5 мм) комковато-обломочного.

Способ формовки сосудов данной группы неясен (не найдено ни одного фрагмента корпуса со структурным изломом), но четко устанавливается, что корпус сосудов дорабатывался уплотняющей выбивкой, фиксирующейся как по отпечаткам наковаленки в виде вмятин на их внутренней стороне, так и по перепадам в толщине стенок на 2–4 мм. На внешнюю поверхность приустьевой части в некоторых случаях намазывался дополнительный слой глины, за счет чего она становилась почти в два раза толще.

Внешняя поверхность корпуса покрывалась тонким слоем глиняной суспензии или, наоборот, замывалась, после чего тщательно заглаживалась гладким шпателем (в одном случае обернутым кожей) в поперечном направлении.

Орнамент, образованный частыми горизонтальными рядами пальцевых защипов, покрывает стенки сосудов от венчика до плечиков. В некоторых случаях в подвенечной зоне имеются редкие глубокие ямочные вдавления, нанесенные поверх основного орнамента. Внешний край венчика декорирован рельефной «волной», смоделированной пальцами. По внутреннему краю делались пальцевые защипы либо подобие той же «волны», но выполненной встречными движениями подушечки одного пальца и ногтя другого.

Все сосуды данной группы были обожжены с длительной экспозицией в окислительной среде. Цвет их поверхности варьируется от светлого желтовато-красновато-коричневого до светло-серого, излом же заметно темнее.

К этой же группе керамики должны быть отнесены встреченные на поселении единичные фрагменты четырех неорнаментированных сосудов, которые по морфологическим и техническим характеристикам полностью тождественны вышеописанным, но имеют незаглаженную внешнюю поверхность с выраженным шишковатым рельефом (рис. 70: 1–2).

В целом, сосуды данной группы едва ли могут представлять собой самостоятельный керамический комплекс. Они проявляют некоторое сходство с керамикой с ОВД, но все же больше тяготеют к комплексу керамики с ЧЛД. Их роднит традиция утолщения венчика за счет обмазки глиной, которая характерна и для керамики с древовидными валиками, но чужда для посуды с ОВД. Близкое родство посуды с ЧЛД и ЗПД косвенно подчеркивает тот факт, что в Таятах II, где не было керамики с ЧЛД, отсутствовали и черепки с ЗПД. В Таятах III, где встречено лишь несколько миниатюрных фрагментов с ЧЛД, найден только один обломок сосуда с ногтевыми вдавлениями. Зато в Таятах IV, где керамика с ЧЛД резко преобладает над керамикой с ОВД, есть и керамика с ЗПД.

Культурно-хронологическая принадлежность керамики с ОВД

Керамика с ОВД памятников бассейна Казыра, по-видимому, принадлежит двум разным историческим периодам. Основная часть посуды поселения Таяты III и вся посуда с ОВД Жаровской стоянки синхронна таштыкской. Незначительные различия в орнаментации сосудов носят частный характер и обусловлены тем, что они изготавливались разными, хотя и близкородственными коллективами таежного населения.

Керамика с ОВД поселения Таяты II (рис. 65) более поздняя. В слое она залегала смешанно с раннесредневековой керамикой кыргызской традиции. Ее характеризует использование большего количества отошающих добавок и, как следствие, увеличение толщины стенок, замывка либо затирание внешней поверхности сосудов орудием типа щепы, играющее роль технологического декора. Эти особенности увязывают ее с разными вариантами казырской посуды эпохи средневековья. Вместе с тем, декор этих сосудов является прямым генетическим продолжением керамической традиции ОВД, связанной с поселением Таяты III (рис. 66).

Сосуд с Верхней Мульги II (рис. 68) существенно отличается от казырских по декору (орнаментация шейки зубчатым колесиком, качественно выполненные валики), по морфологии (отсутствие «kozyрька») и по некоторым, хотя и несущественным, особенностям в технологии изготовления. Вместе с тем, он заведомо принадлежит к тому же культурному комплексу, что и посуда с ОВД бассейна Казыра, и к тому же хронологическому горизонту, что и горшки из Таят III и Жаровска (если только на Кизире данная традиция не оказалась «законсервированной» на более долгий срок).

Мульгинский сосуд имеет значительно больше сходства с сосудами с ЧЛД, чем казырская керамика с ОВД. Оно проявлено в плавно вогнутой шейке, декорированной наклонными рядами оттисков крупного зубчатого штампа, и отогнутым наружу округлом венчике, декорированном «волной» пальцевых защипов.

Посуда с ЧЛД гунно-сарматского времени, в свою очередь, проявляет ярко выраженное родство с «лесной» керамикой скифской эпохи. Посуда с ЧЛД по декору и технологии изготовления эволюционно продолжает линию развития посуды с древовидными валиками. У керамики с ОВД родство с «лесными» сосудами скифского времени ощущается в значительно меньшей степени. Это обусловлено в первую очередь тем, что обмазочно-валиковый декор не имеет таежных истоков.

Немногочисленные фрагменты сосудов с декором тулова разреженными вертикальными и наклонными валиками из Таят III и Жаровска довольно четко отличаются от сосудов с «классическим» ОВД не только орнаментацией, но и формами сосудов, а также некоторыми особенностями технологии изготовления. Они, вероятно, представляют собой какую-то обособленную категорию посуды в рамках общего комплекса керамики с ОВД.

Ареал и хронология посуды «лесной» традиции I тыс. н. э.

Кизир-Казырская посуда с ЧЛД, ОВД и ЗПД резко отличается от таштыкской и раннесредневековой посуды степей Хакасско-Минусинской котловины. Близкие ей аналогии обнаруживаются к северу от этого региона, в памятниках подтаежных и, отчасти, лесостепных районов Среднего Енисея от Красноярска до Нижнего Приангарья (Мандрыка, Коваленко, 1995; Мандрыка, 1997; Мандрыка, Баташев, 1997; Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 162–163; Фокин, 2008). В некоторых среднеенисейских памятниках представлена керамика со всеми тре-

мя типами декора, в других – только с одним или двумя. Это дает повод рассмотреть данную посуду раздельно по видам декора.

Посуда с ЧЛД и ЗПД. Посуда с ЧЛД, во многом близкая казырской, представлена в материалах из карауленских пещер, расположенных в 23 км выше Красноярска (Карцов, 1929, с. 45, табл. VI: 14, 21; Демиденко, Макаров, 1989, с. 87; Мандрыка, Макаров и др., 1996, с. 91, 95, рис. 10: 1, 4). Она, подобно казырской, имеет утолщенную за счет подлепа широкой ленты высокую шейку, орнаментированную косыми линиями круглозубчатого штампа либо рядами пальцевых защипов. Основание шейки рассечено глубокими фестонными вдавлениями пальца или орнамента. Аналогичная посуда есть и в других памятниках района Красноярска (поселения Усть-Собакино, Монастырское и др.), а также на стоянке в устье речки Малая Дербина (разведка Г. А. Максименкова в 1960 г., хранятся в Эрмитаже).

В. Г. Карцов еще в 1929 г. высказал предположение, что посуда этого типа имеет местное происхождение и приходит на смену тагарской. Фрагменты сосуда с налепными волнистыми лентами были найдены им в кургане позднетагарского времени у Военного городка (Карцов, 1929, с. 12, 45, табл. VI: 16; Давлет, 1964, с. 208–209, рис. 2: 3). Гунно-сарматский возраст керамики с ЧЛД был впоследствии подтвержден исследованиями в карауленских пещерах (Мандрыка, Макаров и др., 1996, с. 90–95, 98, рис. 10: 1, 4). В пещере Еленева слой 2, в котором была найдена керамика с ЧЛД, датирован по радиоуглероду 1400±60 л. н. (Макаров, Мартынович и др., 1992, с. 120).

Помимо керамики карауленского типа в памятниках района Красноярска представлены сосуды с ЧЛД и ЗПД кубковидной формы на пологом конусовидном поддоне с низкой утолщенной шейкой. Они встречены в погребениях боровского типа, датированных Н. П. Макаровым и П. В. Мандрыкой второй половиной I тыс. н. э. (Мандрыка, 1989, с. 140–141, рис. 17, 18; Мандрыка, Макаров, 1994, с. 68–82, рис. 2: 26). Данные сосуды сопоставимы по форме с кубковидными сосудами из памятников таштыкской культуры. Боровские погребения связывают с этой степной культурой также некоторые другие предметы инвентаря – железная пряжка округло-прямоугольной формы, звено витой цепочки, две бронзовых бляшки и особенно фрагмент костяной пластины с гравированным изображением бегущей лошади в «классическом» таштыкском стиле (Мандрыка, Макаров, 1994, рис. 2: 5, 6; 3: 10, 36). В связи с этим датировка ранних погребений боровского типа IV–VI вв. (Мандрыка, 1989, с. 140–143) представляется весьма вероятной. В целом же создается впечатление, что кубковидные сосуды с ЧЛД и ЗПД демонстрируют позднюю фазу развития посуды «лесной» валиковой традиции.

К северу от Красноярска на стоянках Зимовейная и Малая керамика с ЧЛД находилась вместе с керамикой тагаро-таштыкского типа (Макаров, 1989, с. 174). На поселении Бобровка, расположенном в подтаежной зоне, в 220 км ниже Красноярска, посуда с ЧЛД залегала в третьем культурном слое вместе с посудой, декорированной узкими обмазочными валиками и пальцевыми защипами (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 118–119, рис. 39). Начало формирования слоя датируется по радиоуглероду 1955±30 л. н., но исследователь памятника П. В. Мандрыка отнес его ко второй половине I тыс. н. э. (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 162–163). Такое резкое омоложение слоя вряд ли оправдано. Опубликованный сосуд с ЗПД и ЧЛД по профилю венечной части сопоставим с сосудами боровского типа, а по декору ее соответствует карауленским и казырским сосудам (Мандрыка, Ямских и др., 2003, рис. 39: 4). Он явно занимает промежуточное

положение между ранней (карауленской) группой керамики с ЧЛД и поздней (боровской).

Ареал керамики с ЧЛД и ЗПД охватывал Прибайкалье (Конопацкий, Березин, Холушкин, 1980, с. 48), Приангарье (Бурилов, 1980, с. 32), Среднее Причулымье (Авраменко, 1963, с. 110, табл. 8) и часть Кузнецкой котловины (Ширина, 2005, с. 227–228, рис. 1). На Среднем Чулыме немногочисленные фрагменты сосудов с ЧЛД встречены под насыпями курганов Змеинкинского и Калмакского могильников, датируемых О. Б. Беликовой X–XIII вв. (Беликова, 1996, с. 61, рис. 34: 6; 40: 6; 55: 12). Эти сосуды не имеют ничего общего с керамикой, найденной в составе инвентаря погребений, и, по-видимому, совершенно иного происхождения. Сосуд Змеинкинского могильника (Беликова, 1996, рис. 34: 6; 40: 6) роднит с сосудом с ЧЛД из Жаровской стоянки декор шейки, но форма у него была несколько иной.

Керамика с ЧЛД и ЗПД присутствует также на средневековых поселениях сопредельной Кузнецкой котловины и Горной Шории. Сосуды по форме и особенностям декора венечной части и тулова близки посуде с ЧЛД и ЗПД из погребений боровского типа. По мнению Ю. В. Ширина, эта керамика была принесена в Кузнецкую котловину мигрирующим кетоязычным населением с Енисея в начале II тыс. н. э. (Ширина, 2004б, с. 185–187; он же, 2005, с. 227–228).

Посуда с ОВД. Самым ранним памятником, в котором были найдены обломки сосуда с ОВД, является погребение на Ангаре, в устье р. Цэпань, исследованное А. П. Окладниковым (Окладников, 1940). Сосуд имел характерный «козырьковый» венчик и был декорирован по шейке рядом ямочных вдавлений и узкими параллельными наклонными валиками. Тулово сосуда тоже украшено узкими параллельными валиками, но в виде вписанных друг в друга треугольников. В составе инвентаря погребения находились два бронзовых трехлопастных наконечника стрел, характерных для памятников скифского времени этого региона (Привалихин, 1987, с. 94, рис. 2: 14; он же, 1993, с. 18), и длинные изогнутые костяные накладки для лука хуннского типа. Накладки позволяют отнести погребение к финалу цэпаньской культуры, т. е. в более ранних цэпаньских погребениях концевые накладки архаичнее – прямые и относительно короткие, к тому же керамики с ОВД в них еще нет (Привалихин, 1989б, табл. 2: 2; он же, 1998, с. 77, рис. 9: 3–6; Леонтьев В. П., Дроздов, 1997, с. 220).

Декор цэпаньского сосуда сопоставим с валиковым декором обломков сосуда из погребения культуры глибочных могил у г. Тапхар в Забайкалье (Гришин, 1981, с. 129, рис. 43). Внешний бортик венчика этого сосуда был украшен рельефной «волной», как у сосудов с ОВД Приказырья, основание шейки – тремя (?) узкими волнистыми валиками, а тулово – наклонными острорезерными валиками. Погребение относится к тапхарскому этапу, датируемому VII–VI вв. до н. э.

На поселениях подтаежной зоны Среднего Енисея единичные фрагменты обмазочно-валиковой керамики встречаются уже в слоях скифского времени, а на памятниках гунно-сарматского времени она составляет более 90 % от всей посуды (Мандрыка, 1997, с. 215). На поселении Айканка (в 75 км от северу от Красноярска) керамика с ОВД была встречена в жилище, датированном по радиоуглероду 120 г. н. э. (1880±25 л. н.) (Там же). Обмазочно-валиковая керамика, аналогичная айканской, найденная на многих поселениях и в спелеоархеологических памятниках Красноярского района, была отнесена П. В. Мандрыкой к средней фазе гунно-сарматского времени, т. е. к I–IV вв. н. э. (Там же, с. 214–215).

Позднее этот исследователь несколько изменил свои представления о хронологии посуды с ОВД. Он стал относить ее ко второй половине I тыс. н. э. (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 162–163). При этом он, по существу, стал игнорировать его взглядами. На поселении Бобровка культурный слой, в котором керамика с ЧЛД и ЗПД залегала вместе с посудой с ОВД, датируется по радиоуглероду серединой I в. (1955±30 л. н.), но П. В. Мандрыка относит его ко второй половине I тыс. н. э. (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 162–163). Подстилающий слой 4а, датированный П. В. Мандрыкой в соответствии с радиоуглеродной датой (1870±20 л. н.) началом I тыс. н. э., содержит раннетащтыкскую керамику (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 119–120, 164–165, рис. 40). Носители валиковой керамической традиции поселились в Бобровка позже ранних «тащтыкцев», тем более других поселений должна быть датирована эпохой раннего средневековья. Впрочем, если, по представлениям П. В. Мандрыки, тагарская культура просуществовала в Красноярской лесостепи до VII в. н. э. (Мандрыка, 1998, с. 68–69), то датировка керамики с ОВД второй половиной I тыс. н. э. вполне оправданна.

В Северном Приангарье керамическая посуда с ОВД, появившись в начале гунно-сарматского времени, бытует, очевидно, до начала II тыс. н. э. (Леонтьев В. П., Дроздов, 1997, с. 221; Мандрыка, Фокин, 2003, с. 94, рис. 2: 4–6). Валики у сосудов Приангарья нередко скомпонованы в своеобразные геометрические композиции, не характерные для керамики с ОВД бассейна Среднего Енисея. В могильнике Усть-Кова сосуд с таким декором был найден в погребении с геральдическими бронзами VII–VIII вв. (Леонтьев В. П., Дроздов, 1996, с. 40, рис. 2).

Керамическая посуда с валиковым декором распространена также в памятниках релкинской культуры Томского и Нарымского Приобья. Она имеет свои ярко выраженные локальные особенности и датируется в пределах второй половины I тыс. н. э. (Беликова, Плетнева, 1983, с. 100; Чиндина, 1991, с. 75–76, 130; Березовская, 1997, с. 270–271, 282). Валиковый декор в виде треугольных фестонов, сопоставимый с «елочным» декором сосудов ККР и Среднего Енисея, присущ лишь небольшой, причем ранней части релкинской посуды, относимой к IV–VIII вв. (Беликова, Плетнева, 1983, с. 50, 100; Березовская, 1997, с. 277–282, рис. 2: 2; Рудковский, 2007, с. 94, рис. 2: 1). Особенно близки кизир-казырским крупные сосуды городища Басандайка IV с высокими шейками, украшенными горизонтальными валиками и вертикальными рядами зацепов (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 102: 1; 103: 3). Тулово этих сосудов декорировано треугольными шевронами. Обломки аналогичных сосудов были встречены в насыпях средневековых басандайских курганов (Гриневиц, 1948, с. 127–129, табл. 12: 4; 14: 7).

У других релкинских сосудов валики лепные и образуют на тулове сосудов одиночные или групповые разреженные вертикальные линии (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 44: 1; 91: 1–2; 90: 5–7; 91: 2; 93: 3; Чиндина, 1991, с. 48–49, рис. 18: 1, 5, 8, 12; Березовская, 1997, рис. 2). Посуда с аналогичным декором тулова распространена в памятниках лачиновской культуры Среднего Приобья (Окунева, 1997, с. 45–46, рис. 4, 5). На отдельных сосудах вертикальные валики замещены треугольными валиковыми шевронами, как на некоторых сосудах из Томского Приобья (Окунева, 1997, с. 46). И. В. Окунева датирует лачиновские памятники в широких пределах – второй половиной I тыс. н. э. – началом II тыс. н. э. (Окунева, 1997, с. 53).

Керамика, аналогичная лачиновской, распространена в Южном Притомье и предгорьях Кузнецкого Алатау (Ширин, 1997а, рис. 2–4). Некоторые из сосудов этого района сближают с кизир-казырской керамикой «kozyрки» венчиков и «псевдовалики» в придонной части сосудов, образованные протягиванием какого-то зубчатого инструмента по толстому слою влажного ангоба (Ширин, 1997а, с. 67, рис. 3: 3; 4: 1–2, 6, 35).

Декор тулова сосудов редкими вертикальными валиками, характерный для значительной части средневековой посуды Притомья, на Среднем Енисее и в ККР встречается редко (Мандрыка, 2003б, с. 45, рис. 6: 11; Мандрыка, Ямских и др., 2003, рис. 39: 1).

Истоки валиковой керамической традиции. Проведенный аналитический обзор керамики валиковой традиции позволяет сделать заключение, что оба типа валикового декора тулова сосудов – ЧЛД и ОВД – распространяются в Северном Приангарье, на Среднем Енисее и в ККР с хуннского времени. Здесь она, очевидно, и зародилась. Несколько позже, вероятно, в IV–V вв., посуда енисейской валиковой традиции появляется вместе с группами мигрирующего населения в бассейне реки Томи (Чиндина, 1991, с. 75–77). Особого распространения здесь она не получила, но оказала определенное влияние на формирование местной традиции валикового декора.

Большинство исследователей объясняет широкое распространение валиковой посуды миграциями ее носителей. А. П. Окладников еще в 1940 г. высказывал предположение о том, что исходной территорией формирования этой керамической традиции являются глухие таежные районы Восточной Сибири (Окладников, 1940, с. 110). Миграционной гипотезы придерживается также П. В. Мандрыка. По его первоначальным представлениям, валиковая керамика внезапно появляется в северной подтаежной зоне Енисея в конце скифской эпохи, и с этого времени начинается процесс миграции ее носителей к югу. В начале нашей эры они расселились в Красноярской лесостепи и окружающих ее подтаежных районах, а позднее – в III–IV вв. н. э. – продвинулись в сторону Обского бассейна и достигли Томского Приобья (Мандрыка, 1997, с. 216).

После отнесения среднеенисейской валиковой посуды к эпохе раннего средневековья П. В. Мандрыка стал допускать возможность существования не одной, а нескольких миграционных волн (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 164). Его взгляды во многом разделяют исследователи средневековых памятников Притомья, Нарымского и Томского Приобья. Они тоже связывают распространение валиковой керамики в этом регионе с миграцией населения с востока (Чиндина, 1977, с. 142; она же, 1991, с. 75–77; Беликова, Плетнева, 1983, с. 100, 123; Могильников, 1997, с. 228, 230–231; Бобров, Новгородченкова, 1987, с. 158; Беликова, 1992; Окунева, 1997, с. 48; Ширин, 1997, с. 68–70; он же, 2004б, с. 182, 185).

Перемещающиеся группы населения, очевидно, действительно способствовали распространению керамики валиковой традиции к западу от Енисея, но массового переселения «лесного» населения с севера на юг, скорее всего, все-таки не было. Таежные охотники, рассредоточенные по обширным пространствам восточносибирской тайги, хотя бы в силу своей малочисленности не могли расселиться и закрепить за собой всю лесную и отчасти лесостепную зоны Средней Сибири. Данные этнографии свидетельствуют о значительной разреженности таежного населения, в силу экономической необходимости проживавшего в отдаленных друг от друга малочисленных поселениях. Производственный коллектив главным образом совпадал с семьей, уголья и ин-

вентарь также находились большей частью в семейной собственности (Балич, Головнев, 1983, с. 19).

С открытием валиковой керамики на поселениях Горной Шории и в ККР ее ареал охватывает теперь Хакасско-Минусинскую котловину почти сплошным кольцом. Валиковой керамики нет только в подтайге Западного Саяна, но и то, возможно, только потому, что там почти не известны памятники I тыс. н. э.

Широкому распространению керамики с ОВД, ЧЛД и ЗГД способствовали устойчивые этнические и культурно-хозяйственные связи, сложившиеся у «лесных» племен задолго до I тыс. н. э. (Окладников, 1957). Эти связи в условиях во многом сходной природной среды способствовали сложению у лесного населения по существу одинакового типа многоотраслевого хозяйства. Культурно-хозяйственный тип (являющийся одной из ипостасей историко-культурной общности) обуславливает во многом одинаковую систему жизнеобеспечения с похожими хозяйственно-бытовыми и социокультурными проявлениями (Косарев, 2001, с. 162). Одним из таких проявлений была керамическая традиция.

Валиковый декор на большей части территории его распространения пришел на смену рубчато-штриховому и «вафельному» технологическому декору эпохи бронзы и раннего железа. ОВД тоже имел функциональное назначение, т. к. рифленая поверхность улучшала технические характеристики сосуда, увеличивала общую площадь нагрева и, следовательно, ускоряла закипание жидкости в сосуде (Новых, 2004, с. 133).

Некоторые исследователи уже обращали внимание на то, что ОВД «лесных» сосудов проявляет определенное сходство с лепным, валиковым декором триподов и сосудов других форм скифского времени Забайкалья (Окладников, 1959, с. 115–117; Гришин, 1981, с. 111, рис. 43). Венчик и основание шейки у некоторых триподов украшены волнистыми или прямыми валиками (Окладников, 1959, с. 115–117, рис. 1), почти как у сосудов с ОВД. Тулово ряда триподов декорировано узкими вертикальными жгутиковыми, древовидными или ребристыми валиками, исходящими от горизонтального валика на основании шейки сосуда. У части сосудов валики сгруппированы по два, по три, либо в еще более сложные композиции. Традиция декора тулова сосудов одиночными или групповыми вертикальными валиками была широко распространена во времени и пространстве. В Забайкалье этот тип декора представлен не только на триподах, но и на сосудах баночной формы скифского и, реже, хуннского времени (Давыдова, 1996, с. 15, рис. 15, табл. 39: 24). В таежной зоне Енисейского Приангарья сосуды с подобным декором появляются в эпоху поздней бронзы (Мандрыка, 2006, с. 416, рис. 1) и доживают, по-видимому, до начала II тыс. н. э. (Мандрыка, 2003, с. 45, рис. 6: 11). В Среднем Притомье, Томском и Нарымском Приобье сосуды из памятников лачиновской и релкинской культур с туловом, украшенным одиночными и групповыми вертикальными и наклонными валиками, датируются второй половиной I тыс. н. э. (Чиндина, 1991, с. 48–50, рис. 18; Окунева, 1997). В Туве сосуды с валиковым декором этого типа распространены в памятниках шурмакской культуры, датируемой первой половиной I тыс. н. э. (Кыласов Л. Р., 1979, с. 80–81; Вайнштейн, 1970, рис. 1; Дьяконова, 1970, табл. V, VI). Аналогичный декор встречается на хуннских бронзовых котлах, причем не только в Северной Азии (Иванов, 1982, рис. 4: 15), но и в Восточной Европе (Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 7). Хуннским (раннеташтыкским) временем датируются немногочисленные фрагменты сосудов с валиковым декором этого типа из поселений Приказырья (Таяты III, Жаровск).

Особенно наглядно влияние хуннской традиции на формирование керамики с валиковым декором проявилось в тех «лесных» сосудах, орнамент которых произведен от рельефного декора хуннских бронзовых котлов. В этом плане особенно выразителен сосуд, найденный в гроте Дачном, южнее Красноярска, и датированный П. В. Мандрыкой I в. до н. э. – I в. н. э. (Мандрыка, 2001а, с. 63, рис. 2, 5). Арочный валиковый орнамент сосуда является точной репликой декора хуннских бронзовых котлов II в. до н. э. – I в. н. э. (Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 4: 5). Этот же орнаментальный мотив распространен на глиняных сосудах шурмакской культуры Тувы (Вайнштейн, 1970, табл. II: 12, 17; Кызласов Л. Р., 1979, с. 119). Вазообразные шурмакские сосуды сближаются с сосудом из грота и по форме: у них такая же высокая неорнаментированная шейка и яйцевидное тулово, но днище плоское.

Орнамент тулова «лесных» сосудов из Приобья и Нижней Ангары в виде крупных арочных (волнообразных) валиков, раппортно покрывающих все их тулово (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 27: 1; Чиндина, 1991, рис. 18, 14; Мандрыка, Фокин, 2003, рис. 2: 5), вероятно, тоже произведен от арочного декора хуннских котлов. В Забайкалье фрагменты керамики с арочным валиковым декором найдены на стоянке культуры плиточных могил у пос. Бытэв, датированной Ю. С. Гришиным раннехуннским временем (Гришин, 1981, с. 116).

Классический ОВД, на первый взгляд, не имеет ничего общего с декором тулова хуннских гончарных сосудов. У одних из них тулово покрыто вертикальными или наклонными полосами лощения, у других – рифленое, простое и фигурное. Рифление сосудов осуществлялось по их непросушенной поверхности путем прокатки штампов либо протаскивания зубчатой лопаточки (Коновалов, 1976, с. 196; Давыдова, 1995, с. 26). Эти же технологии применялись при отделке поверхности кровельной черепицы (Киселев, 1959, с. 163). У «лесных» сосудов валики формовались из слоя жидкой обмазки сосуда прямо пальцами либо простой или зубчатой лопаточкой. Покрытое валиками тулово «лесных» сосудов иногда схоже с рифленой поверхностью хуннских сосудов. Технология рифления поверхности гончарных сосудов и черепицы была воспринята хуннами от их южных соседей вместе с некоторыми формами посуды (Давыдова, 1956, с. 280; Давыдова, 1995, с. 27–28). Фрагменты сосудов с характерной полосчатой поверхностью есть даже на поселениях позднего скифского времени Забайкалья (Гришин, 1981, с. 115).

«Елочные» или шевронные композиции из валиков, господствующие на «лесных» сосудах, для хуннских сосудов не характерны. Тем не менее, на Иволгинском городище был встречен один фрагментарно сохранившийся сосуд, тулово которого было украшено валиками в «елочку» (Давыдова, 1995, табл. 95: 23). А. П. Окладников высказывал вполне оправданное предположение о том, что валиковая «елочка» восходит к шевронным орнаментам бронзовых кельтов и котлов скифского времени (Окладников, 1940, с. 110). Хуннскую посуду сближают с «лесной» обмазочно-валиковой также некоторые элементы декора шеек сосудов. Жгутиковому или волнистому налепному валику на основании шеек сосудов с ОВД соответствуют аналогичные валики либо замещающие их прочерченные волнистые линии на шейках многих хуннских сосудов. Они, видимо, были унаследованы хуннской керамической традицией от «плиточной» (Коновалов, 1976, с. 217; Давыдова, 1995, с. 27–28). Разреженным вертикальным или наклонным рядом насечек, пальцевых зацепов и линий зубчатого штампа на шейках сосудов с ОВД соответствуют такие же разреженные полосы лощения на горлови-

нах ряда хуннских вазообразных сосудов (Давыдова, 1996, табл. 95: 4; 101: 10; 124: 16 и др.).

Сосудам с ОВД наиболее близка по форме хуннская кринкообразная гончарная посуда для варки пищи (Коновалов, 1976, с. 196), относящаяся, по классификации А. В. Давыдовой, к первому, наиболее распространенному типу хуннской керамической посуды (Давыдова, 1995, с. 24–25, табл. 177: 1–5, 12, 13, 23). Она широкогорлая, с утолщенным и отогнутым наружу венчиком, слабо вырванное от посуды с ОВД, она изготовлена на гончарном кругу и поэтому более толстостенна и плоскодонна. Шейки у сосудов в основном низкие, как у многих сосудов с ОВД Среднего Енисея. «Козырьки», характерные для значительной части керамики с ОВД, у этой посуды выражены менее ярко, но они типичны для корчагообразных сосудов второго типа (Давыдова, 1995, табл. 95: 18; 147: 24, 28, 32 и др.). Среди малоупотребительных форм хуннской посуды имеются низкие круглодонные и уплощеннодонные миски (Давыдова, 1995, табл. 17: 27, 28). Аналогичные миски, но с ОВД, найдены на территории поселений Айканка (Мандрыка, 1997, рис. 2: 11) и Таяты III.

В итоге можно констатировать, что в валиковом декоре и формах «лесной» посуды ощущается влияние позднеплиточной и хуннской культурных традиций. Непосредственной экспансией хуннов лесные районы не были затронуты. Расселяясь в Забайкалье, хунны ассимилировали часть населения культуры плиточных могил, а другую вытеснили за пределы исконной территории. Поздние плиточные погребения с отдельными хуннскими вещами зафиксированы на северном Байкале и в Прибайкалье (Гришин, 1981, с. 140). По последним археологическим данным, миграция населения культуры плиточных могил в лесостепное Предбайкалье началась еще в эпоху поздней бронзы (Цыбиктаров, 1998, с. 605–606; Туркин, 2006). Культурное же влияние «плиточников» и их потомков распространялось, очевидно, еще дальше, вплоть до низовий Ангары. Геометрические композиции из узких налепных валиков, украшающие тулово ряда нижнеангарских сосудов, вызывают прямые ассоциации с декором забайкальских триподов и некоторых других сосудов Байкальского региона (Гришин, 1981, с. 111, 117, рис. 35: 1; 43: 3; Николаев, Багдурев и др., 1995, с. 198).

Население ККР в гунно-сарматское время

Начало I тыс. н. э. в ККР характеризуется сосуществованием посуды двух керамических традиций: «лесной» валиковой и «степной» тесинско-таштыкской. Анализ таштыкской керамики и других изделий из казырских поселений позволяет сделать вывод, что господствующий в них «степной» вещевой комплекс датируется в пределах последних одного-двух веков до нашей эры – первых трех веков нашей эры. Почти полное отсутствие в казырских поселениях «классической» тагарской керамики указывает на то, что «степной» комплекс появляется в ККР в результате инфильтрации групп тесинского и раннеташтыкского населения из сопредельного лесостепного правобережья Енисея.

Керамика степной традиции истоков в казырской подтайге не имеет. По формам она тождественна посуде из тесинских и раннеташтыкских памятников Хакасско-Минусинской котловины. Декор этой посуды находит наиболее близкие аналогии среди керамики памятников правобережья Енисея и особенно в Комарковском могильнике. На поселении Таяты III посуда этого типа резко преобладает над «лесной» валиковой. Эти факты позволяют высказать пред-

положение о непосредственном расселении в тайге групп населения из минусинской лесостепи.

Массовая инфильтрация тесинцев и ранних таштыкцев правобережья Енисея в Казырскую подтайгу могла быть вызвана разными причинами. С наибольшей вероятностью этот процесс можно связать с ускоренным развитием железоделательного производства в Хакасско-Минусинской котловине в начале гунно-сарматского времени. Месторождений железной руды на правобережье очень мало, зато ими изобилует ККР. Разработка их, как было показано выше, началась именно в это время. Следы металлургического производства зафиксированы на всех поселениях Таятского микрорайона.

Основной территорией расселения «таштыкцев» стало низовье Казыра, в ландшафтном и климатическом отношении наиболее благоприятное для ведения комплексного хозяйства, основанного на сочетании производящих (скотоводство и земледелие) и присваивающих (охота и рыболовство) отраслей. Здесь существовало, по крайней мере, одно (Таяты III) стационарное поселение, в котором круглогодично проживала достаточно большая группа людей. Этот крупный поселок, очевидно, стал форпостом, откуда степняки, утвердившись в подтаежной зоне, проникали глубже в тайгу. На это указывают находки тесинско-таштыкской керамики в Жаровской скальной нише и на стоянке Убинского озера. По технологическим характеристикам, форме и декору она тождественна посуде таятских поселений. Присутствие в Жаровской стоянке панцирной пластины – детали воинского доспеха – позволяет предположить, что носители «степной» тесинско-таштыкской культурной традиции заходили вглубь тайги не только для охоты, но и для взимания ясака (дани) с бродячих охотников и оленеводов саянских высокогорий.

Поздняя таштыкская керамика (рис. 52: 19) встречается в памятниках Приказырья очень редко. Видимо, к концу таштыкской эпохи имел место отток населения в лесостепь. Его можно связать с прогрессивными изменениями, произошедшими в железоделательном производстве. К концу гунно-сарматского времени одноразовые железоплавильные горны сменяются стационарными многократными и производство железа переместилось от железорудных месторождений в сосновые боры по берегам Тубы и правобережья Енисея (Киселев, 1951, с. 574; Сунчугашев, 1979, с. 99, 169–170). Добыча и поставка руды для этих железоплавильных горн осуществлялась при участии коренного таежного населения. К этому времени оно, по-видимому, было окончательно покорено степняками, обретя статус кыштымов. Этот тюркский термин, обозначающий вассальное, зависимое население, известен по письменным источникам с VII–VIII вв. (Кызласов Л. Р., 1969, с. 122–123; Бутанаев, 1970, с. 178–181), но сама система социально-этнического подчинения зародилась, очевидно, еще в скифское время (Кызласов И. Л., 1999б, с. 49–50).

Автохтонное население ККР – малочисленные группы потомков местных племен скифского времени – частью сосуществовали с пришлыми степняками, частью были оттеснены ими вглубь горной тайги. Генетически наследуя своим предшественникам, они едва ли отличались от них своим хозяйственным укладом. Вместе с тем, пребывая в культурном и, вероятно, этническом родстве с таежным населением сопредельных регионов и проживая в сходных природно-географических условиях, на рубеже эр они оказались вовлечены в процесс культурных изменений, наглядным выражением которого является становление валиковой керамической традиции.

Материалы эпохи раннего – развитого средневековья

В исследованных поселенческих памятниках ККР эпоха средневековья представлена почти исключительно керамикой, которая, подобно предшествующей, типологически разделяется на «степную» и «лесную». Последняя, включающая керамику «степной» кыргызской традиции и, очевидно, к VIII в. в ККР вышла из употребления. Наиболее поздним ее вариантом в материалах ККР является посуда с ОВД поселения Таяты II (рис. 65).

Средневековая керамика «степного» облика – вовсе не результат импорта из сопредельной ХМК. Во многом представляя собой реплику посуды енисейских кыргызов, она в то же время демонстрирует яркое своеобразие и выразительные черты сходства с керамикой ККР предшествующего времени.

Таяты I. Под обрывом пойменной террасы на галечно-песчаном берегу местонахождения было собрано свыше 30 фрагментов тулова и венечных частей керамических сосудов, разнообразных по толщине и цветности, но однородных по технологии изготовления. Для их формовочных масс использовалась красная глина со значительной искусственной примесью дресвы аллювия и, иногда, шамота. Тесто черепков тощее или очень тощее, излом зернистый или комковато-обломчатый. Поверхность сосудов замыта, хорошо заглажена, но при этом имеет шероховатую на ощупь зернистую («наждачную») фактуру. По этим признакам керамика местонахождения типична для эпохи средневековья Минусинской котловины.

Один фрагмент верхней части сосуда имеет отогнутый наружу венчик, внешний край которого оформлен в виде небольшого валика, украшенного двойными насечками. Шейка сосуда декорирована строкой точечных наколов (рис. 71: 1) (фрагменты сосудов с аналогичным декором найдены в двух первых горизонтах Жаровской стоянки, но они, скорее всего, были перемещены норными животными). У двух других черепков обрез венчика фигурно скошен и украшен оттисками двузубчатого штампа, второй ряд таких же оттисков нанесен под венчиком (рис. 71: 2). Фрагменты сосудов с аналогичным декором найдены на поселениях Таяты III, Таяты IV. Керамика с двузубчатым штампом часто встречается на разрушенных средневековых поселениях правобережья Енисея. Точный возраст ее не определен (Кызласов Л. Р., Король, 1990, с. 24–25). Кувшинообразный сосуд из Джесосского чаатаса, декорированный таким штампом, Л. Р. Кызласов датировал VI–VII вв. (Кызласов Л. Р., 1981а, рис. 28: 4).

Таяты II. В слое поселения резко преобладала керамика «степного» средневекового комплекса. Сохранились венечные части не менее чем от 25 сосудов, изготовленных из плотного тощего теста с примесью мелкозернистой дресвы аллювия, иногда в сочетании с шамотом. Внешняя поверхность стенок чаще всего замыта и заглажена, но при этом имеет выраженную шероховатую («наждачную») фактуру. Внутренняя сторона тщательно заглажена. Обжиг качественный, равномерно-окислительный. Цвет сосудов коричневый или коричневатый-серый разных оттенков, поверхность большинства из них искусственно зачернена. Преобладают фрагменты крупных горшковидных сосудов с невысокими, слабо выраженными шейками и утолщенными, вывернутыми наружу венчиками. Они сопоставимы с венечными частями кыргызской керамики (Кызласов, Мартынов, 1986, с. 192–196, рис. 5).

Декор сосудов крайне скуден. Подавляющее большинство горшков вообще не имело орнамента. Несколько сосудов в зоне плечика украшено одним-двумя

Тесла клиновидной формы длиной от 8 до 11 см изготовлены из продольно расколотых речных галек, обработанных широкими встречными сколами и крупной ретушью (рис. 37). Их дугообразные лезвия оформлены мелкой двусторонней ретушью, а широкие стороны орудий слегка подправлены шлифовкой. Два тесла изготовлены из светло-зеленых алевролитовых галек (рис. 37: 2, 4), два других – из сургучно-коричневой яшмы (рис. 37: 1, 3). Эта цветовая бинарная оппозиция, по-видимому, является не случайной.

Скребки концевые изготовлены из пластинчатых сколов кремневой породы. Один из них длиной 78 мм, правильной каплевидной формы, с выпуклой спинкой, тщательно обработанной ретушью (рис. 38: 1). Второй скребок длиной 74 мм изготовлен на сколе неправильной удлиненной формы; его дугообразное лезвие обработано односторонней ретушью (рис. 38: 2).

Рабочие края всех орудий – тесел и скребков – имеют выраженные следы сработанности.

Четыре из имеющихся в собрании пластинчатых сколов обработаны мелкой краевой отжимной ретушью (рис. 38: 3-4).

Как было отмечено выше, внешний облик этих предметов позволяет, по аналогии с материалами района Красноярск и Ангаро-Байкальского региона (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 176, рис. 53: 8), датировать жертвенник эпохой развитого неолита.

Наконечники стрел и дротиков найдены в трех исследованных памятниках: одиннадцать – в Таятах III, двенадцать – в Таятах IV и один – в Верхней Мульге I.

Таяты III. Среди материалов поселения особо выделяются наконечник стрелы и крупный обломок наконечника дротика, изготовленные струйчатой ретушью из белого полупрозрачного кварцита. Наконечник стрелы имеет правильную ромбовидную форму с линзовидным сечением (рис. 39: 3). На его ребрах чуть ниже середины их высоты выделена пара противоположных шипов, служивших, видимо, упорами при насаживании изделия на древко. Наконечник дротика имел, очевидно, сходную, но более вытянутую форму с едва выделенным сразу ниже шипов насадом (рис. 39: 2). К ним примыкает обломок жала дротика (?), также выполненного струйчатой ретушью на сколе белого полупрозрачного кварцита (рис. 39: 9). Близких аналогий данным предметам авторам неизвестно. Все три наконечника залегали в верхней части культурного слоя, но отнести их на этом основании к эпохе раннего железа или тем более к средневековью вряд ли возможно.

С этого же памятника происходят два крупных наконечника стрелы, выполненные мелкой отжимной ретушью на тонких пластинчатых сколах с гальки зеленоватого цвета. Они имели треугольную и удлиненно-треугольную форму со слегка выпуклыми длинными сторонами и симметрично вогнутой базой (рис. 39: 11, 12). Вероятно, к этому же типу принадлежал и наконечник из белого сланца, от которого сохранился лишь фрагмент центральной части (рис. 39: 8). Еще три наконечника стрел с этого памятника, выполненные отжимной ретушью на тонких сколах кремнистого и бледно-желтого сланца, были изготовлены довольно небрежно. Один из них округло-ромбовидных очертаний с узкой скругленной базой (рис. 39: 7), два других – листовидные, с широким скругленным основанием (рис. 39: 6, 10). Сходную форму имел и наконечник дротика с местонахождения Верхняя Мульга I (рис. 39: 1), который из-за некоторой грубости обработки воспринимается как незавершенная заготовка.

В нижней части культурного слоя Таят III были встречены один целый и два сломанных наконечника стрел, выполненных мелкой отжимной ретушью из сланца (39: 4-5). Они имеют линзовидное сечение, миндалевидную форму пера и небольшой насад в форме узкого клина со спрямленной базой.

Таяты IV. Наконечникам поселения Таяты IV, который имеет сходную форму, но более массивен и изготовлен из скола с сургучной яшмы (рис. 39: 21). Три других наконечника стрел и одна заготовка (?) с поселения Таяты IV привлекают внимание своими миниатюрными размерами. Они выполнены мелкой отжимной ретушью на тонких галечных сколах. Законченные изделия имеют подтреугольную форму с несколько скругленной базой и линзовидным сечением (рис. 39: 13-15). Типологически сходные, но более крупные по размеру наконечники стрел достаточно широко представлены в коллекциях неолитических и раннебронзовых предметов Восточной Сибири (см., напр.: Горюнова, Хлобыстин, 1992, рис. 37: 2-3). Примечательно, что в материалах сборов на Таятах IV есть каменный наконечник стрелы, тождественный по форме одному из наконечников

Улан-Хады (Окладников, 1975, табл. 137: 2). В Таятах IV найдено также четыре наконечника стрел удлиненной листовидной и удлиненной треугольной формы с линзовидным сечением и слегка скругленной базой (рис. 39: 19-20, 22-23). Они выполнены мелкой отжимной ретушью на пластинчатых сколах с разных пород камня. Данные наконечники аналогичны наконечникам окуневской культуры, к тому же один из них (рис. 39: 22) залегал в эпицентре развала окуневского сосуда, между его наиболее крупными обломками. Еще один наконечник стрелы с Таят IV удлиненно-миндалевидной формы вышлифован из блекло-желтого сланца и лишь слегка подправлен по ребрам ретушью (рис. 39: 18). Найденная здесь же другая каменная стрелка, выполненная довольно грубой ретушью на кремневом отщепе, имела ассиметрично-листовидную форму и напоминала скорее заготовку, чем законченное изделие (рис. 39: 16).

Проколки также встречены на поселениях Таяты III и IV. Две из них (Таяты IV), выполненные мелкой отжимной ретушью из кремнистого сланца (рис. 40: 1-2), по форме и технике изготовления тождественны аналогичным изделиям из материалов глазковского времени Ангары и Байкала (Кушнарёва, Хлобыстин, 1992, рис. 85: 2; Комарова, Шер, 1992, рис. 37: 10; Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 51-52). Проколка с поселения Таяты III изготовлена на тонком пластинчатом отщепе, лишь слегка подправленном приостряющей ретушью (рис. 40: 3). Она сопоставима с аналогичными изделиями из Прибайкалья и Красноярско-Канского региона, датируемыми серовским временем.

К этой же серии изделий относится и найденное на поселении Таяты III острие, изготовленное из половинки продольно расколотой речной гальки уплощенной овальной формы, одна сторона и скошенное клиновидное острие которой обработаны грубыми сколами, подправленными мелкоточечной побивкой (рис. 40: 4).

Тесла. Небольшую серию каменных орудий с исследованных поселений дополняют четыре тесла из случайных находок. Два из них были найдены на Демьяновом ключе (рис. 41: 1). Одно тесло происходит с территории стоянки в устье речки Кордовки. Еще одно каменное тесло, найденное под склоном высокой надпойменной террасы Кизира возле с. Имисс, хранилось в местном школьном музее, но впоследствии было утрачено.

На памятниках в окрестностях Таят, исключая «клад» каменных предметов Каменушки, встречено лишь несколько грубых заготовок тесел (рис. 41: 2). К этому же комплексу вещей, вероятно, относится и небольшой **наконечник мотыги**, найденный на втором горизонте поселения Таяты III. Он изготовлен из уплощенной коричневатой-серой гальки длиной 15,3 см, оббитой грубыми широкими сколами и подработанной точечной побивкой (рис. 41: 3), и по форме напоминает каменный топор.

Песты (рис. 41: 4–6), относящиеся к материалам рассматриваемого исторического периода, встречены лишь на поселениях Таяты III (один) и Таяты IV (два). Как и аналогичные предметы эпохи раннего железа – средневековья, они изготовлены из галек подходящей удлиненной формы, но обработаны гораздо более качественно: мелкой точечной побивкой оформлены не только их ударные плоскости, но и боковые грани.

Рабочие камни составляют отдельную категорию орудий (рис. 41: 7; 42: 1–7). Они были встречены в незначительном количестве на поселениях Таяты III и IV. Для изготовления данных орудий использовались цельные или расколотые повдоль крупные продолговатые или дисковидные речные гальки. В большинстве случаев специально подрабатывался только их рабочий край, иногда охватывающий и ребра камня. В зависимости от функционального назначения орудия он либо обтесывался широкими встречными сколами, либо оформлялся мелкоточечной побивкой. Грубость их обработки и отсутствие выраженных следов сработанности позволяют утверждать, что использование данных орудий в большинстве случаев носило «разовый» характер: они изготавливались по мере появления необходимости в них, после чего часто просто выбрасывались. Типологически рабочие камни разделяются на отбойники, колотушки, примитивные рубила и орудия неясного назначения.

В целом каменная индустрия на поселениях ККР немногочисленна и невыразительна.

Самой яркой ее особенностью на Казыре является господство галечной техники обработки камня. Микронуклеусы, призматические микропластинки, ножевые пластины, скребки и чешуйки на поселениях крайне редки, зато довольно много галек со сколами и чопперовидных рабочих камней. Последнее обстоятельство связано, в первую очередь, с отсутствием качественного сырья. Основная масса орудий изготовлена из зеленых и серых алевролитовых галек и из сургучно-коричневой яшмы. Сходная картина наблюдается в некоторых ранних поселениях Саянского каньона Енисея (Астахов, Семенов, 1980, с. 33–35), в то время как на правом берегу Енисея и в сопредельной Тодже господствует микроролитическая техника.

Изделия из бронзы

Бронзовые изделия эпохи палеометалла в материалах ККР представлены лишь Мульгинским «кладом». Поскольку входящие в его состав предметы: кельт, наконечник дротика и лезвие составного ножа сейминско-турбинского типа – уникальны для Хакасско-Минусинского региона, их следует описать детально.

Кельт (рис. 43: 3) безушковый, трапецевидных очертаний, в профиль напоминающий массивный клин. Его фаска отделена от боковых граней четко выраженными ребрами жесткости, а лезвие заметно шире втулки. Сечение орудия в средней части шестигранное, в верхней – овальное. Кельт декорирован пояском «лесенкой» со свисающими от него на обе фаски тремя косо заштрихо-

ванными треугольниками, которые на одной из сторон дополнены вертикальным фестом из пяти с половиной косо заштрихованных ромбов. Боковые грани украшены короткой рельефной «лесенкой». По типологии Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых этот кельт относится к сейминско-ростовкинскому ряду К-18 (Черных, Кузьминых, 1989, с. 46). Подобные орудия встречаются на всем пространстве Западной Сибири от Енисея (с. Бейское) до Иртыша, литейная форма для изготовления такого топора найдена на поселении Усть-Собакино под Красноярском (Там же, рис. 11, 14). От всех прочих кельт из Верхней Мульги отличается лишь наличием рельефной «лесенки» на боковых гранях и несколько удлиненными пропорциями. Его общая длина 181 мм при ширине лезвия 67 мм и внутреннем размере втулки 40,5×29 мм. Толщина его стенки по устью втулки 3 мм, вес орудия 452 г.

Наконечник дротика (рис. 43: 2) цельнолитой, с вильчатым стержнем и широким пламевидным пером, наиболее широкая часть которого приходится на расстояние $\frac{1}{4}$ от нижнего конца втулки. Последняя декорирована пояском из трех параллельных валиков. На втулке имеется отверстие неправильной округлой формы для крепления к древку. Ребра пера местами сильно выщерблены. Этот наконечник по своим морфологическим признакам относится к разряду КД-22 сейминско-турбинских бронз (Черных, Кузьминых, 1989, с. 71). От всех сходных с ним наконечник дротика из Мульги отличается лишь своими малыми размерами. Его общая длина 149 мм при ширине пера 39 мм и внутреннем диаметре втулки 19 мм. Толщина стенки по устью втулки 2 мм, вес орудия 69,5 г.

Нож (рис. 43: 1) представляет собой клиновидную в сечении бронзовую пластину удлиненной трапецевидной формы. Его обухок прямой, черешок не выдверженный, основание пятки прямое и слегка зауженное. Лезвие оформлено ковкой, при его максимальной ширине 17 мм и толщине обуха 3,5 мм. Вес орудия 25 г. Аналогий среди сейминско-турбинских бронз данный клинок себе не находит.

На Среднем Енисее известно несколько случайных находок бронзовых изделий сейминско-турбинского типа, но мульгинский «клад» – первый для этого региона комплекс из нескольких предметов. Согласно гипотезе Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, данный «клад» правомерно считать инвентарем разрушенного погребения. Этому не противоречат ни малая глубина залегания артефактов, ни отсутствие при них костных человеческих останков (Черных, Кузьминых, 1989, с. 24).

По Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, изделия из мульгинского «клада» датируются XVIII–XVII вв. до н. э., по Е. Е. Кузьминой – XVI–XV вв. до н. э., что в обоих случаях хронологически совпадает со временем существования на Среднем Енисее окуневской археологической культуры в ее позднем – черновском – варианте. Новейшие результаты датирования памятников сейминско-турбинского типа в Зауралье и Среднем Поволжье по ^{14}C определяют период их существования 2140–1940 гг. до н. э. (Епимахов и др., 2005, с. 100) или 3545–3395 BP (Соловьев, 2005, с. 111). Аналогичные, сделанные немецкими специалистами даты окуневской культуры – 2300–1910 гг. до н. э. или 3782–3488 BP (Görsdorf et al., 1998) – в своих нижних границах, соответствующих черновскому этапу, совпадают с указанным временем существования сейминско-турбинской металлургии на более западных территориях.

Население ККР эпохи неолита и бронзы

Анализ ранних керамических комплексов памятников Таяты III, Таяты IV и Верхняя Мульга I позволяет сделать ряд предварительных заключений.

С конца эпохи неолита в ККР сосуществовали три различные по своему происхождению керамические традиции. Первая из них, представленная посудой, обнаруживающей убедительное сходство с керамикой верхнеенисейского неолита и «окуневских» слоев поселения Тоора-Даш, генетически связана с северными подтаежными районами Тувы. Вторая, маркированная фрагментами сосудов со «штриховой» поверхностью, имеет восточносибирские (очевидно, Байкальско-Ангарские) истоки. Третья же выделяется лишь условно, поскольку в культурном отношении является неоднородной. Ее образует совокупность остатков глиняной посуды, создатели которой в разное (поздненеолитическое, окуневское) время проникли в низовья Казыра из степей сопредельной Минусинской котловины.

В отличие от керамики, каменный инвентарь поселений ККР невыразителен и едва ли может быть надежно атрибутирован. Лишь немногочисленные разновременные наконечники стрел и дротиков, а также проколки, встреченные на исследованных памятниках, демонстрируют разные традиции каменной индустрии, связанные своим происхождением с регионом Среднего Енисея и Восточной Сибири.

Подтайга ККР представляла собой контактную зону, племена которой имели тесные культурные и хозяйственные связи как с родственным лесным населением Среднего Енисея, так и с жителями сопредельной лесостепи.

Наличие в ККР керамических материалов тоора-дашенского (верхнеенисейского неолитического и «окуневского») облика представляется вполне естественным. Родственные населявшим Саянский каньон Енисея древние племена вполне могли или спорадически проникать на близлежащие территории Восточного Саяна, или проживать здесь постоянно.

Обращает на себя внимание присутствие на поселениях ККР тонкостенной керамики со штриховой поверхностью тулова. Техника обработки сосудов рубчатymi и «вафельными» колотушками появилась в Восточной Сибири в конце III тыс. до н. э. и просуществовала до конца скифского времени (Ивашина, 1979, с. 46; Коваленко, Мандрыка, 1991, с. 87–88; Мандрыка, 1992, с. 161–162; он же, 1995, с. 154–155; он же, 2003а, с. 91; он же, 2008, с. 141–145; Мандрыка, Коваленко, 1996, с. 125–128, рис. 1–3; Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000, с. 55–56; Новых, 2004, с. 136). Для культур ХКМ и таежных районов Западного Саяна эта техника не была характерна. Единичные сосуды со штриховой поверхностью появляются здесь только в памятниках каменнолоожского этапа, т. е. намного позже, чем в ККР. Таким образом становится очевидным, что традиция изготовления данной посуды была принесена на Казыр группами мигрантов, пришедшими сюда с территории Байкало-Ангарского региона, видимо, в эпоху финального неолита – ранней бронзы.

Орнаментированная подтреугольными и прямыми оттисками короткого гребенчатого штампа гладкостенная керамика, как уже было отмечено выше, проявляет выразительное сходство с архаичной посудой разных территорий Южной Сибири. Обломки сосудов с подобной орнаментацией единично встречены и в предгорьях Западного Саяна (устье Кантегира, Кибик – материалы не опубликованы, хранятся в МКМ).

Керамика окуневской культуры на поселениях Таяты III, Таяты IV по своему происхождению не связана с материалами ККР предшествующих эпох. Она, по-видимому, появилась в результате миграции в подтаежную зону отдельных групп окуневского населения из лесостепей Минусинской котловины. Некоторое

сходство ее с посудой с печатно-гребенчатой и накольчато-штампованной орнаментацией может быть объяснено культурными контактами, неизбежно возникшими между пришлыми «окуневцами» и коренными жителями саянской тайги. К этому же времени относится и мульгинский «клад» – единственный комплекс бронзовых вещей сейминско-турбинского типа на юге Красноярского края.

Фрагменты сосудов андроновидного типа с поселения Таяты IV указывают на культурные контакты между саянской тайгой и приенисейской степью в эпоху развитой бронзы. Изготовленные по местным традициям и из местного сырья, эти горшки внешне подражают посуде скотоводческих племен, проживавших в значительном удалении от берегов Казыра.

Период финальной бронзы в материалах ККР почти не представлен. Единственный сосуд этого времени, найденный на поселении Таяты IV, при всем своем своеобразии, демонстрирует некоторое отдаленное сходство с горшками каменнолоожского типа и с позднебронзовой керамикой Байкало-Ангарского региона. В нем уже заметны и те черты, что станут доминирующими в посуде эпохи раннего средневековья ККР.

Малое количество материала (в первую очередь – керамического) и отсутствие каких-либо выразительных хозяйственных объектов (жилищ, кострищ и т. зонных?) поселений и стоябищ, служивших территорией спорадического проживания различных по своему количественному составу и этнической принадлежности групп таежного и лесостепного населения.

В эпоху неолита – ранней бронзы хозяйство населения подтайги основывалось на охоте, рыболовстве и собирательстве. При этом на поселениях с рыболовством, не обнаружено. В природных условиях ККР для занятия рыболовством были особенно благоприятны многочисленные озера, и в настоящее время ключе (ключ впадал в озеро, которое впоследствии обмелело и превратилось в болото); здесь были найдены два каменных тесла, возможно, применявшиеся при изготовлении лодок-долбленок.

Навыки производящего хозяйства (скотоводства и земледелия) были, вероятно, принесены в подтайгу носителями окуневской керамической традиции. На нижнем горизонте поселения Таяты III было найдено несколько удлиненных, грубо обработанных галечных орудий, которые, вероятно, могли служить наконечниками мотыг.

Материалы скифского времени

Скифская эпоха в ККР представлена хоть и количественно незначительным, но достаточно выразительным материалом. Он встречен на поселениях Таяты III, Таяты IV и в Жаровской скальной стоянке. К этому же времени относятся три больших земляных кургана и несколько малых с едва заметными запаханнами насыпями в долине ручья Шабалык (окрестности с. Имисс). Помимо этого известно несколько случайно найденных бронзовых предметов.

Таяты III. К скифскому времени на этом поселении относятся фрагменты нескольких керамических сосудов, пять погребений и отдельно найденное бронзовое шило. Вскрытые погребения детей и подростков описаны выше. Они совершены по обряду трупосожжения на стороне, в неглубоких грунтовых ямках, и не имели ни каменных, ни деревянных надмогильных сооружений. После

совершения захоронений ямки были засыпаны той же гумусированной супесью, в которой были выкопаны и потому прослеживались только с уровня залегания кремнированных обломков костей. Почти все предметы, находившиеся в захоронениях, типичны для погребений сарагашенского этапа (V–IV вв. до н. э.) тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины.

Ножи в составе инвентаря погребений уменьшенных размеров со змейчатой формой обушка и плоской трапециевидно расширенной рукоятью (рис. 44: 4, 5; 45: 6; 46: 2, 3). Такие ножи типичны для погребений сарагашенского этапа (Членова, 1967, с. 183, табл. 39: 15а, 17, 19). Фрагмент ножа из погребения 2 имел сердцевидное навершие (рис. 45: 4). У ножей из степных погребений такие навершия бывают редко (Боковенко, Седых, Красниенко, 1983, рис. 2: 4), но они встречаются у ножей из случайных находок.

Топор-кельт из таятского погребения 1 клиновидный с парой дугообразных ушек на боках и расширенным дугообразным лезвием, сбитым на сторону (рис. 44: б). В составе инвентаря тагарских погребений степей Хакасско-Минусинской котловины кельты встречаются крайне редко, но один из них, найденный в раннесарагашенском погребении могильника Барсучиха VI, почти тождественен по форме таятскому (Завитухина, 2000, с. 22–23, рис. 3: 5). Похожий кельт, но более удлиненных пропорций, был случайно найден в 2001 г. в районе Гуляевского порога Казыра (рис. 46: б). Аналогичный кельт происходит из погребения стоянки-могильника Усть-Шилка-2, находящегося в районе Казачинского порога Енисея, в 237 км ниже Красноярска (Мандрыка, 1995, с. 154–155).

Тесло из погребения 2 клиновидное с двумя парами отверстий на «щеках» (рис. 45: 5). Аналогичные тесла хорошо известны по случайным находкам в степях Минусинской котловины. Подобное же тесло было найдено в начале 1990-х гг. в районе Первого порога р. Кизир. С. В. Киселев, обратив внимание на то, что орудия этого типа слишком хрупки и легки для рубки дерева, высказал предположение, что они могли использоваться для разрыхления почвы (Киселев, 1951, с. 255).

Шило из погребения 1 четырехгранное с круглой в сечении шейкой и маленькой фигурной головкой (рис. 44: 3). Шилья такого типа тоже характерны для инвентаря степных погребений V–IV вв. до н. э. Еще одно шило найдено в слое поселения Таяты III. Оно более крупное, длиной 13,2 см, с уплощенно-грибовидной шляпкой (рис. 46: 5).

Наконечник стрелы из погребения 1 трехлопастной с удлиненно-клиновидным насадом (рис. 44: 2). Аналогий ему в погребальных инвентарях сарагашенского времени из Хакасско-Минусинской котловины как будто нет. Похожие наконечники, но чаще всего с шипастыми перьями, распространены в погребениях позднеукокского времени Тувы (Кызласов Л. Р., 1979, с. 63; рис. 50, 55, 56: 4–9; Виноградов, 1980, с. 62, рис. 1: 4). Аналогичный наконечник был также встречен в погребении могильника Отика на северной Ангаре (Привалихин, 1989б, с. 193, табл. 2: 6).

Небольшую серию бронзовых предметов тагарских форм из ККР дополняет кинжал, случайно найденный в 1951 г. на территории г. Артемовска. Он имеет бабочковидное перекрестие, навершие рукояти в виде плоского поперечного валика и ромбовидный в сечении клинок. Кинжалы этого типа датированы Н. Л. Членовой V–IV вв. до н. э. (Членова, 1967, с. 1617).

Керамика тагарского типа

Таяты III. Керамика «степного» тагарского облика на этом поселении не было встречено ни в погребениях, ни в культурном слое. Господствовала близ-

кая тагарской посуда более позднего тесинско-раннеташтыкского времени, которая будет рассмотрена ниже.

Таяты IV. На поселении найдены фрагменты не менее двух сосудов, сопоставимых с «классическими» тагарскими (рис. 47: 1, 2). Они имели профилированную баночную форму с несколько раздутым корпусом, слегка уплощенным та средней жирности с примесью мелкозернистой дресвы дробленого аллювия, но заглажена и покрыта слабым тусклым лощением, их поверхность тщательный, цвет красновато-коричневый с темными пятнами. Обжиг сосудов окислительный, в подвенечной зоне одним рядом крупных «жемчужин» с незамазанными глухими отверстиями на внутренней стороне.

Жаровск. В этой скальной стоянке тоже было встречено несколько фрагментов сосудов, сопоставимых со степными тагарскими. Два из них декорированы рядом «жемчужин» с незамазанными отверстиями. На третьем фрагменте мелкие «жемчужины» сочетаются с пятью горизонтальными линиями гребенчатого штампа и косыми насечками по внешнему бортику венчика (рис. 63: 1). Не исключена вероятность более ранней даты этого фрагмента, т. к. керамика с аналогичным декором, встречается в памятниках эпохи бронзы Красноярско-Канского региона (Генералов, Дзюбас, 1991, рис. 44; Мандрыка, 1998, с. 64, рис. 2: 11).

При всем сходстве керамики тагарского типа ККР с синхронной посудой из ХМК, едва ли можно считать ее собственно тагарской. На это прямо указывают особенности ее технических характеристик и внешнего облика. Также привлекает внимание и некоторое сходство рассмотренных выше сосудов с керамикой андроновидного типа поселения Таяты IV. Представляется, что появление описанной посуды на Восточном Саяне вовсе не является результатом прямого импорта, а лишь маркирует культурные взаимодействия таежных и лесостепных племен скифского времени.

Валиковая керамика «лесной» традиции

Помимо единичных фрагментов посуды «степного» тагарского облика, на поселениях Таяты III и Таяты IV встречены относительно немногочисленные фрагменты сосудов «лесной» керамической традиции с валиковым декором, тоже датируемых скифским временем.

Таяты III. На этом поселении встречены обломки как минимум двух близких по характеристикам сосудов, которые резко отличаются от «степных» тагарских (рис. 48: 2–5, 7–8). Первому из них принадлежит не менее 50 мелких фрагментов (не считая «горошин»), второму – около 30. Форма этих сосудов неясна, но по косвенным признакам она тяготеет к параболической. Сосуды имели относительно высокую слегка вогнутую шейку и прямой скругленный венчик. Форма днища не диагностируется. Сосуды изготовлены из плохо промешанного среднепластичного или почти тощего теста с примесью дресвы аллювия. Размер фракций отощителя колеблется от 0,3–0,5 мм («пыль») до крупных слабо окатанных зерен 5 мм в поперечине. Излом черепков варьируется от зернисто-ровного до комковато-обломочного. Способ формовки сосудов неясен (нет ни одного фрагмента корпуса со структурным изломом), но четко устанавливается, что шейка и венечная часть моделировались одной широкой лентой.

Корпус подвергался выколачиванию, что фиксируется по перепадам в толщине стенок от 4 до 7 мм. Шейка же и венечная часть, напротив, утолщались

рядами косых насечек (рис. 73: 5-6), два фрагмента – сгруппированными по три вертикальными прочерченными линиями (рис. 73: 8-9). Один крупный горшок декорирован под венчиком горизонтальным рядом слабых одинарных оттисков подушечки пальца, сгруппированных в подобие «волны» (рис. 73: 13). Среди относительно большого количества фрагментов тулова тонкостенных сосудов орнаментированных очень мало. Девять обломков декорировано рядами косо поставленных оттисков трехзубого пильчатого штампа (рис. 73: 1). Один фрагмент плечика украшен горизонтальными рядами оттисков этого же штампа, дополненных зерновидными вдавлениями (рис. 73: 11). Еще два сосуда были украшены по шейке линиями, выполненными протягиванием зубчатого штампа или щепы, а по плечикам – пояском из одного ряда наклонных зерновидных вдавлений и ряда оттисков трехзубого штампа (рис. 73: 10). Мелкие фрагменты сосудов с оттисками такого же штампа присутствовали на поселении Таяты IV.

Керамика с оттисками трех-четырёхзубого пильчатого штампа характерна для кыргызско-тюркской керамической традиции. Она встречается на разрушенных поселениях правобережья Енисея. Сосуды с аналогичным декором известны на памятниках X–XIII вв. Среднего Причулымья (Беликова, 1996, рис. 23: 1; 103: 4, 6), Томского Приобья (Плетнева, 1997, рис. 145: 5; 187: 1), Кузнецкой котловины (Елькин, 1974, с. 119–120, рис. 3: 1; 5: 5; Ширин, 2000, рис. 2: 1, 2, 5; он же, 2002, с. 101, рис. 2: 3) и Алтая (Киришин, Казаков, 1997, с. 298, рис. 2–3).

Один таятский сосуд был украшен по плечу горизонтальным рассеченным валиком и под ним линиями, выполненными протасненным зубчатым штампом (рис. 73: 12). На других миниатюрных фрагментах имеются оттиски трубчатой косточки, точечные наколы, желобчатые каннелюры, «рассеченные» косыми насечками. Необычен фрагмент сосуда с выпуклым туловом, скошенным венчиком и покрытой черным ангобом лощеной поверхностью. Под его венчиком едва заметный пояс из линий, прочерченных щепой или лопаткой с мелкодискретным рабочим краем (рис. 73: 14).

Из вещей на поселении был найден лишь небольшой железный нож с прямым обушком и остроконечным черешком, отделенным от лезвия уступом (рис. 80: 9).

Таяты III. В составе относительно немногочисленной фрагментированной посуды «степной» традиции, найденной на поселении, насчитывается 37 обломков верхних частей сосудов, в основном мелких и толстых, но заметно утоншающихся по направлению к экватору. Более половины из них орнаментировано (рис. 74: 1, 9, 17). Один относительно крупный фрагмент декорирован по обрезу венчика вдавлениями, а по шейке – группами вертикальных рядов наколов прямоугольной формы (рис. 74: 11). Развернутая наружу шейка другого сосуда украшена едва заметными вертикальными рядами ногтевидных насечек (рис. 74: 18). Шесть мелких фрагментов сосудов сохранили орнамент из вертикальных, наклонных и арочных прочерченных линий (рис. 74: 3, 8, 12, 16).

Четыре фрагмента одного или двух сосудов декорированы под венчиком широким налепным валиком, рассеченным горизонтальной «елочкой», выполненной оттисками лопаточки поверх налепного валика (рис. 74: 20). Фрагмент венечной части сосуда с аналогичной «елочкой», но нанесенной штампом, был найден на Кордовской стоянке. Посуда с таким же декором встречается на разрушенных поселениях правобережья Енисея.

Один таятский сосуд украшен по обрезу венчика оттисками двузубчатого штампа (рис. 74: 5). Фрагменты шеек шести других сосудов декорированы наклонными линиями зубчатого штампа (рис. 74: 2, 4, 10, 14, 15, 19). В большин-

стве случаев оттиски орнамента сгруппированы по три в разреженные вертикальные ряды. У одного сосуда этот же декор выполнен вдавлениями тонкой трубчатой косточкой (рис. 74: 13). Венчик одного неорнаментированного фрагмента имеет характерный для части степной средневековой посуды фигурный выступ (рис. 74: 1).

Из вещей к эпохе средневековья можно отнести лишь один железный нож (рис. 80: 10), фрагмент остроги (рис. 80: 1), обломок лепного керамического пряслица (рис. 81: 2), два мелких фрагмента наконечника сопла (рис. 81: 1), два каменных молота (рис. 82: 6) и несколько каменных пестов (рис. 82: 1–5). Нож – небольшой, прямолезвийный, сильно деформированный коррозией – залегал на первом горизонте слоя. Впрочем, не исключается его более ранняя таштыкская датировка. На этом же горизонте находился фрагмент железной остроги – трехугольная боевая головка с двумя остроконечными шипами.

Исследованные в 2006 г. остатки двух металлургических горнов одноразового использования представляют собой их подземные части с котлованами-лаксоборниками, над которыми возводилась небольшая надземная шахта. К эпохе средневековья относится также по крайней мере один каменный молот, найденный в раскопе 2007 г. сразу под дерном. Заготовкой для него послужил удлиненный валун весом 3,8 кг, на двух противоположных ребрах которого сделаны выемки для крепления ремня. Следов использования его в работе нет. Здесь же, недалеко от горна 1, было найдено семь каменных пестов. Они представляют собой необработанные гальки длиной от 10 до 17 см, со слегка подработанной уплощенной рабочей площадкой. Песты использовались для дробления руды, единичные куски которой вместе с фрагментами металлургических шлаков и глиняной обмазки плавильных горнов встречались в слое поселения.

Жертвенное место Каменушка. На уплощенной вершине скального останца («быка») Каменушки на границе первого и второго почвенного слоев были выявлены следы двух сожжений останков животных, совершенных здесь в древности. Небольшие их размеры указывают на то, что животные кремировались не целиком: сжигался, вероятно, лишь их расчлененный остов. Найденные в комплексе с зольным пятном и пережженными костями фрагменты двух красноглиняных толстостенных сосудов без орнамента, обломок лезвия железного ножа и, в первую очередь, два железных наконечника стрел – один с трехлопастным пятигранным «шипастым» пером и насадом в виде круглого в сечении длинного стержня (рис. 80: 7), другой удлиненный, с тремя узкими шипастыми лопастями (рис. 80: 6) – позволяют датировать эти кострища эпохой раннего – развитого средневековья. Примечательно, что в богатом собрании железных наконечников стрел МКМ нет ни одной полной аналогии находкам с Каменушки.

Ритуальный характер выявленных объектов не вызывает сомнений. Они напоминают об обрядах хакасских горных жертвоприношений, во время которых голова, ноги и брюшина расчлененной туши жертвенного животного заворачивались в шкуру и бросались в реку, а кости и оставшееся несъеденным после ритуальной трапезы мясо сжигались в костре (Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 84–85).

Таяты IV. Средневековую керамику «степной» традиции этого поселения также отличает тощее зернистое тесто и шероховатая на ощупь («наждачная») поверхность. Не менее чем у семи сосудов профиль венчика, как и у таштыкских, утолщенный, скошенный (рис. 75: 1, 15, 16, 19). Четыре других небольших сосуда имели характерную для средневековой посуды горшковидную форму (рис. 75: 17–18). Один из них декорирован по обрезу венчика оттисками отсту-

пающей лопаточки. Два других более крупные, с диаметром венчика более 30 см. Один из них был украшен по шейке строеными вертикальными рядами косых насечек (рис. 75: 18). Не менее четырех сосудов было орнаментировано по верхней части тулова рядами наклонных оттисков трехзубого пильчатого штампа (рис. 75: 5, 9, 12, 20). Один маленький фрагмент плечика тонкостенного сосуда орнаментирован пояском из ряда наклонных зерновидных вдавлений и ряда оттисков косо поставленного трехзубого штампа (рис. 75: 12-13), второй – вертикальным рядом оттисков двухзубчатого штампа в сочетании с трехзубым (рис. 75: 14). Один сосуд был украшен групповыми оттисками подушечки пальца (рис. 75: 11).

Эту посуду, подобно средневековой керамике из Таят III, отличает от посуды средневековых памятников Хакаско-Минусинской котловины лишь лучшее качество формовки, хороший обжиг и относительная тонкостенность.

Вещи эпохи средневековья на поселении Таяты IV единичны. Наиболее интересна железная острога длиной 13,2 см, найденная в 2005 г. (рис. 80: 5). Она имеет вытянутую конусовидную втулку, длинную прямоугольную в сечении шейку и острие с двумя плоскими длинными и расходящимися в стороны шипами. Аналогичная острога была найдена на Томи в составе клада, именуемого «Скифской коллекцией» (Чиндина, 1991, с. 36, рис. 12: 2).

К эпохе средневековья относится также найденная на поселении железная пластинчатая бляшка крестовидной формы (рис. 80: 4). В центре ее имеется круглое отверстие, сквозь которое продет штифт, расклепанный с обратной стороны. На территории этого поселения были также найдены обломок маленького лепного пряслица (рис. 81: 3) и каменный прямоугольный оселок для правки железных лезвий (рис. 81: 4).

Демьянов ключ. На местонахождении Демьянов ключ были встречены фрагменты венечных частей трех почти тождественных друг другу сосудов. Все они, по-видимому, имели сферическую форму и невысокую шейку, украшенную по основанию рядом круглых вдавлений либо точечных наколов (рис. 76: 1-4). У одного из сосудов обрыв венчика прямой, у другого – скругленный, с оттисками лопаточки по торцу. Посуда с этим характерным для кыргызско-тюркской керамической традиции декором позволяет датировать стоянку второй половиной I тыс. н. э.

Тюхтят. Среди немногочисленных фрагментов керамики со стоянки на р. Тюхтят преобладают неорнаментированные фрагменты тулова неясной культурной принадлежности. Единственный фрагмент венечной части сосуда протурной принадлежности. Единственный фрагмент венечной части сосуда исходит из верхнего слабо гумусированного слоя мощностью от 10 до 20 см, залегающего непосредственно под дерном. Этот обломок имеет характерную для эпохи средневековья грубоватую выделку. По внешнему бортику венчика и шейке он орнаментирован пояском из оттисков двузубчатого штампа в «елочку» (рис. 76: 6). Шейка сосуда утолщена за счет подлепа с внешней стороны широкой ленты. На склоне террасы были подобраны два фрагмента тулова сосуда, украшенного округлыми тычками (рис. 76: 5) и маленький обломок профилированной шейки сосуда с глубоким круглым вдавлением.

Найденная керамика позволяет датировать стоянку концом I – началом II тыс. Близкий тюхтятскому фрагмент венчика сосуда с «елочным» декором и с утолщенной подлепом широкой ленты шейкой был найден в слое конца I тыс. н. э. поселения Бобровка (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 115, 161-162, рис. 37). Декор в виде тычков на тулове другого сосуда появляется на сосудах тюркской керамической традиции с конца I тыс. (Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000,

с. 67-68, рис. 74: 38, 39; 75: 6) и бытует до конца первой половины II тыс. (Соболев, 1978, с. 182, рис. 2; Молодин, Полосьмак, 1980, рис. 16-18). Жаровск. В I-IV горизонтах верхнего слоя Жаровской стоянки преобладали

обломки относительно тонкостенных сосудов с характерной для средневековой посуды шероховатой поверхностью. Венечные части у некоторых из них были утолщены за счет подлепа ленты. Фрагменты двух сосудов из горизонтов 1 и 2 декорированы по торцу развернутых наружу венчиков вдавлениями, а по основанию шейки – рядом ямочных наколов (рис. 77: 6, 7). Один горшковидный сосуд был украшен по венчику оттисками двузубчатого штампа, по шейке – круглыми наколами, а по плечикам – оттисками двузубчатого штампа (рис. 77: 8). Здесь же находились многочисленные обломки не менее чем пяти неорнаментированных сосудов с аналогичными развернутыми наружу венчиками (рис. 77: 1-4).

Среди средневековой керамики Жаровской стоянки выделяется относительно полно сохранившийся сосуд с раздутым тонкостенным туловом и высокой, слабо профилированной шейкой, декорированной пятью желобчатыми каннелюрами, «рассеченными» косо поставленными оттисками четырехзубчатого штампа (рис. 78). Подавляющее большинство его обломков залежало в третьем (8 фрагментов) и четвертом (22 фрагмента) горизонтах, что позволяет датировать его VI-VII вв. Дату подтверждает железный ярусный наконечник стрелы VII в., находившийся в III горизонте стоянки.

Указанный сосуд изготовлен из хорошо промешанного тощего теста с примесью мелкой просеянной слабо окатанной дресвы аллювия. Излом черепков плотный, зернисто-комковатый. Способ его формовки неясен, стенки емкостной части подвергались уплотняющей выбивке, фиксируемой по перепадам в толщине стенок от 4 до 8 мм. Поверхность тщательно заглажена и замята. В результате последней операции стенки сосуда приобрели выраженную шероховатую («наждачную») фактуру. Это сближает его с образцами керамики кыргызской традиции. Венчик и шейка проработаны твердым гладким шпателем с шириной рабочего края примерно в палец. Им же, вероятно, сделаны и каннелюры со слабо округлым ложем и сильно покатыми стенками. Печатный орнамент, вероятно, выполнен лопаточкой с четырьмя зубцами, при этом печать местами сбивалась с прямого штампования на наклонное. Обжиг качественный, равномерно-окислительный, с длительной экспозицией. Цвет поверхности и излома коричневый, разных оттенков. У большинства фрагментов цвет в процессе археологизации изменился до черного.

В поселениях таятской группы аналогом рассматриваемому сосуду может служить лишь маленький фрагмент шейки сосуда из Таят II, которая тоже была декорирована желобчатыми каннелюрами, но рассеченными косыми насечками. Многочисленные аналоги жаровскому сосуду обнаруживаются в средневековых памятниках лесной и лесостепной зон Западной Сибири, от Средней Оби до Южного Зауралья. В устье р. Томи, в курганном могильнике Чердашный Лог 3, датированном VI-VII вв., подобная посуда выступает в сочетании с «лесной» валиковой (Березовская, 1997, с. 272, 276, рис. 1: 3, 5). В памятниках потчевашской культуры Прииртышья и Пришимья, датированных VI-VIII вв., аналогичные по форме сосуды имеют декор в виде горизонтальных рядов наклонных оттисков зубчатого штампа, разделенных рядами каннелюр, образованных оттисками проташенной гребенки (Могильников, Конилов, 1983, с. 180, рис. 3; Могильников, 1987, с. 190-191, табл. LXXIX: 3, 12, 14). Композиционная схема декора сопоставима со схемой декора жаровского сосуда. Еще один близкий по форме и по схеме

декора сосуд найден в могильнике VIII–IX вв. Преображенка-3 в Центральной Барабе (Молодин, Савинов, Елагин, 1981, с. 133, рис. 3: 7).

С этой керамической традицией связывается посуда памятников кушнаренковской группы караякуповской культуры Южного Урала. Ее характеризует тонкостенность, высокое прямое горло, округлое тулово с плоским или округлым дном, орнамент из врезных горизонтальных поясков, чередующихся с отпечатками коротких насечек или зубчатого штампа (Мажитов, 1981, с. 27–28, рис. 14). Местных истоков эта керамика не имеет. Высказано предположение, что носители кушнаревской керамики пришли на Урал из Южной Сибири на рубеже VI–VII вв.

В территориально более близких казырским памятниках лачиновской культуры Томи распространены сосуды митровидных и сферических форм с высокими шейками, но декор у них иной (Окунева, 1997; Ширин, 1997а; он же, 1999).

Жаровский сосуд проявляет также некоторое сходство с керамикой средневековых памятников лесостепи и тайги Среднего Енисея (Мандрыка, Зырянов, 1992, с. 132, рис. 2; Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 145–146, 161–162, рис. 50; Фокин, 2003, с. 313–315, рис. 1), Канской котловины и Нижнего Приангарья (Мандрыка, Фокин, 2003, с. 2, рис. 2: 1). У этих сосудов такие же, как у жаровского, высокие прямые шейки, но декорированы они несколько иначе. Красноярские исследователи датируют эту керамику концом I – началом II тыс. н. э.

В Жаровской стоянке найдено лишь три предмета, которые можно отнести к эпохе средневековья: железный наконечник стрелы, гвоздь и костяная свистунка.

Наконечник стрелы трехлопастной, двухрусный, с прорезями в лопастях нижнего яруса (рис. 80: 8). Он встречен в третьем условном горизонте, непосредственно у скальной стенки, где культурные отложения были менее всего потревожены норными животными. Такой же наконечник найден в Каратавской пещере вместе с тремя другими наконечниками стрел без прорезей в лопастях и четырьмя бронзовыми бляшками поясной гарнитуры геральдического стиля. И. Л. Кызласов датировал каратавский комплекс второй половиной VII в. (Кызласов И. Л., 1999а, с. 185–188, рис. 12: 5–8). Ярусные наконечники стрел появляются в Южной Сибири в III–IV вв. и бытуют до VII–VIII вв. (Худяков, 1984, с. 90; он же, 1986, с. 92, рис. 36: 10–21; Неверов, Мамадонов, 1991, с. 132; Березовская, 1997, с. 282, рис. 4: 1). В ХМК, в основном на ее на таежной периферии, они встречаются на разрушенных поселениях совместно с керамикой и другим позднеташтыкским инвентарем (Худяков, 1978, с. 167; он же, 1980, с. 99).

Массивный «гвоздь» длиной 51 мм залегал в четвертом горизонте стоянки и, следовательно (если не перемещен), может быть датирован V–VI вв. Он прямоугольный в сечении, с обломанным рабочим концом и расплющенной от ударов шляпкой. Скорее всего он служил пробойником. Близких по времени аналогов ему мы не знаем. В Кузнецкой котловине похожий «гвоздь» был найден в кургане XI–XII вв. (Илюшин, 1998, рис. 5: 4).

Костяная свистунка залегала в третьем горизонте стоянки. Она изготовлена из птичьей (?) трубчатой косточки и имеет диаметр 5–6 мм при длине 50 мм. В средней части трубочки вырезано небольшое овальное отверстие, на конце же сделано два небольших запила для зажимания трубочки зубами. Свистунка служила манком при охоте на рябчиков.

Скальная ниша в верховьях Казыра. Керамический сосуд, найденный в скальной нише на водоразделе рек Прорвы и Верхнего Китата, был, очевидно, оставлен группой проходивших через перевал оленеводов как пожертвование

духу-хозяину места. Сосуд тонкостенный, яйцевидной формы, с высокой профилированной шейкой (рис. 79). Внешний бортик его угловатого венчика орнаментов украшают основание шейки сосуда. Два ряда аналогичных оттисков парные линии мелкозубчатого штампа. От нижнего ряда исходят вертикальные двух пар просверленных отверстий.

Определение культурной принадлежности сосуда вызывает некоторое затруднение. Близких аналогов ему ни в ККР, ни в степях Хакаско-Минусинской котловины нет. По форме тулова и композиционной схеме декора он может быть сопоставлен с отдельными сосудами каменнолоожского этала Хакаско-Минусинские шейки с угловато приостренным венчиком для них не характерны. По этим признакам и форме тулова верхнеказырский сосуд сближается с некоторыми сосудами средневековой релкинской культуры Томского Приобья. Композиционная схема декора сосуда находит аналогии среди орнаментов сосудов третьего типа, выделенного Л. А. Чиндиной (Чиндина, 1991, с. 48–49, рис. 18: 6, 8, 15).

Хозяйство населения ККР

В поселениях ККР крайне мало материалов, которые могли бы позволить дать характеристику хозяйства подтаежного населения ККР в эпоху раннего средневековья. Нет сомнения, что в это время продолжало существовать хозяйство комплексного типа, в котором рыболовство и охота сочетались со скотоводством и земледелием. В китайских хрониках есть сведения о лесных племенах бома, расселившихся близко от Северного моря (Байкала), к северу от земель кыргызов и туцзюэ (тюрков). Исследователи локализуют бома от Прибайкалья до Оби (Радлов, 1989, с. 439–440; Потапов, 1969, с. 178; Кондратенко, 1991, с. 11; Худяков, 1993, с. 78–80; Илюшин, 2001, с. 154). Исконной территорией обитания бома, очевидно, являлась Красноярско-Канская лесостепь и районы к северу от нее вплоть до Нижней Ангары (Киселев, 1951, с. 559–560; Гумилев, 1960, с. 40–41, 249; он же, 1993, с. 263; Илюшенко, 1985; Савинов, 1994, с. 125–128). Ареал расселения бома захватывал, видимо, также ККР и мог в отдельные периоды их истории доходить до Томи и Оби.

Бома предпочитали селиться среди гор, поросших хвойным лесом, занимались земледелием. Землю обрабатывали плугом с помощью лошадей. Для езды лошадей не использовали, молоко, полученное от них, употребляли в пищу. Любили ловить рыбу и охотиться. Из шкур делали одежду. Железных орудий имели мало, употребляли глиняные котлы и бересту. Из корней делали блюда и чаши (Бичурин, 1950, с. 350; Кюнер, 1961, с. 53).

Эти сведения дополняются и в какой-то степени корректируются материалами Тюхтятского «клада». В его составе имеются два железных серпа, подтверждающих существование на Казыре земледелия (Евтюхова, 1948, рис. 124). К числу земледельческих орудий, видимо, относятся также два железных тесла, найденных в с. Тюхты в начале XX в. Эти универсальные орудия могли использоваться не только как тесла, но и как наконечники мотыг – озупов.

Люди, жившие в устье р. Тюхты, активно использовали лошадей для верховой езды. Об этом говорят находящиеся в составе Тюхтятского «клада» 7 железных удиц (из них трое – с S-видными скобчатыми псалиями), 5 петельчатых и пластинчатых стремян, а также свыше 100 бронзовых украшений сбруи и пояса (Евтюхова, 1948, рис. 123, 125–144).

В начале XX в. в составе «клада» находилась также архаичная железная подкова. В. П. Левашева, проводя в 1930-х гг. инвентаризацию археологических предметов, сочла, что она «по характеру не соответствует времени клада» (запись в инвентарной книге). С тех пор подкову в состав «клада» никто не включает. Однако, если принять во внимание, что поздние вещи «клада» датируются. Однако, если принять во внимание, что поздние вещи «клада» датируются. В XI–XIII вв., причастность подковы к этому «собранию» не столь уж невероятна. В Прибайкалье сопоставимая с тухтятской подкова была найдена на шохтойском поселении IX–XIV вв. Принадлежность к поселению подковы тоже вызывает сомнения, т. к. она, по-видимому, происходит из подъемного материала (Дашибаев, 1995, с. 25, рис. 6: 8). Вопрос датировки обеих подков требует дальнейшего изучения.

В Тухтатах, видимо, вне «клада» было найдено еще несколько принадлежностей конской сбруи. В их числе – 7 «колесовидных» распределителей ремней IX–X вв. (МКМ, 7142–7144, 7147–7150).

Рыболовство должно было играть весьма существенную роль в хозяйстве средневекового населения Прикайрия, однако галечных грузил для сетей ни на одном из поселений не встречено. Возможно, из-за быстрого течения горных рек предпочитали ловить рыбу другими способами: бить острогами, ловить на крючки, делать на реке запоры.

Выше говорилось, что на поселениях, кроме двух острог, нет никаких орудий рыболовства. В составе «клада» находятся пять своеобразных «гарпунов». Они представляют собой плоские, удлинённо-ромбовидной формы предметы с остроконечной шипастой головкой на одном конце (Евтюхова, 1948, рис. 122; Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2007, рис. 4: 2). В действительности они являются своего рода крючками для ловли крупной рыбы. В средней части «гарпунов» имеется круглое отверстие и угловатая выемка на ребре, предназначавшиеся для привязывания лесы (рис. 80: 2). Наживку на «гарпун» насаживали так, чтобы его шипастое острие было направлено вперед. Заглотив наживку, хищник начинал вырываться, и «крючок» в его пищевод разворачивался поперек, делая практически невозможным высвобождение жертвы. Тухтятским «крючкам» функционально близки костяные обоюдоострые рыболовные спицы, встреченные в пещерных стоянках Красноярского района (Мандрыка, Зырянов, 1992, с. 132, рис. 6, 7; Мандрыка, Макаров и др., 1996, рис. 9: 16). В их средней, утолщенной части имеется поперечный желобок, соответствующий отверстию с выемкой на тухтятских «крючках».

Л. А. Евтюхова рассматривала Тухтятский «клад» как собрание изделий кыргызского мастера, который был одновременно кузнецом, литейщиком и ювелиром (Евтюхова, 1948, с. 67). Инструментов производственного назначения, кроме двух молоточков (рис. 80: 3), в «кладе» нет. Один рабочий конец у обоих клиновидно заострен, а другой – тупой, слегка расплюснутый от ударов (Евтюхова, 1948, рис. 117; Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2007, рис. 4: 3). Посредине головки имеется отверстие диаметром 6,5 мм для насаживания железной рукоятки. Молоточки использовались в качестве кузнечных зубил. Зубильным острием насаживали орнамент на сбруйных украшениях и рубили металл. В частности «гарпуны», находящиеся в составе «клада», были вырублены из листового железа именно таким орудием. При пользовании инструментом мастер наносил удары по его обушке другим молотком.

Выше уже отмечалось, что на нескольких железорудных месторождениях ККР имеются следы древних выработок. При проведении геологических исследова-

ний в них находили средневековые каменные и металлические орудия для добычи и обработки руд. Основываясь на этих находках, Я. И. Сунчугашев высказывал предположение о том, что в эпоху средневековья часть добытой руды в долине р. Тубы (Сунчугашев, 1979, с. 89). Его гипотеза подтверждается находками кусков руды вдоль старой гужевой дороги из Ирбы в с. Курагино (Посохов, Толстихин, 1999, с. 330).

Более удобной для транспортировки была железная руда Изыгского месторождения, расположенного непосредственно на правом берегу р. Кизир, в 25 км от его устья и в 18 км от Ирбинской группы месторождений. Гора Изыг обращена к реке отвесным утесом. В нем имеются нишеобразные выемки искусственного происхождения. Основные древние горные выработки расположены на вершине горы, на высоте 85 м над уровнем реки. Они имеют вид больших ям и впервые зафиксированы еще Г. К. Яворовским (Яворовский, 1894, с. 30). В 1932 г. в одной из них на глубине 2,6 м геологами был найден продольно расколотый каменный молот, позднее переданный в МКМ. На берегу Кизира были выявлены свалы магнетитовых руд, свидетельствующие о том, что добытую руду там грузили на плоты и отправляли вниз по реке для последующей переработки. Один из таких плотов когда-то сел на мель возле дер. Оюки. Здесь в 1954 г. на песчаной отмели р. Тубы было найдено большое скопление магнетита, анализ которого показал, что он происходит с Изыгского месторождения (Посохов, Толстихин, 1999, с. 18–19).

Следы деятельности древних и средневековых металлургов в виде металлургических шлаков, глиняной обмазки плавильных горнов и кусков руды выявлены на всех поселениях таятской группы. Основные скопления их сосредоточены под обрывами заселенных террас. Некоторые куски глиняной обмазки имеют значительную толщину и покрыты земляной коркой, наличие которой свидетельствует о том, что горны имели ямную конструкцию, подобно сыроступным печам гунно-сарматского времени Хакасско-Минусинской котловины (Сунчугашев, 1979, с. 49–50).

Остатки двух железоплавильных горнов были исследованы в 2006 г. на поселении Таяты III. Одна из них располагалась на краю террасы, вторая – на ее береговом склоне. Обе представляют собой остатки горнов одноразового пользования с котлованами-шлакосборниками. Вскрытые ямы с толстой глиняной обмазкой стен представляют собой подземные части плавильных – шлакоулавливателей. Над ними возводились небольшие наземные плавильные горны.

Древние металлурги Таятского микрорайона предпочитали использовать для плавок валунно-галечную магнетитовую руду, принесенную водой с месторождений, расположенных выше по течению, и отложенную по берегам реки. В связи с этим в одной средневековой китайской хронике сообщается, что хягасы «после каждого дождя непременно получают (достают) железо, называют его цзяша». В другой хронике сказано, что «их (кыргызское) государство имеет железо небесного дождя, его собирают, чтобы выделять ножи и мечи, [оно] отличается от [обычного] железа» (Кюнер, 1951, с. 12–13). Вопреки мнению некоторых исследователей (Н. В. Кюнера, Л. Р. Кызласова, Я. И. Сунчугашева), в приведенных цитатах речь идет не о метеоритном, а о валунно-галечном железе. Валунные магнетиты легче всего собирать по берегам рек именно после дождя, пока они мокрые и контрастно выделяются на фоне других камней. Содержание железа в валунно-галечной руде значительно выше, т. к. пустую породу от нее

уже отделила река. Обрабатывать ее было проще, чем руду месторождений. Для ее обогащения было достаточно раздробить валуны каменными молотами и пестами. Эти орудия металлургов были найдены на поселении Таяты III недалека от плавильных горнов.

Железо производилось таятскими металлургами, очевидно, в относительно ограниченном количестве, т. к. следов больших шлаковых куч не выявлено. Добытое железо предназначалось не только для местных нужд, но и для отправки в правобережные районы Минусинской котловины.

Охота играла важную, а возможно, и главенствующую роль в хозяйстве подтаежного населения. С целью пополнения мясных запасов охотились, очевидно, круглогодично, а промысловой охотой на пушных зверей занимались только в зимний период. Промысловики уходили в глубину тайги налегке и во время охоты использовали в качестве временных жилищ пещеры, скальные ниши и сооруженные наскоро шалаши. Судя по составу костей животных в Жаровской скальной стоянке, промысловики охотились не только на пушных зверей, но и на копытных животных – лосей, маралов, косуль. Их мясо шло в пищу, а шкуры заготавливались. Не брезговали также охотой на пернатую дичь.

Основными орудиями охоты являлись луки со стрелами. Железные наконечники стрел в небольшом количестве встречены на многих памятниках ККР. Один наконечник VII в. встречен в Жаровской стоянке (рис. 80: 8), четыре других этого же времени – в Каратавской пещере (Кызласов И. Л., 1999а, с. 185–188, рис. 12: 5–8). Два наконечника стрел были найдены на скальном «быке» Камериса. Оба они первоначально находились в жертвенниках с кремиевыми наконечниками животных. Содержимое второго жертвенника было впоследствии разбито дождями. Наконечник стрелы с тремя узкими шипастыми лопастями был найден под вершиной «быка». Еще четыре наконечника стрел (три – с плоским ассиметрично-ромбовидным пером и один – «боеголовковый») находились в составе тюхтятского «клада» (Евтюхова, 1948, рис. 118–120). Как и сам «клад», они датируются IX–X вв.

Население ККР в эпоху средневековья

Во второй половине I тыс. процесс культурной и этнической ассимиляции лесного населения тюркоязычными «степняками» резко усилился. Это нашло выражение в угасании «лесной» традиции изготовления сосудов с ОВД, ЧДЛ и ЗПД и в распространении с VII в. керамики тюрко-киргызского облика. Для нее характерны сосуды горшковидных и баночных форм грубой выделки, толстостенные и скудно орнаментированные (Кызласов Л. Р., Мартынов, 1986, с. 192–195; Худяков, 2004, с. 81–83, рис. 89, 90). Венчик сосудов обычно отогнут наружу и нередко рассечен вдавлениями или оттисками штампа. Шейка иногда украшена рядом круглых вдавлений, а плечики – насечками, прочерченными линиями, оттисками зубчатого штампа или подушечки пальца (Кызласов Л. Р., 1981б, с. 54–59; Кубарев, Журавлева, 1998; Митько, Журавлева, 1999). В отличие от степных киргызских, большинство казырских средневековых сосудов, как и в предшествующую эпоху, были круглодонными, с утоншенными стенками емкости.

Казырской керамике близка фрагментированная посуда из сборов на разрушенных средневековых поселениях правобережья Енисея. Она изготовлена каменнее, чем погребальная, и богаче орнаментирована. Ни типологической, ни хронологической классификации ее, к сожалению, не существует. Посуда, близкая по форме и декору казырской, встречается также на памятниках лесостепной

и таежной зоны Среднего Енисея – в районе Красноярска и к северу от него (Мандрыка, Ямских и др., 2003, с. 113–114, 160–161, рис. 35: 1–4, 6, 7, 9б).

К концу I тыс. ареал посуды тюркской керамической традиции охватывал уже лесостепные и подтаежные территории Южной Сибири (Соболев, 1978, с. 76–80, рис. 4–6). Ее распространение происходило в основном при непосредственном участии пришлого тюркского населения и сопровождалось активной ассимиляцией аборигенов (Беликова, 1996, с. 139–148; Плетнева, 1997, с. 120–122).

В ККР сколько-нибудь массового притока степного населения быть не могло, поскольку горно-таежная зона неблагоприятна для отгонного скотоводства, являвшегося основой хозяйства енисейских киргызов (Худяков, 1984). В связи с этим показательное отсутствие в казырских поселениях киргызских «ваз» и лепрода этническими индикаторами киргызов и енисейских тюрков.

Следует добавить, что в IX–X вв., после успешной войны с уйгурами, значительная часть киргызов ушла на юг – за Саянский хребет (Худяков, 1990, с. 42). Количество киргызского населения в степях Хакасско-Минусинской котловины резко сократилось. Об этом можно судить хотя бы потому, что в ней известно всего лишь три могильника эпохи киргызского «великодержавия» (Кызласов Л. Р., 1975, с. 210), т. е. намного меньше, чем в Туве.

На правобережье Енисея ареал расселения киргызов, по-видимому, никогда не выходил за пределы степной зоны. В лесостепи, а тем более в тайге, их погребальные памятники неизвестны. Конечно, киргызы периодически наезжали в тайгу для сбора дани со своих кыштымов, для захвата людей в рабство, а позднее и с целью укрытия от военной опасности, но постоянно в ней не проживали.

Население ККР эпохи средневековья было, по всей вероятности, кетоязычным. Оно входило в состав племен, описанных в китайских хрониках второй половины I тыс. н. э. под именем «бома» (Бичурин, 1950, с. 350; Кюнер, 1961, с. 52–55). Этому этнониму соответствовал тюркский термин «алат». Оба являются лишь прозвищами этноса и переводятся как «пестрая (пегая) лошадь». Тюрки, согласно китайским источникам, называли бома «хала» или «хэци». По мнению А. П. Кондратенко, оба названия являются китайской транскрипцией этнонимов «кеты» или «котты» (Кондратенко, 1991, с. 11).

Бома внешне походили на цайгу (киргызов), но языки у них были разные, и они не понимали друг друга. Бома делились на мелкие кланы и не имели общего начальника, но были многочисленны и часто воевали с киргызами. Войско у них исчислялось в 30 000 человек. Они предпочитали селиться среди гор, поросших хвойным лесом. Страна бома находилась близко от Северного моря (Байкала), к северу от земель киргызов и туцзюэ (тюрков). Исходя из этих данных, исследователи локализируют территорию расселения бома от Прибайкалья до Оби (Радлов, 1989, с. 439–440; Потапов, 1969, с. 178; Кондратенко, 1991, с. 11; Худяков, 1993, с. 78–80; Илюшин, 2001, с. 154). Исконной территорией обитания бома, очевидно, являлась Красноярско-Канская лесостепь и районы к северу от нее вплоть до Нижней Ангары (Киселев, 1951, с. 559–560; Гумилев, 1960, с. 40–41, 249; он же, 1993, с. 263; Илюшенко, 1985; Савинов, 1994, с. 125–128). Ареал расселения бома захватывал, очевидно, также ККР и мог в отдельные периоды их истории доходить до Томи и Оби.

Гипотеза о кетоязычности бома существует уже давно и поддерживается многими исследователями (Радлов, 1989, с. 439–440; Бартольд, 1963, с. 19;

Киселев, 1951, с. 560; Кондратенко, 1991, с. 11; Гумилев, 1993, с. 263). Ареал расселения бома совпадает с ареалом расселения кетоязычных народов в XVII в., а также с ареалом кетоязычных гидронимов (рис. 83). В процессе многовекового противостояния более многочисленным тюркоязычным народам бома подвергались языковой и культурной ассимиляции, пока наконец от них не остались лишь малочисленные племена в Кузнецком Алатау, на Верхней Томи, Кане и Среднем Енисее (Радлов, 1989, с. 440).

Енисейская (кетоязычная) топонимика ККР

Топонимика ККР позволяет составить более объективное представление об этнической принадлежности населения этого района в эпоху средневековья. Господствующими в районе являются тюркские географические термины. Они отображают процесс тюркизации населения в эпоху средневековья. Здесь же встречаются гидронимы с характерным для одного из енисейских (кетских) языков компонентом *-дат / -тат / -тет* со значением «река» (Миллер, 1996, с. 159–160, 171; Мальцева, 1998, с. 56; Малолетко, 2000, с. 122). Гидронимы этого типа относительно многочисленны на Казыре: *Бурундат*, *Тахтат(ы)*, *Тюхтят (Togdet)* – в относительно многочисленны на Казыре: *Бурундат*, *Тахтат(ы)*, *Тюхтят (Togdet)* – в записи Миллера), *Бокдат*, *Китат* Нижний, *Китат* Верхний, *Кандат*, *Садтат* (Миллер, 1996, с. 159–160; Бутанаев, 1995). В верховьях Казыра енисейские гидронимы сменяются самодийскими. Там еще в XVII–XVIII вв. обитали бродячие охотники и рыболовы – «каменные» моторы. Сам Казыр (по Миллеру – Казыр-Упса) имел второе, не тюркское название – *Боло*, происхождение которого неизвестно (Розен, Малолетко, 1986, с. 109–110).

В бассейне Кизира кетоязычные гидронимы на *-дат / -тат / -тет* единичны – *Китат*, *Когта(т?)*, *Корда(т?)*. Есть две речки, в названиях которых присутствует коттовский компонент *-чет* – *Бочат* (*Бачат*) и *Сенчет* (Бутанаев, 1995; Малолетко, 2000, с. 132). Гидронимы этого типа имеются в лесостепной части бассейна Тубы, но там же, в лесостепи, есть речки *Бахтат* (Бутанаев, 1995, с. 82) и *Терахтет* (лев. пр. Шуши, совр. Терехта).

Ряд северных притоков Кизира носит названия самодийского происхождения: *Джебь (Dschibū)*, *Канзыба (Kānsūbā)*, *Аянбу* (совр. Айамба), *Теби-бу*, *Подобу* (Подобу, совр. Березовая) (Миллер, 1996, с. 159–160; Родевич, 1912; Бутанаев, 1995). Эти гидронимы связываются с самодийскоязычными охотниками и оленеводами – камасинцами, расселившимися в XVIII в. немного севернее, в верховьях рек Маны, Кана и по их притокам.

Ареал гидронимов на *-дат / -тат / -тет* охватывает также среднюю часть бассейна р. Амыл: *Бокдат* (Богдат), *Шадат*, *Хондат* (совр. Кандат); *Кална* (ср. аринск. название *Кална-сет*), *Киндат*, *Туртат* (Миллер, 1996, с. 159, 160; Бутанаев, 1995). Название самого Амыла (Амул, Амюл), по-видимому, тоже является кетоязычным (Розен, Малолетко, 1986, с. 90).

Гидронимы с компонентами *-дат / -тат / -тет* Казыра, Кизира и Амыла образуют обособленный островок. Он отделен от основного их ареала на Чулыме и Среднем Енисее гидронимами на *-шет / -чет* в бассейне Тубы (рис. 83), господствующими на правом берегу Енисея тюркскими, а также относительно плотным скоплением гидронимов самодийского происхождения, охватывающим правые притоки Енисея к северу от р. Сыды.

Гидронимы с компонентами *-дат / -тат / -тет* ККР и бассейна Амыла свидетельствуют о том, что енисейский язык местного населения отличался от языка коттов, обитавших в бассейне Кана, и близко родственных им байкотовцев, расселившихся в лесостепном междуречье Тубы и Сыды. В коттском и байко-

товском языке термин «река» звучит как *-шет / -чет* (Старостин, 1982, с. 155; Дульзон, 1962, с. 366; Малолетко, 2000, с. 130–134). Отмеченное выше присутствие двух гидронимов этого типа на Кизире позволяет предположить, что ареал расселения байкотовцев мог охватывать также низовья этой реки.

Население подтайги ККР и Амыла отличалось по языку также от кетоязычного аринцев (аринцев), расселившихся по Енисею от района Красноярска до Казыра (Дульзон, 1962, с. 266; Малолетко, 2000, с. 94–95, 125–127) (рис. 83).

Формант *-дет / -тет* в значении «река» присутствовал только в языке небольшой этнической группы, известной под искусственным именем пумпоколов (Старостин, 1982, с. 155; Розен, Малолетко, 1986, с. 86; Малолетко, 2000, с. 39–40, 95–96). В XVII–XVIII вв. они расселились по левобережью Енисея у г. Енисейска и южнее его в верхней части бассейна р. Кети (Миллер, 1941, с. 39–40; он же, 1996, с. 43, 190–191).

Ареал гидронимов на *-дет / -тет* значительно шире ареала расселения пумпоколов. Он охватывает бассейн Среднего Чулыма (Дульзон, 1959; Малолетко, 2000, с. 120–121), население которого в XVII в. было уже тюркоязычным. Распространяясь далее на восток, гидронимы с компонентами *-дет / -тет / -дат* захватывают территории расселения ястынцев и буклинцев (яринцев) (Миллер, 1996, с. 66, 121, 131–132, 135–136, 138, 140, 144, 168–169; Малолетко, 2000, с. 121–122). Письменные источники XVII–XVIII вв. именуют их «татарами», но, по распространенному представлению, до перехода на тюркский язык буклинцы (яринцы) были кетоязычными (Бутанаев, 1998, с. 52; Малолетко, 2000, с. 27–28, 251). Процесс тюркизации этого этноса начался уже со второй половины I тыс. н. э., на что указывают древнетюркские рунические наскальные надписи (Городовая стена) и петроглифы кыргызской изобразительной традиции (Зайка, Дроздов и др., 2005, с. 159–161, рис. 1–3), находящиеся на территории бывшей Буклинской земли.

Материалы эпохи позднего средневековья

К началу II тыс. керамическое производство у населения Хакасско-Минусинской котловины и на сопредельных степных территориях резко сокращается. Глиняная посуда в погребениях встречается крайне редко. Керамика первой половины II тыс., очевидно, присутствует на разных средневековых поселениях Приказырья, но только в Таятах IV ее выделение не вызывает затруднений. Обломки поздних сосудов залегали на этом поселении компактными скоплениями непосредственно под дерном и отчасти даже в нем самом, что само по себе указывает на их очень поздний возраст.

Таяты IV. Из найденных здесь сосудов эпохи позднего средневековья четыре имели довольно крупные размеры. Диаметр их горловины варьируется от 28 до 31 см. Корпус этих горшков высокий, с плавно изогнутыми стенками, дно округлое (?), венчик резко выгнут наружу (рис. 84: 1–2; 85: 1; 87: 1–2). Емкости их моделированы ленточным или лоскутно-ленточным способом с примазыванием края нижней ленты к верхней встык и подработаны слабо прослеживаемым выколачиванием. Толщина стенок около 5–7 мм, венчик утолщен до 12 мм за счет подлепа к нему с внешней стороны дополнительной ленты шириной около 40–45 мм.

У трех сосудов плоский срез венчика украшен глубокими оттисками зубчатого штампа, верхняя часть тулова декорирована рядом круглых ямочных

вдавлений, прочерченными линиями и фризом из двух-трех рядов оттисков двузубчатого штампа. Внутренняя сторона шейки двух сосудов украшена тремя прочерченными горизонтальными линиями (рис. 84: 1-2; 85: 1). Поверхность этих сосудов гладкая, покрытая тонким слоем глиняной суспензии и слабо подлощенная.

Стенки двух других горшков имеют выраженную шероховатую – «наждачную» – фактуру, более характерную для керамики предшествующего времени. Их шейки покрыты ангобом насыщенного черного цвета и украшены пояском из глубоких круглоямочных вдавлений и оттисков двузубчатого штампа. Ниже – по тулову – лопаточкой со сглаженно-рубчатым рабочим краем нанесены крупные «арки», разделенные групповыми пальцевыми вдавлениями. Плоский срез венчика украшен глубокими вдавлениями ребра палочки, образующими «елочку» (рис. 87: 1), или оттисками отступающей лопаточки (рис. 85: 2).

К эпохе позднего средневековья относятся еще два сосуда с Таят IV. Они несколько отличаются от описанных выше. Первый из них имел близкое к сферическому тулово и невысокую, утолщенную за счет подлепа ленты шейку. Внешняя сторона его скругленного венчика украшена оттисками подтреугольного штампа, чередующимися с тычками раздвоенной палочки. Шейка декорирована строкой глубоких круглых вдавлений и двумя рядами слабо оттиснутых пальцевых зацепов (рис. 85: 2). Второй сосуд отличался менее развернутой шейкой и наличием налипного валика на ее основании. Валик рассечен угловыми вдавлениями лопаточки, а плечики украшены цепочкой «розеток», образованных сгруппированными по четыре оттисками подушечки пальца (рис. 88). Шейка сосуда относительно тонкая, но тоже с подлепленной лентой.

По декору и формам эти сосуды во многом близки посуде древнетюркской керамической традиции Южной Сибири и Забайкалья конца I – первой половины II тыс. (Грязнов, 1956, табл. LIX; Кызласов Л. Р., 1981а, с. 55; Кызласов Л. Р., 1981б, рис. 35: 33-37; Кызласов И. Л., 1981, с. 206, рис. 74: 8; Могильников, 1981, рис. 26: 53; Бобров, 1982; Кызласов Л. Р., Король, 1990, табл. XII: 4; Максименков, Сорокин, 1992, рис. 56: 3; Качалова, Черников, 1992, рис. 76: 1; Ширин, 1992б; Дашибалов, 1995, рис. 10, 35; Кирюшин, Казаков, 1997, с. 297-303, рис. 1-3; Митько, Журавлева, 1999, рис. 2). У ряда западносибирских сосудов шейки, как у таятских, утолщены за счет подлепа ленты (Васютин, 2001, с. 144).

На Томи древнетюркская керамическая традиция доживает до XVII в. Как отмечает Ю. В. Ширин, найденная на русских поселениях посуда этого времени проявляет «близость, а в чем-то и тождество с керамикой XI-XIII вв. на этой же территории» (Ширин, 1992а, с. 107). Часть ее отличает от более ранней (и вместе с тем роднит с четвертым таятским сосудом) характерный прочерченный арочный декор, который на ряде кузбасских сосудов сочетается с круглыми вдавлениями (Ширин, 1992а, рис. 3). Внутренняя сторона шеек кузбасских сосудов тоже украшена, но не прочерченными линиями, как у таятских сосудов, а гребенчатым штампом. Один из кузбасских сосудов, как и таятский, украшен налипным рассеченным валиком (Ширин, 1992а, рис. 3: 11).

Таяты II. Из всей средневековой керамики этого поселения с уверенностью можно отнести к первой половине II тыс. лишь единичные обломки сосудов. К числу их, видимо, относятся фрагменты верхней части тулова небольших сферических горшков, орнаментированных рядами оттисков трехзубчатого штампа и насечками. Декор находит аналогии в памятниках XI-XIII вв. (Беликова, 1996, рис. 23: 1; Кирюшин, Казаков, 1997, с. 298-300, рис. 3). Рассеченный валик

и арочный орнамент на другом фрагменте (рис. 73: 12), находят аналогии на сосудах из Таят IV и из Кузбасса.

Помимо керамики никаких других предметов, которые можно было бы уверенно отнести к эпохе позднего средневековья, на памятниках ККР не найдено. Из хозяйственных объектов этим историческим периодом датируются три кострища. Два из них выявлены на поселении Таяты III, одно – на территории Таят IV. В первом случае оба кострища были расчищены сразу под слоем дерна, в верхней части обращенного к реке склона террасы. Они имели вид округлых пятен ровался от 30 до 50 см, мощность прокала составляла от 2-5 см. Одно из этих кострищ перекрывало остатки шлакосборника горна 1. На поселении Таяты IV пятна почвенного прокала светлого грязно-рыжего цвета и форму неправильно-овала размерами 90x60 см, вытянутого по линии ЗЮЗ-ВСС. Мощность прокала достигала 3 см.

Судя по отсутствию ям и остатков каких-либо сооружений, все три кострища были открытыми и разводились прямо на древней дневной поверхности. Мощность слоев прокаленной почвы указывает на достаточно продолжительное время их функционирования. Эти костры горели вне пределов жилищ, следы которых здесь отсутствуют, или внутри легких каркасных построек типа чума или балагана.

Население ККР в XVII-XVIII вв.

Подтайга ККР, подобно другим подтаежным районам Южной Сибири, представляла собой типичную контактную зону, основные черты которой охарактеризовал Ю. В. Ширин (Ширин, 1997б, с. 78-80). На ее территории происходило непосредственное общение жителей подтайги с обитателями лесостепей и с таежным населением, которые выступали посредниками в их контактах. Население контактного района было неоднородным по этническому составу, т. к. здесь оседали экономически ослабевшие обитатели лесостепей, сюда же стремились различные таежные группы. «Культурно-исторический процесс в контактной зоне обычно представлен как череда сменяющихся друг друга культур в результате экспансии степной или таежной стороны» (Ширин, 1997б, с. 80). Культура подтаежного населения являлась порождением симбиоза, она не была адекватна ни культуре одновременных ей обитателей степей, ни тайги. Выходцы из лесостепной зоны Хакасско-Минусинской котловины могли быть родственны по языку аборигенам, но они являлись носителями иной – «степной» – культуры.

Во второй половине II тыс. многовековой процесс культурной и этнической ассимиляции подтаежного населения Прикамырья тюркоязычными «степняками» вступил в завершающую стадию. К XVII в. в низовьях Казыра и Кизира, а также в подтаежной части междуречья Сыды и Тубы обитала небольшая этническая группа, известная под именем хайтонов или кайдынцев (кайдинцев, кандынцев). Первый вариант этнонима происходит от имени башлыка (старейшины) Хайтона (Хайтына), возглавлявшего эту группу в 1640-х гг. (Долгих, 1960, с. 233). Вторым вариантом, возможно, лишь созвучен первому и восходит к исконному самоназванию этноса кайдын, кайдэнг (Миллер, 1996, с. 66; Паллас, 1788, с. 473-474). В XVIII в. кайдынцы были тюркоязычными, что подтверждают словарные материалы того времени (Боргояков, 1973, с. 177-178). Однако И. Георги еще тогда высказал предположение о том, что до перехода на тюркский язык кайдынцы

были кетоязычны. Этому же мнению придерживались Г. Спасский и М. А. Кастрен (Спасский, 1819, с. 5–6; Кастрен, 1860, с. 411), разделяют его и многие современные исследователи (Поталов, 1957, с. 71; Долгих, 1960, с. 256; Бутанаев, 1994; Малолетко, 2000, с. 28–29, 43). По мнению Р. В. Николаева, группе кайдын (кайденг) соответствует фратрия кентан (кынта, кентаан, кентаденг) северных кетов (Николаев, 1986, с. 114–115).

Тюркский язык кайдынцев отличался от диалектов других групп хакасов (Боргояков, 1973). Это означает, что их тюркизация происходила в процессе контактов с каким-то иным, не сохранившимся до наших дней тюркоязычным этносом. Не исключено, что это были западные соседи кайдынцев – тубинцы, тюркский язык которых остался не изученным. Кайдынцы вплоть до начала XVIII века были их кыштымами (данниками) (Сунчугашев, 1979, с. 171; Кызласов Л. Р., Копков, 1993, с. 149–153; Бутанаев, Худяков, 2000, с. 167).

В вопросе расселения кайдынцев существует много неясного (Поталов, 1957, с. 92–93). В 1660-х гг. они выплачивали ясак в составе то Яринской, то Тубинской земли, а в 1691 г. несколько «хайтонских» тубинских кыштымов внесли ясак даже в Удинский острог. Основываясь на данных анализа ясачных книг, Б. О. Долгих утверждал, что на Казыре и Кизире кайдынцы появились только в период между 1670 и 1701 гг., либо даже только после угона кыргызов в 1703 г. (Долгих, 1960, с. 236, 267). Неоднократные «перекочевки» кайдынцев из ясачных книг одной земли в другую были связаны в основном не с их реальными переселениями, а с нестабильностью политической ситуации на правом берегу Енисея и с неопределенностью границ ясачных земель.

Первые сведения о кайдынцах в ясачных книгах относятся к 1639 году. Тогда в Котовской земле появилась «Хайтонова улуса волость Погурская» с пятью плательщиками ясака. Эти люди, вероятнее всего, пришли на р. Кан с правобережья Енисея. К 1641 г. в волости осталось только трое ясачных, т. к. в том году многие ясачные люди Котовской земли «отъехали в Тубу, а иные побиты и померли» (Долгих, 1960, с. 243). В следующем году население Погурской волости увеличивается до шести ясачных (Долгих, 1960, с. 233). В том же году вернулись на Кан и многие беглые котты.

Время ухода «хайтонов» с Кана остается не установленным, т. к. ясачные книги за последующие годы отсутствуют. В конце 1650-х – 1660-х гг. Хайтонов улус числился в составе Яринской земли и насчитывал от 22 до 25 ясачных людей. Это означает, что на Кан уходила лишь небольшая часть кайдынцев.

Тубинская земля в те годы считалась немирной. Ее жители выплачивали ясак крайне нерегулярно и далеко не в полном объеме. Видимо, поэтому русские власти обязывали обитавших на Кизире и Казыре кайдынцев выплачивать ясак не в составе Тубинской земли, а вместе с сыдинскими кайдынцами в составе Яринской. С конца 1650-х гг. тубинские кыштымы стали выплачивать государев ясак более или менее регулярно, поэтому с 1664 г. кизиро-казырские кайдынцы были причислены к Тубинской земле, а сыдинские (8–9 ясачных) продолжали вносить ясак в составе Яринской. Тубинцы пытались воспрепятствовать сбору ясака со своих кизир-казырских кыштымов. В 1666 г. посланный к «хайтонам» для ясачного сбора Иван Красиков был схвачен тубинцами и едва не казнен (Бахрушин, 1955, с. 208).

После «отпадения» Тубинской земли в 1667 г. ее население снова прекратило выплату государева ясака. В 1670-х – 1680-х гг. ясак sporadически вносили лишь отдельные семьи северных кайдынцев в составе Яринской земли

(Долгих, 1960, с. 266). Кизиро-казырские кайдынцы не платили ясака вплоть до известного угона кыргызов. В 1704 г. ясак был получен раздельно с обеих территориальных групп кайдынцев. Одна из них внесла 9 соболей и два бобра за 6 соболей, другая – 19 соболей (Памятники Сибирской истории, с. 235).

Кайдинов улус был включен в состав вновь образованной Койбальской землицы, но пребывал в ней недолго. В 1712 г. он вновь проходит по ясачным книгам Яринской земли и остается в ее составе до конца XVIII в. (Долгих, 1960, с. 233, табл. 83). Следует подчеркнуть, что население улуса при этом никуда не перемещалось. На Казыре и Кизире его фиксируют Г. Ф. Миллер, П. С. Пал-Последний автор прямо указывает, что хайдины жили «между двумя острогами Саянским и Абаканским, в лесах на реках Тубе и Сыде, впадающих в Енисей» (Поталов, 1957, с. 207).

Численность кайдынцев. По сведениям ясачных книг второй половины XVII–XVIII вв. в ККР проживало не более 20 ясачных кайдынцев (Долгих, 1960, табл. 83; Миллер, 1996, с. 66; Быконя, Карцов, 1993, с. 217, табл. 3). Если исходить из того, что на каждого ясачного в среднем приходилось четыре члена его семьи, то общая численность кайдынского населения в районе должна была составлять только около 100 человек. В действительности кайдынцев, видимо, было значительно больше. Часть их постоянно уклонялась от уплаты ясака. Это было распространенное явление. Например, при сопоставлении сведений ясачных книг с данными подушной переписи населения района Среднего Причулымья было установлено, что реальное количество населения примерно в 5 раз превышало исчисляемое по ясачным книгам (Емельянов, 1980, с. 162–163).

Военные конфликты, происходившие в степях Хакасско-Минусинской котловины на протяжении всего XVII в., вряд ли могли существенно повлиять на численность кайдынцев, поскольку сведений об их участии в военных конфликтах нет, да и вооруженных столкновений на их территории не происходило. Однако сокращение населения, вероятно, все же имело место. Е. Пестерев в конце XVIII в. писал, что «прежде их страна считалась богатейшей в Красноярском уезде, в настоящее время ее очень обезлюдела оспа» (Пестерев, 1793, с. 70). О вымирании кайдынцев повествуют также хакасские народные предания. В них вымирание объясняется тем, что кайдынцы якобы застрелили и съели священного коня (изыха), жившего на горе Оглахты, за что и были наказаны духами (Яковлев, 1900, с. 105).

Хозяйство кайдынцев было комплексного типа. Скотоводство и земледелие сочетались в нем с охотой и рыболовством. Е. Пестерев в 1773 г. писал, что кайдынцы летом жили в берестяных юртах, а зимой – в войлочных. Домов у них не было. Два раза в год они выходили на охоту вверх по течению Казыра и Шинды (правого притока Кизира). В первый раз уходили в феврале на лыжах, а возвращались в мае на берестяных лодках, ранее оставленных в верховьях рек. Привозили шкуры оленей, лосей, а также соболей. Во второй раз отправлялись поздней осенью на лодках, а возвращались пешком на лыжах, ранее оставленных в тайге (Поталов, 1957, с. 93). Кайдынцы и «каменные» моторы считали промысловые уголья по Казыру и Кизире исконно своими и запрещали охотиться на них прочим «татарам» без своего разрешения. Кайдынцы активно занимались и рыболовством: ловили такое количество рыбы, что она долгое время являлась их основной пищей. Земледелием занимались не все. Более десятины земли не обрабатывали. Самые богатые редко имели свыше десяти лошадей и такого же количества коров (Поталов, 1957, с. 209).

Передвижение в условиях горной тайги было затруднено. На лодках против течения кайдынцы могли проплыть за день до 25 верст. В непроходимые для лодок мелководные верховья рек ходили пешком, преодолевая за день по 15 верст. Верхом на лошади по тайге делали до 50 верст (Миллер, 1996, с. 171).

Кайдынцы, вероятно, добывали и обрабатывали железо, но не в таких больших количествах, как котты или шорцы. В письменных источниках сведений о занятиях кайдынцев металлургией нет. Народная память сохранила предание о том, что бывший тубинский князец Курага показывал красноярскому воеводе нож, изготовленный местным «татаринном» из железа Ирбинского месторождения.

В XVIII в. начинается исход кайдынцев из ККР. Часть их осела в лесостепной части правобережья, другие ушли на левый берег Енисея. П. С. Паллас обнаружил стойбища «скудных во всем» кайдынцев между реками Сон и Ерба. Они продолжали ходить за зверем на свои исконные промысловые угодья на Казыре и Кизире.

Самодийское население ККР, чьи земли охватывали территорию расселения кайдынцев полукольцом с восточной стороны, имело иной культурно-хозяйственный уклад. «Каменные» моторы, обитавшие в верховьях Казыра, Кизира, Амыла и Ои, были в основном пешими бродячими охотниками и собирателями (Потапов, 1957, с. 108). Расселявшиеся в высокогорных верховьях Кана и Маны, камасинцы и кашинцы занимались оленеводством и охотой (Потапов, 1957, с. 122–123). Судя по топонимам с характерными формантами -бу (русифицированное -ба / -бей), ареал их кочевок в не столь отдаленном прошлом охватывал также правые притоки р. Кизир и верховья р. Сыды с ее притоками.

В течение XVIII–XIX вв., подобно кайдынцам, моторы покинули тайгу ККР. К началу XX в. на Казыре, в его среднем течении, оставалась единственная «татарская» избушка. На ее месте вскоре возникла деревня Петропавловка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Степень археологической изученности ККР – обширной горно-таежной области площадью около 20 тыс. км² – чрезвычайно мала. За семь лет исследований здесь выявлено лишь шестнадцать памятников, преимущественно поселенческого характера. Частичным или полным раскопкам было подвергнуто только четыре из них – Таяты III, Таяты IV, жертвенное место Каменушка и Жаровская скальная стоянка. Вместе с тем, даже эти незначительные результаты исследований, дополненные случайными находками и материалами разведок, дают возможность в общих чертах реконструировать древнюю и средневековую историю района.

В силу окружающего ландшафта, природных условий и особенностей своего хозяйственного облика население ККР вплоть до этнографической современности было вынуждено селиться в основном в одних и тех же местах – на относительно низких (3–6 м) террасах близ главных речных магистралей, их основных притоков и озер. Даже места, казалось бы, случайных убежищ, подобно Жаровской скальной стоянке, служили человеку на протяжении многих сотен лет. Поэтому культурные слои почти всех памятников содержат разновременной материал. Основа его – фрагментированная керамическая посуда, анализ которой позволяет составить представление о периодизации культур неолита – средневековья ККР, а также выявить общие закономерности развития этих культур и их связи с другими регионами Сибири.

Уже с конца новокаменного века ККР являлся контактной зоной, где синхронно проживали различные по своему происхождению и этнокультурному

облику малочисленные группы выходцев с сопредельных таежных, подтаежных и лесостепных территорий. Керамические комплексы этого времени обнаружены в Байкало-Ангарского региона. В эпоху ранней бронзы сюда проникают создателями печатно-гребенчатой и накольчато-штампованной керамики тюрко-бронз из д. Верхняя Мульга.

Эпоха развитой бронзы в ККР маркирована единичными сосудами ярко выразительного облика, последующий карасукский период – лишь один, вероятно, уже сформировался тот смешанный хозяйственный тип, основанный на сочетании присваивающих (охота, рыболовство, собирательство) и производящих (скотоводство и мотыжное земледелие) отраслей, который был характерен для него вплоть до XVIII в.

В начале эпохи раннего железа ККР вошел в состав Средне-Сибирской культурно-исторической провинции, характеризующейся археологическими материалами цапаньского облика. Вместе с тем, из сопредельной лесостепи в предгорья Восточных Саян периодически проникают малочисленные группы носителей культуры тагарского типа, целью которых мог быть промысел пушного зверя и грабеж местного населения. На рубеже эр подтаежная часть ККР становится объектом экспансии тагаро-таштыкских племен правобережья Енисея. Придя сюда в поисках сырья для железоделательного производства, «таштыкцы» развили свое дальнейшее проникновение вглубь горной тайги, очевидно, не только с целью охоты, но и для взимания дани с автохтонного населения. Возможно, именно к этому хронологическому периоду относится становление института кыштымства, характерного для всей последующей истории Хакасско-Минусинского региона.

С конца эпохи раннего железа племена нижнего и, вероятно, среднего течения Казыра и Кизира вошли в состав носителей культурной традиции, характеризующейся керамикой с обмазочно-валиковым декором. Ближайшими их «родственниками» были жители Приангарья, Красноярского региона, Верхнего и Среднего Притомья. К VIII в. посуда с ОВД в ККР была полностью вытеснена керамикой, обнаруживающей значительное внешнее сходство с тюрко-кыргызской. Данное обстоятельство объясняется прямыми контактами жителей подтаежной зоны с племенами степи и лесостепи правобережья Енисея, у которых они находились в кыштымской зависимости.

Население ККР эпохи раннего – развитого средневековья было, по всей вероятности, кетоязычным, что подтверждается целым рядом гидронимов енисейского (кетского) происхождения. В позднем средневековье эти племена, сопоставимые с народом бома китайских хроник, подверглись значительной ассимиляции со стороны соседствовавших с ними тюркоязычных тубинцев. Потомки их, во многом уже утратившие свою культурную и языковую самостоятельность, известны в русских письменных источниках под именем кайдынцев. К востоку от них, в области высокогорной тайги и тундры, обитали малочисленные группы бродячих охотников и оленеводов самодийского происхождения, сопоставимые с «каменными» моторами и камасинцами XVI–XVIII вв. В археологических материалах ККР они представлены лишь одним горшком с водораздела Прорвы и Верхнего Китата.

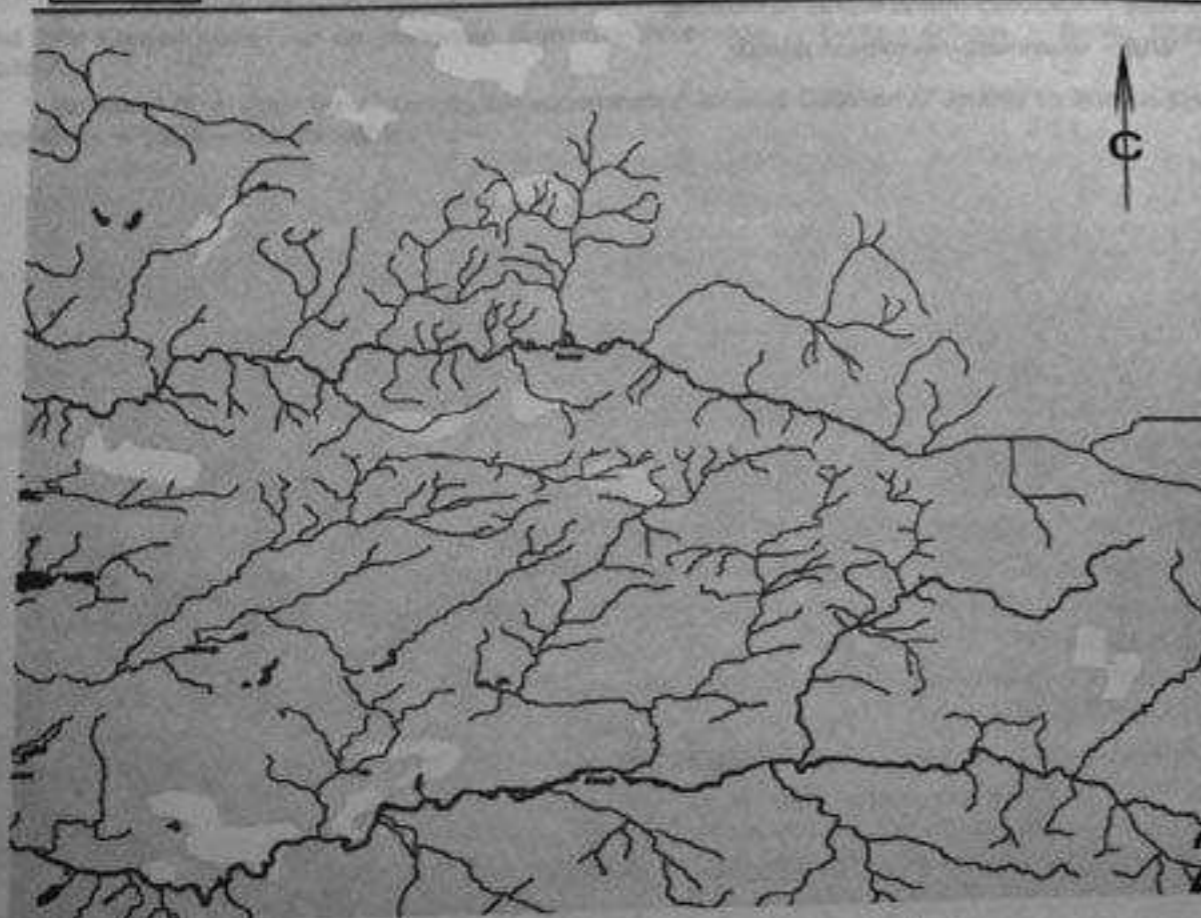
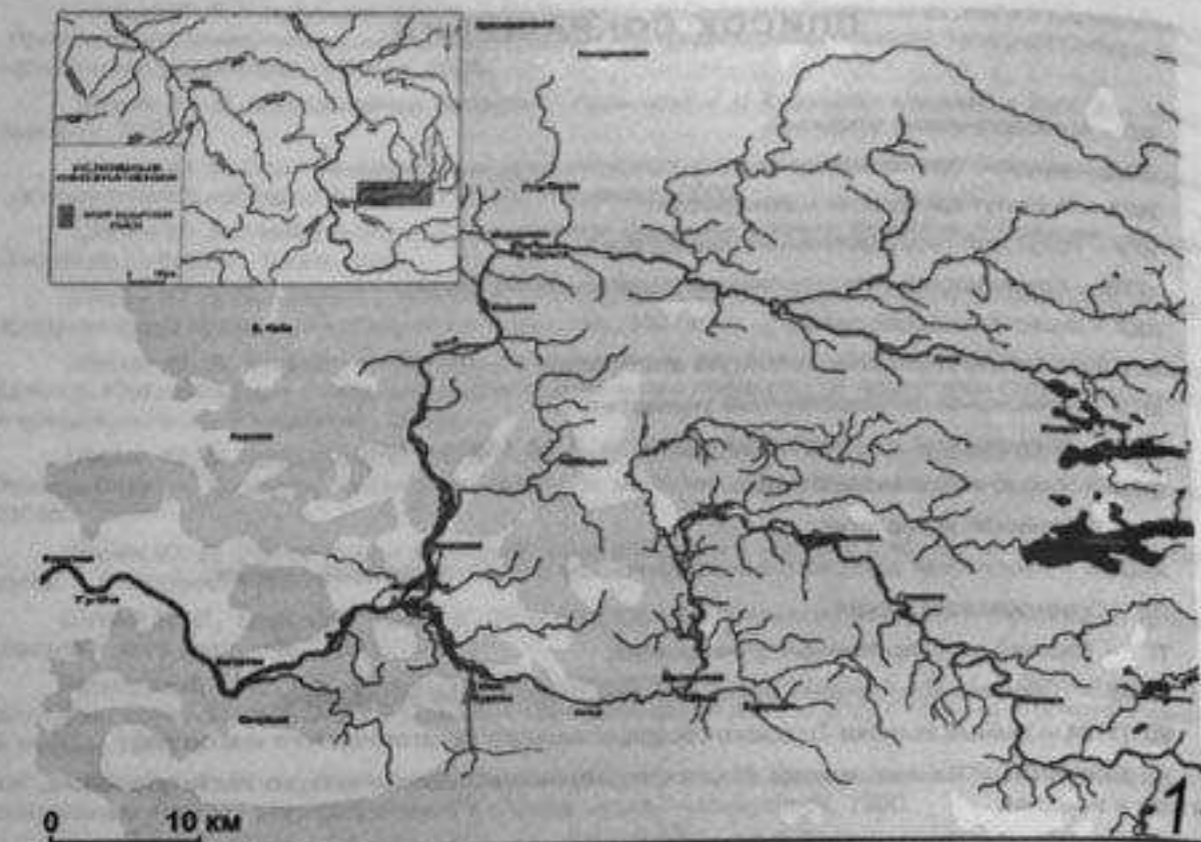

Рис. 1. Карта-схема Кизир-Казырского района
(1 - начало, 2 - окончание)

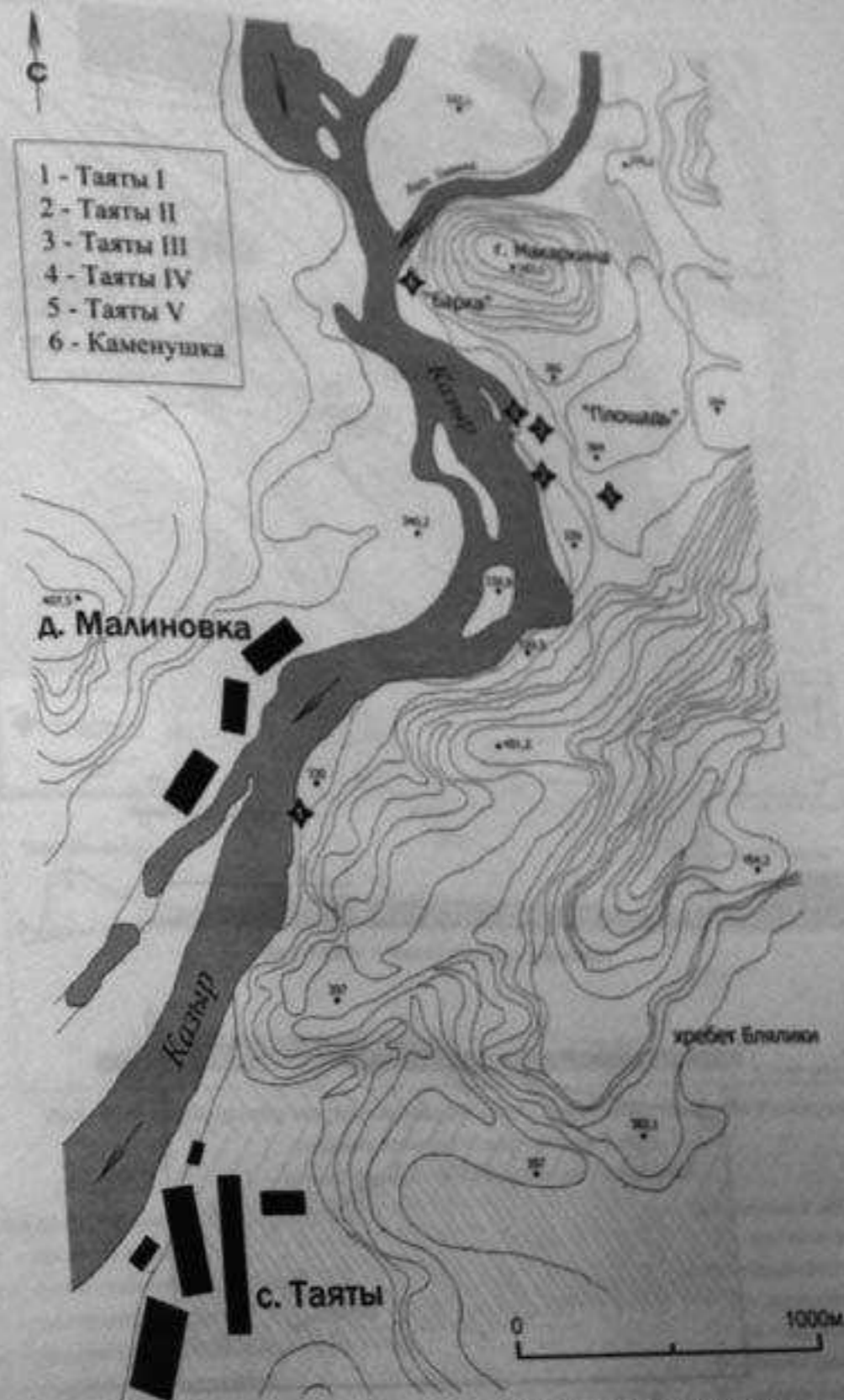

Рис. 2. План-схема Таятского археологического микрорайона
(сечение горизонталей - через 5 м)

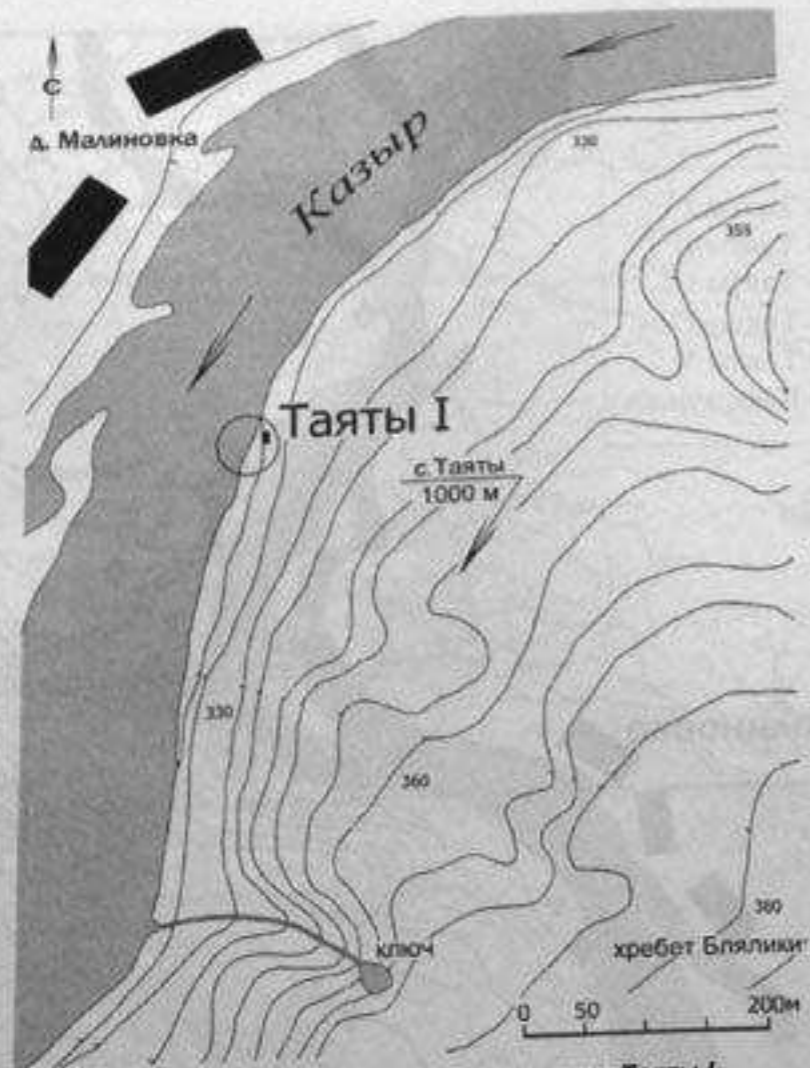

Рис. 3. План-схема местонахождения Таяты I (сечение горизонталей – через 1 м)

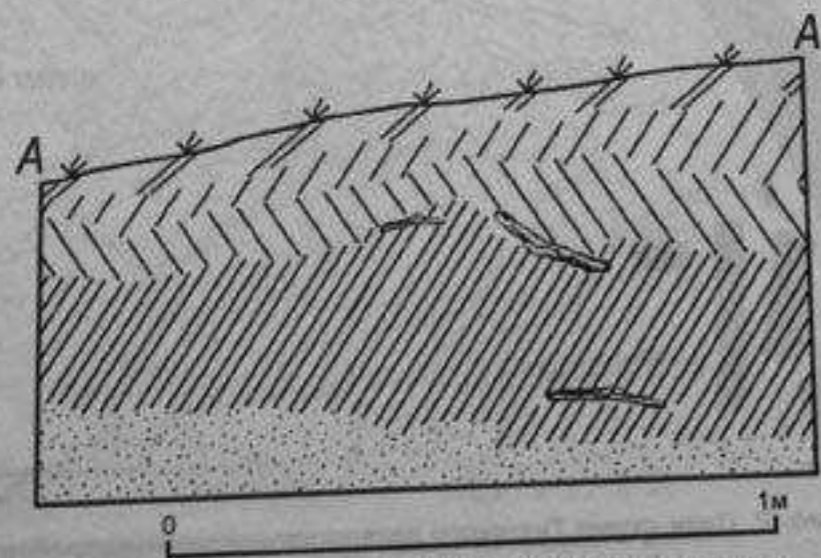

Рис. 4. Таяты I: стратиграфический разрез террасы

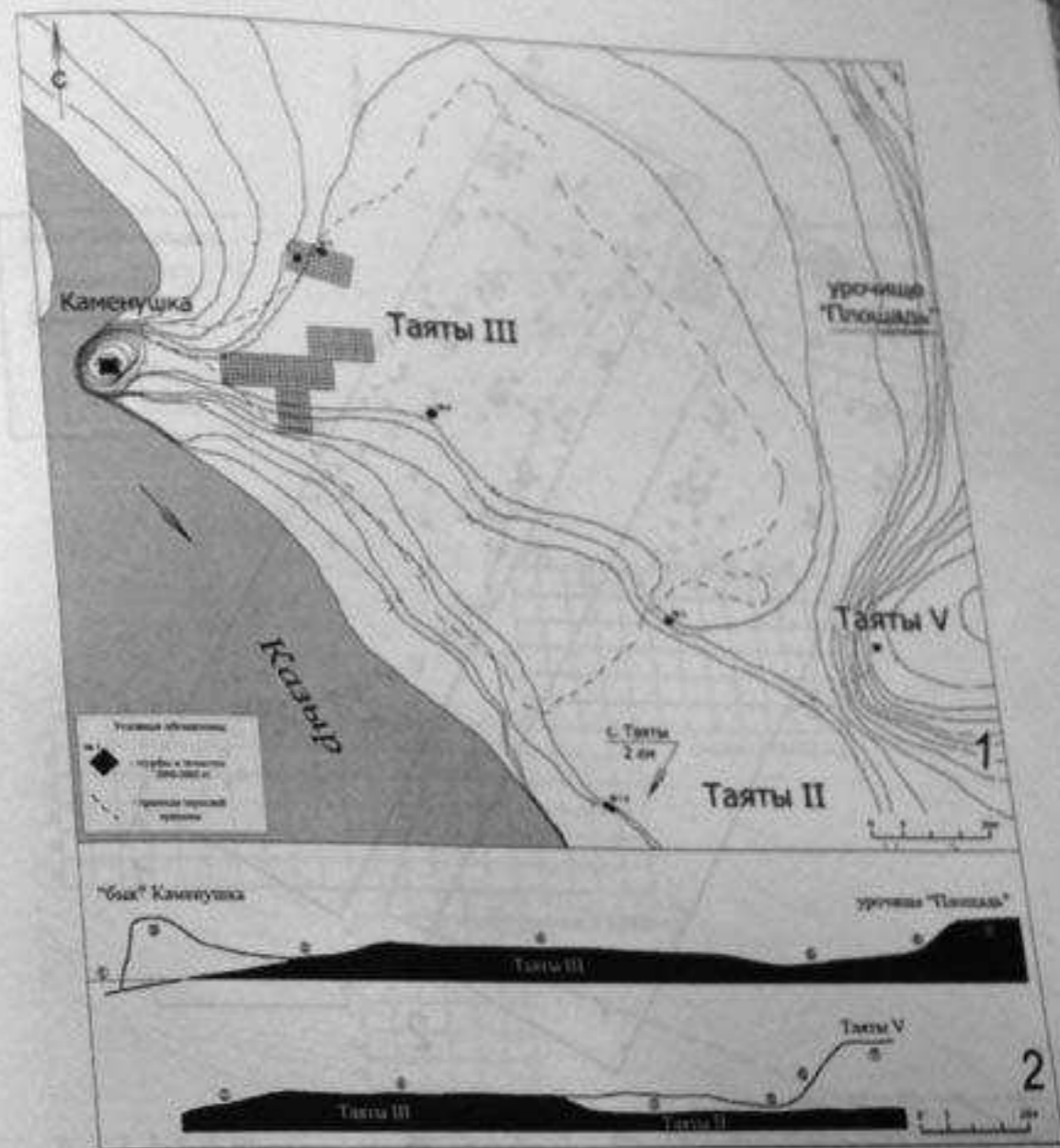

Рис. 5. 1 – план-схема местонахождений Таяты II, Таяты III, Таяты V и Коменушка (сечение горизонталей – через 1 м);

2 – схема физико-географических профилей:

геоморфологические подразделения:

- 1 – русло р. Казыр;
- 2 – склон пойменной террасы;
- 3 – пойменная терраса;
- 4 – надпойменная терраса;
- 5 – статическое понижение;
- 6 – склон второй надпойменной террасы;
- 7 – вторая надпойменная терраса

растительные ассоциации:

- 1 – водная поверхность;
- 2 – слабо задернованный склон;
- 3 – зеленотравный луг;
- 4 – заросли крапивы;
- 5 – сорняк разнотравный;
- 6 – сорняк разнотравный;
- 7 – зеленотравный луг

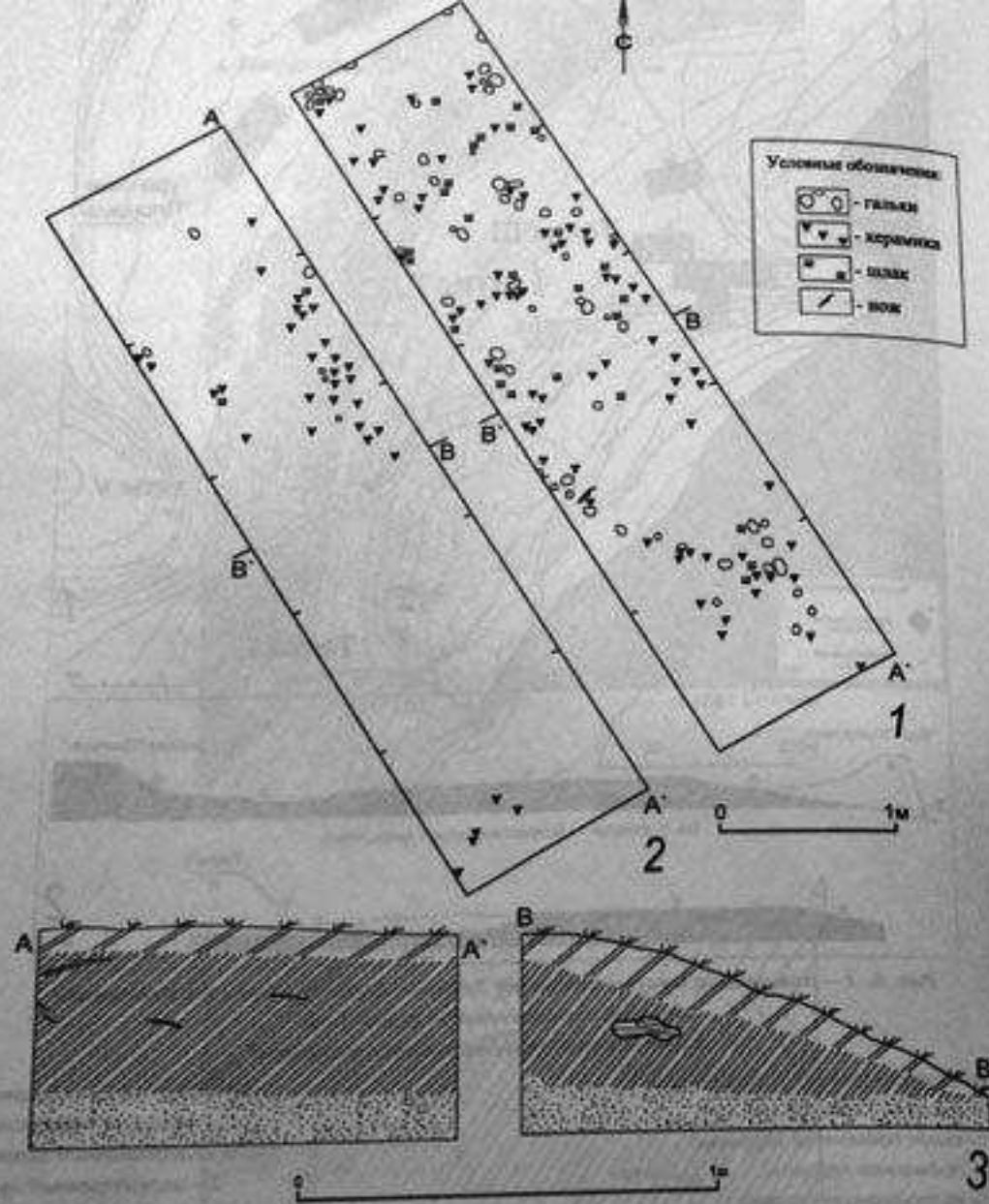

Рис. 6. Табл. II: 1-2 - схема расположения находок на первом (1) и втором (2) горизонтах; 3 - стратиграфический разрез (фрагмент)

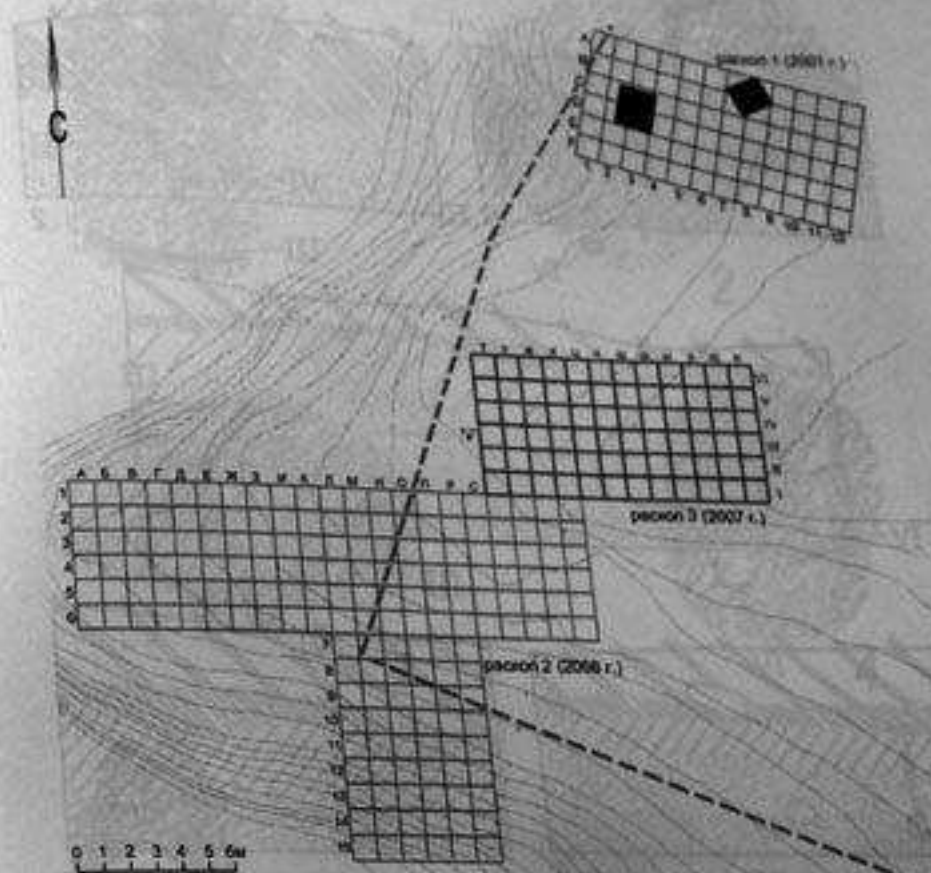

Рис. 7. Табл. III: план раскопок 2001-2007 гг. (сечение горизонталей - через 10 см; пунктиром обозначены границы вольного двора)

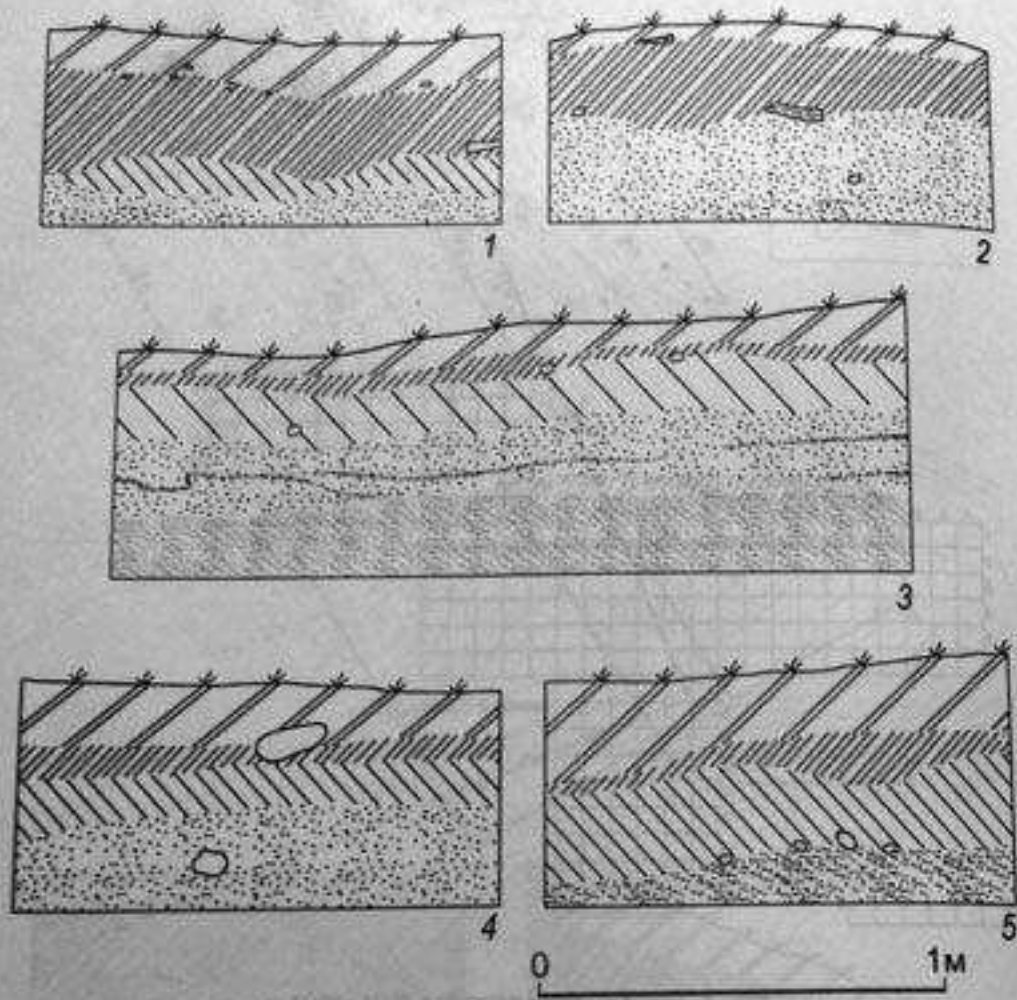

Рис. 8. Таты III, стратиграфические разрезы:
 1 – шурф № 1; 2 – шурф № 3; 3 – шурф № 4;
 4 – раскол № 2 (фрагмент); 5 – раскол № 3 (фрагмент)

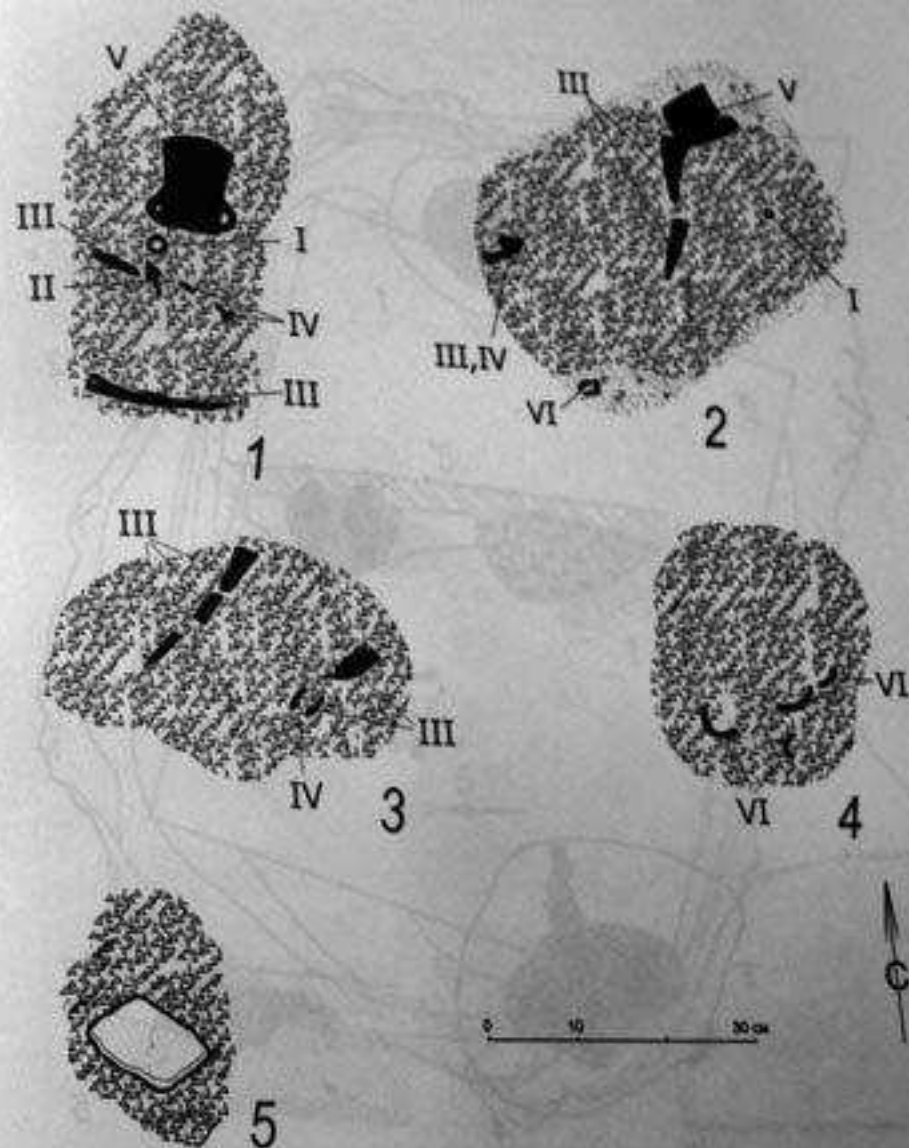

Рис. 9. Таты III, погребения 1-5,
 условные обозначения (бронзовый инвентарь):
 I – бусина; II – наконечник стрелы; III – нож / фрагмент ножа;
 IV – шило / фрагмент шила; V – тесло; VI – фрагмент кольца

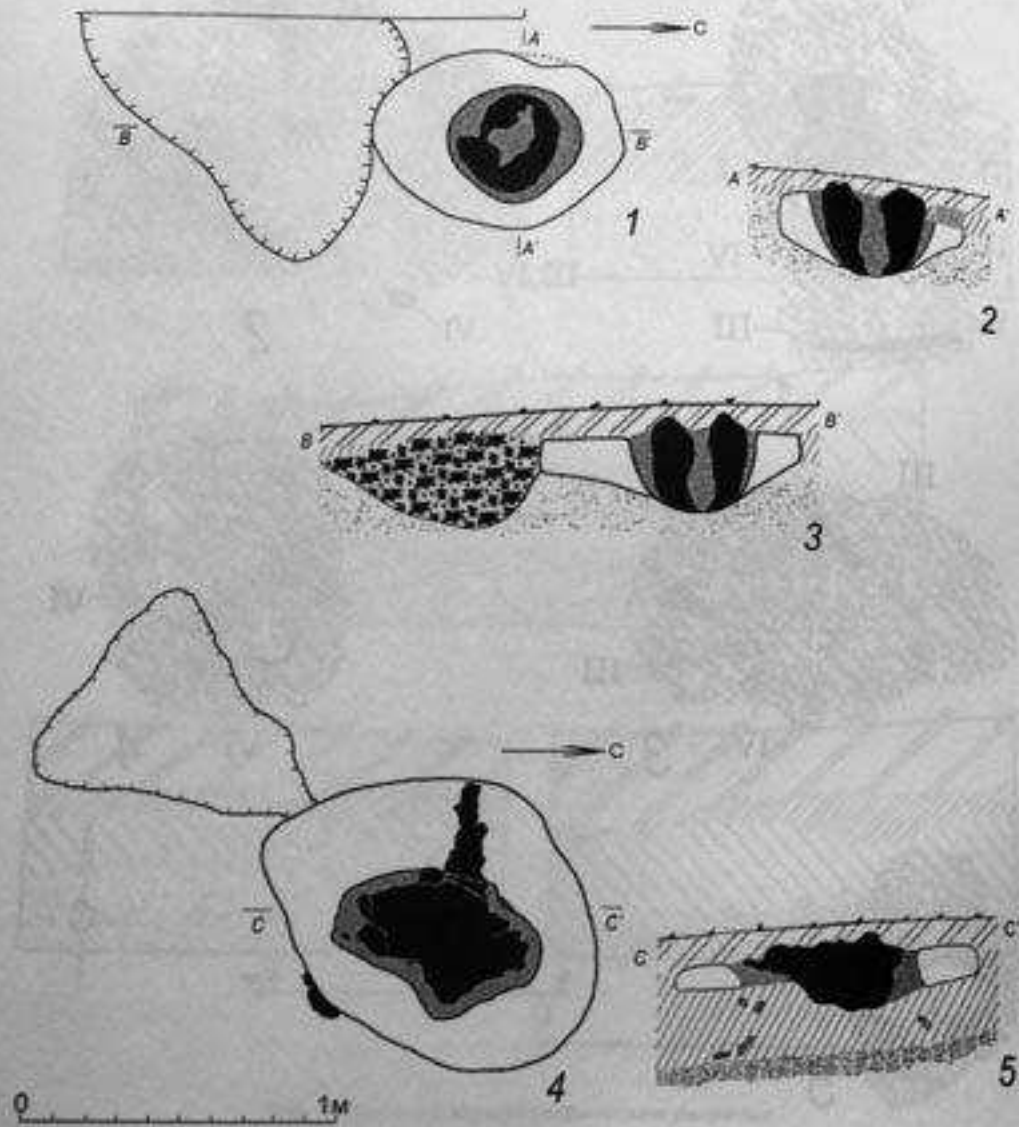

Рис. 10. Тейты III, горы 1 и 2:
1-3 - горы 1 (1 - план, 2-3 - разрезы);
4-5 - горы 2 (4 - план, 5 - разрез)

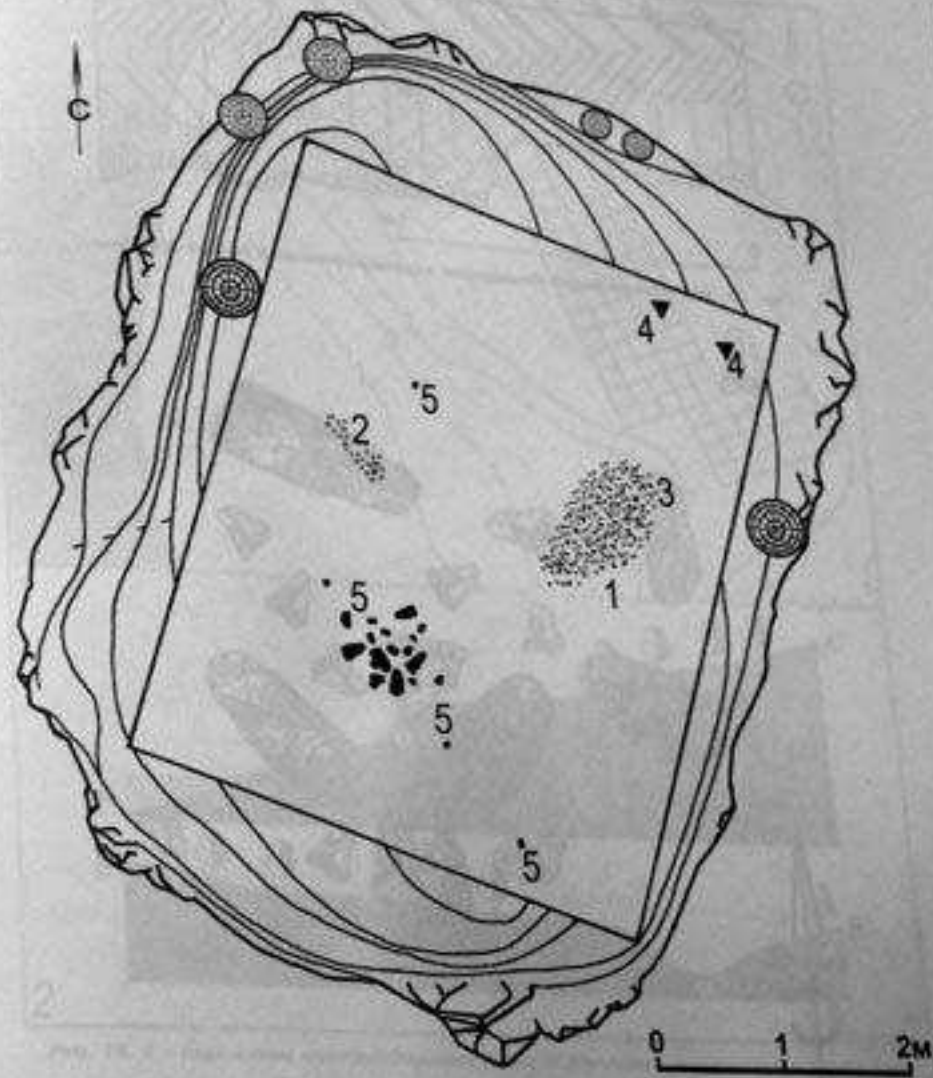

Рис. 11. Жергаенное место Каменушка: схема расположения находок и раскопа, условные обозначения:

- 1 - скопление ожженных костей животного;
- 2 - остатки скопления ожженных костей животного;
- 3 - железный наконечник стрелы;
- 4 - фрагменты керамики; 5 - каменные предметы

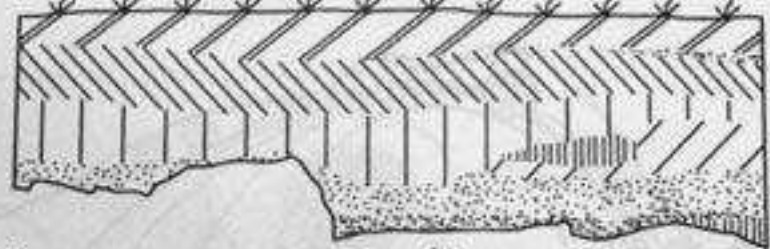

Рис. 12. Жертвенное место Каменушка: стратиграфический разрез (фрагмент)

Рис. 13. Жертвенное место Каменушка: схема расположения каменных предметов

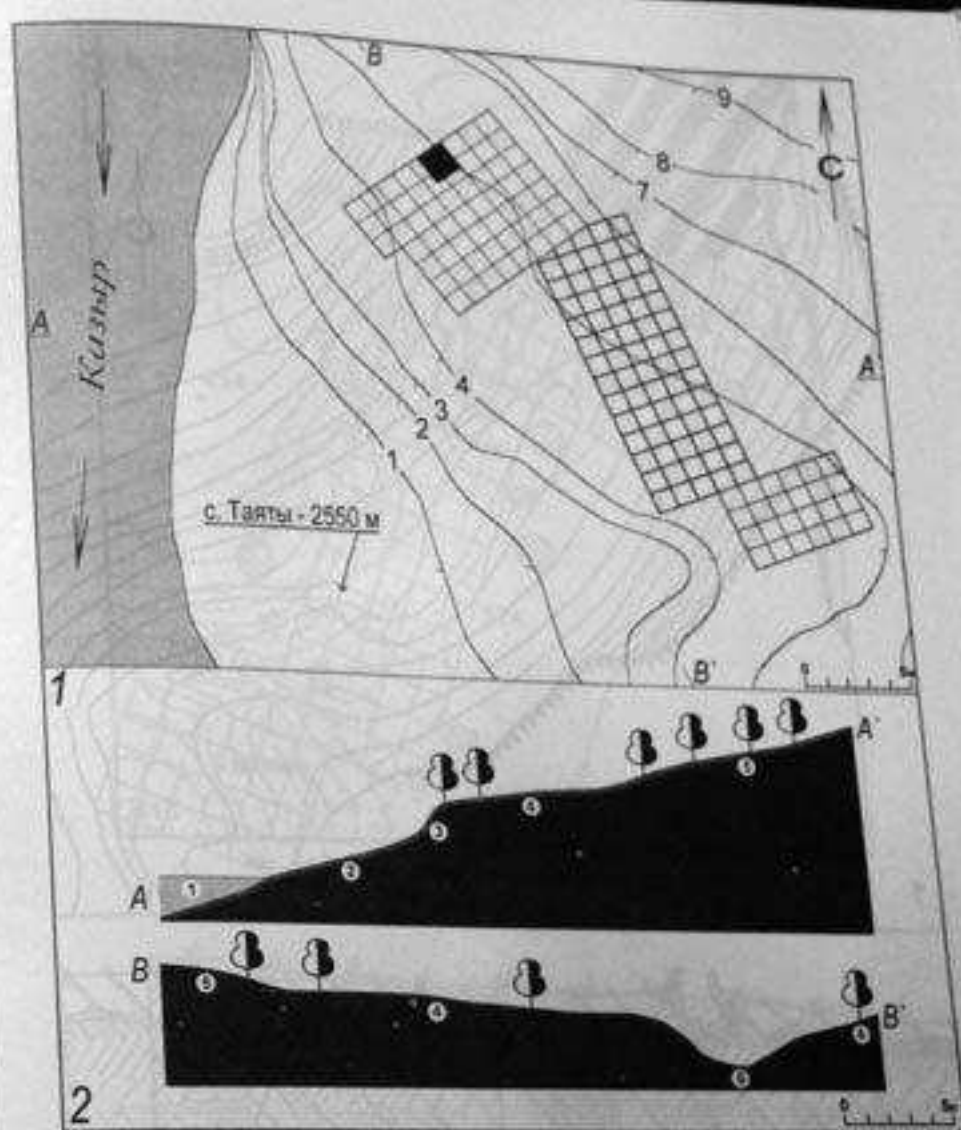

Рис. 14. 1 - план-схема местонахождения Таяты IV (сечение горизонтали - через 1 м);
2 - схема физико-географических профилей;

геоморфологические подразделения:

- 1 - русло р. Казыр;
- 2 - береговая песчано-галечная отмель;
- 3 - обрывистый склон с выходами скальниками;
- 4 - статическое понижение склона;
- 5 - горный склон;
- 6 - ложе статической впадины лога

растительные ассоциации:

- 1 - водная поверхность;
- 2 - незадернованная песчано-галечная поверхность;
- 3 - слабо задернованный склон;
- 4 - сосняк разнотравный;
- 5 - сосняк зеленомошный;
- 6 - зелено-травяной луг

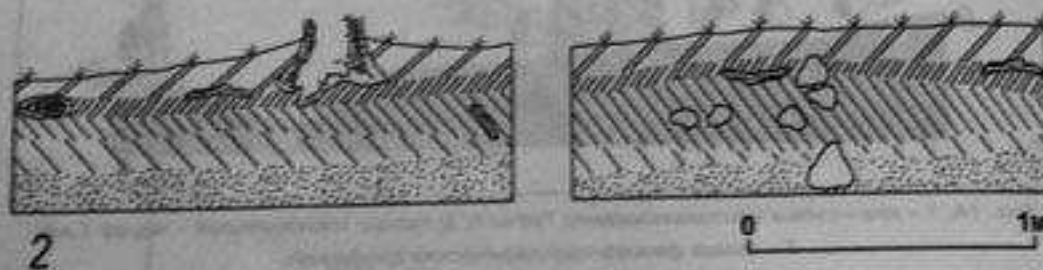
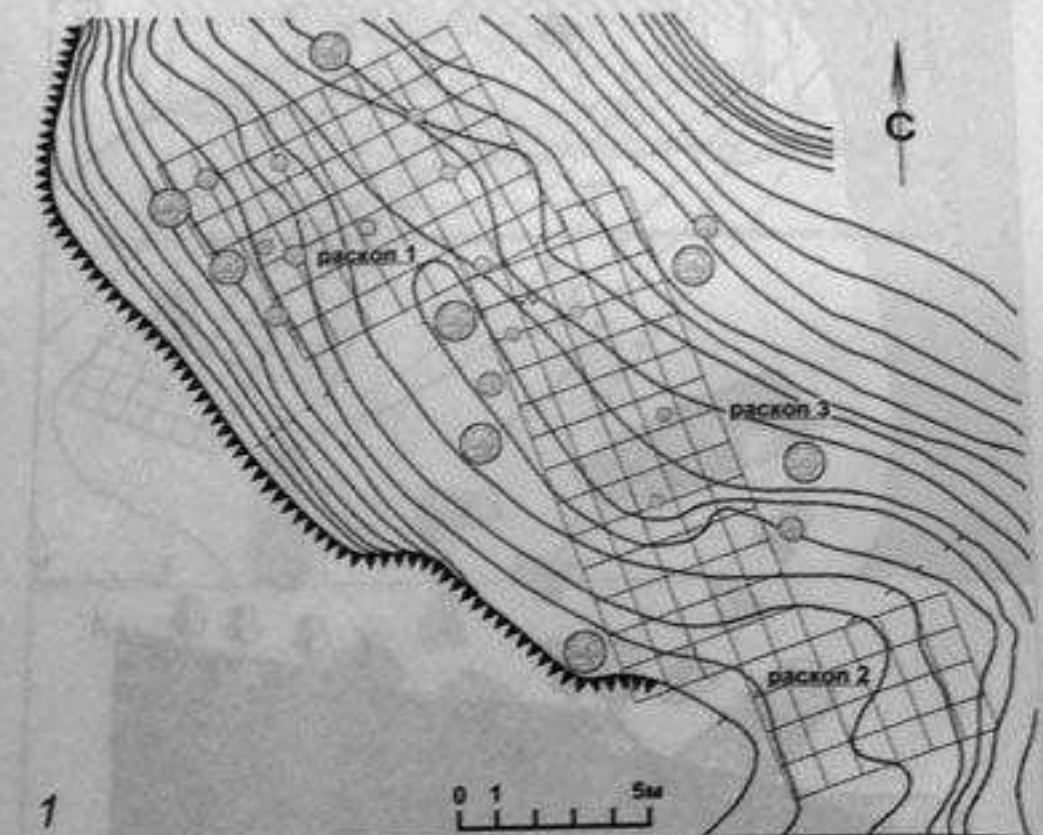

Рис. 15. Тайты IV: 1 – план раскопов 2001–2005 гг.
(сечение горизонтали – через 10 см);
2 – стратиграфические разрезы (фрагмент)

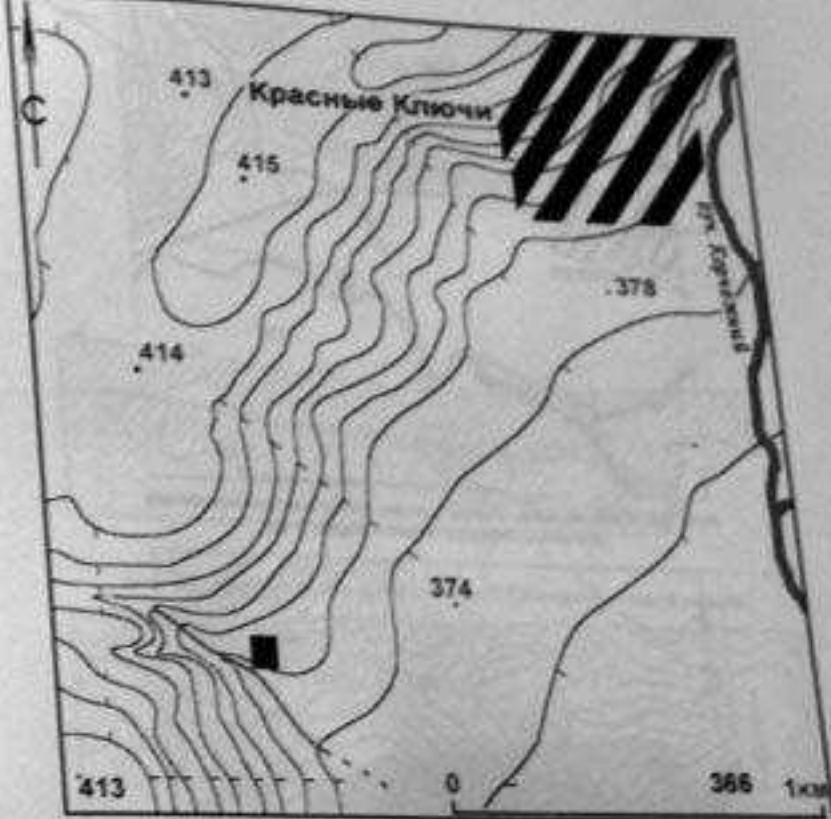

Рис. 16. Домашнее Ключ: план-схема местонахождения
(сечение горизонтали – через 1 м)

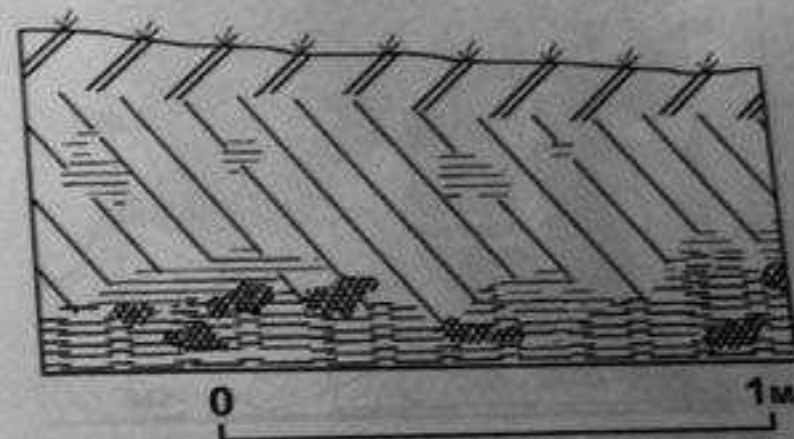

Рис. 17. Домашнее Ключ: стратиграфический разрез края террасы

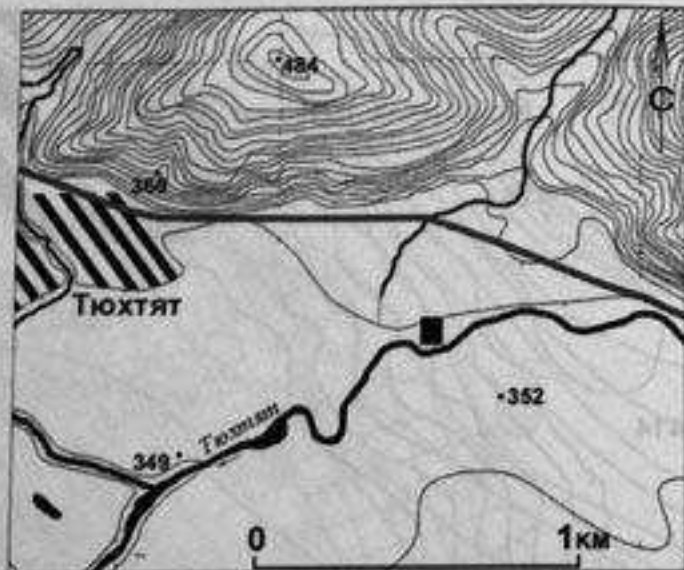

Рис. 18. Стоянка на р. Тюхтыт: план-схема местонахождения (сечение горизонталей – через 5 м)

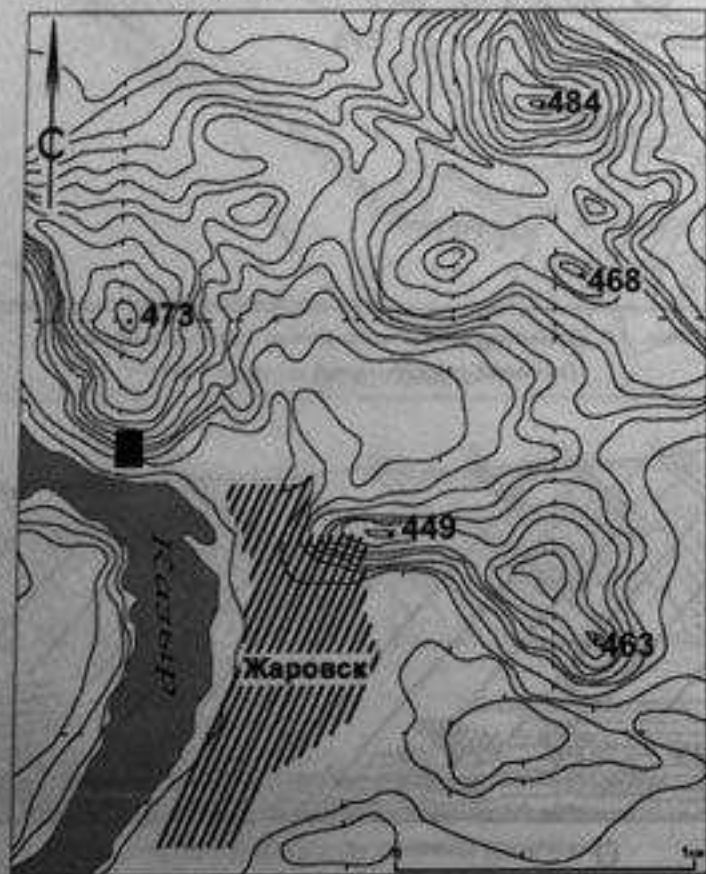

Рис. 19. Жаровская скальная стоянка: план-схема местонахождения (сечение горизонталей – через 5 м)

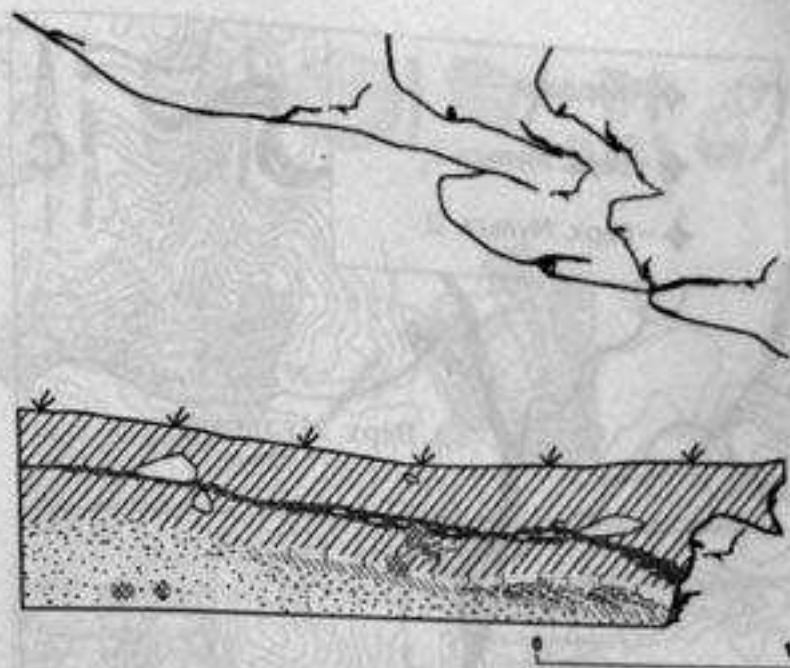

Рис. 20. Жаровская скальная стоянка: стратиграфический разрез

Рис. 21. Стоянка на оз. Убинском: план-схема местонахождения (сечение горизонталей – через 5 м)

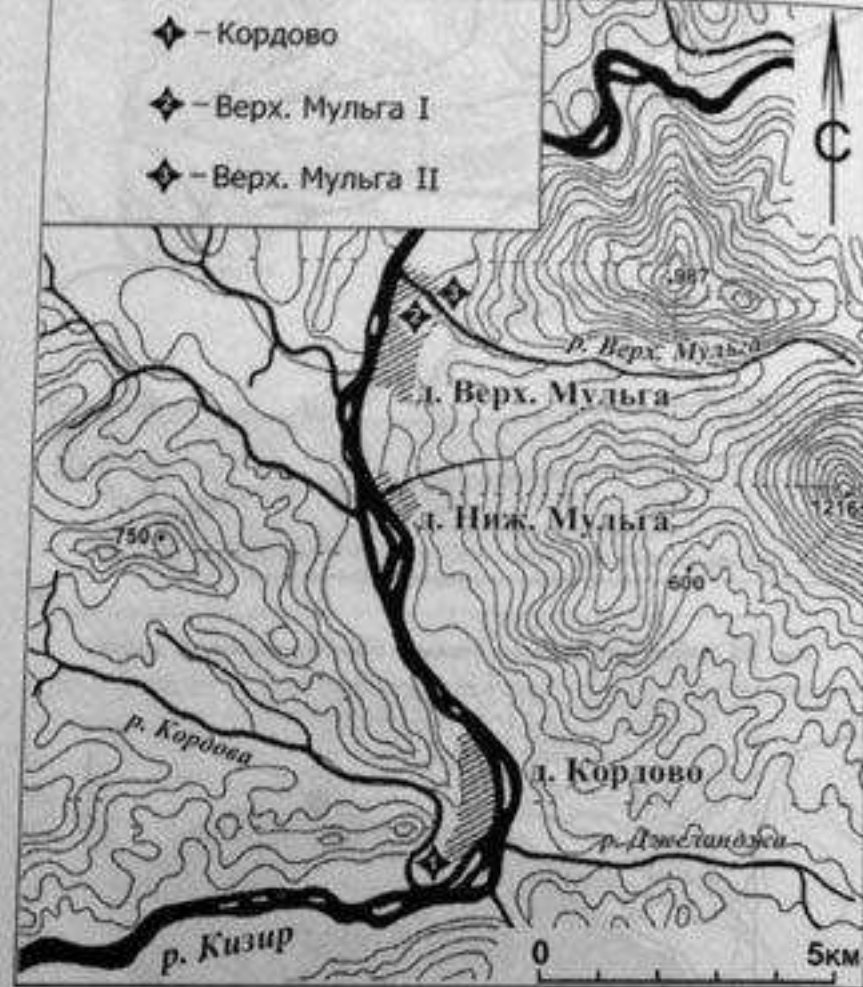

Рис. 22. План-схема местонахождений Кордово, Верхняя Мудьга I и Верхняя Мудьга II (сечение горизонтали - через 5 м)

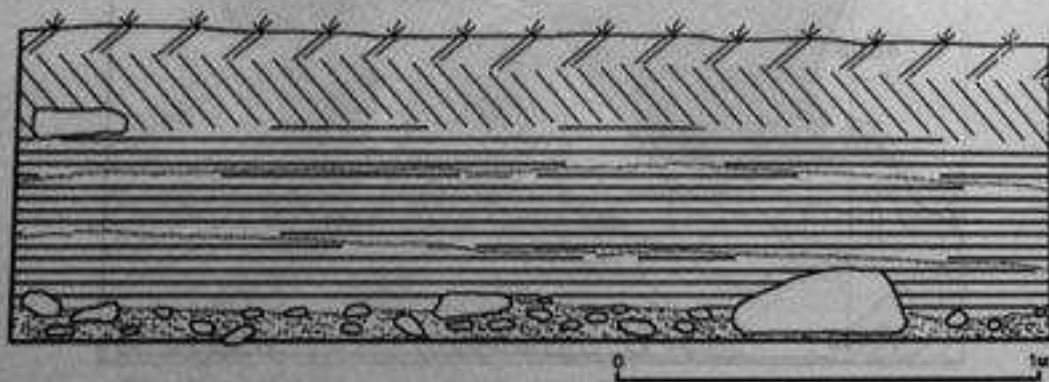

Рис. 23. Верхняя Мудьга I: стратиграфический разрез (фрагмент)

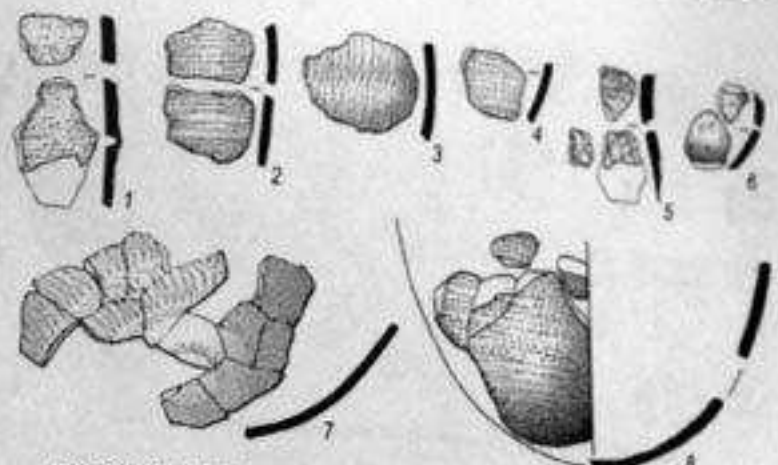

Рис. 24. Керамика, орнаментированная гребенчатой кантикой (Тяты III)

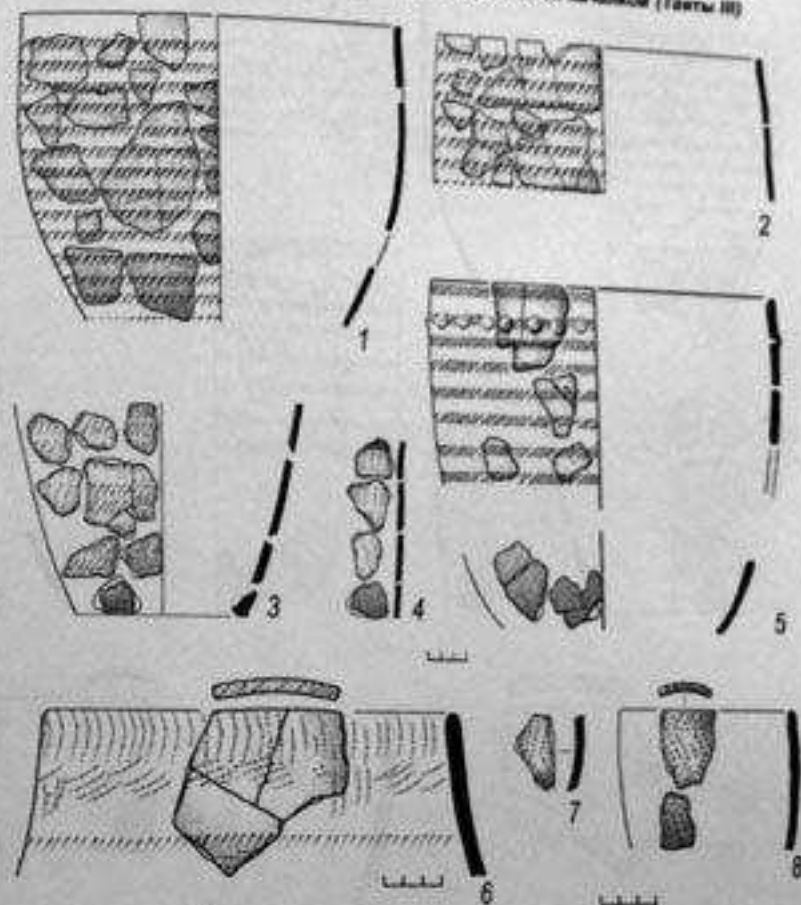

Рис. 25. Керамика, орнаментированная коротким зубчатым штампом (1, 2, 5 - Тяты IV; 3, 4, 6-8 - Тяты III)

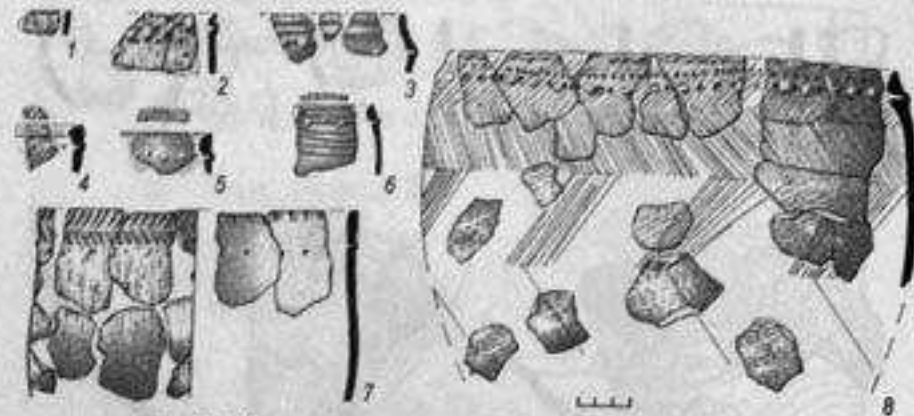

Рис. 26. Керамика со штриховой поверхностью (Тяты III)

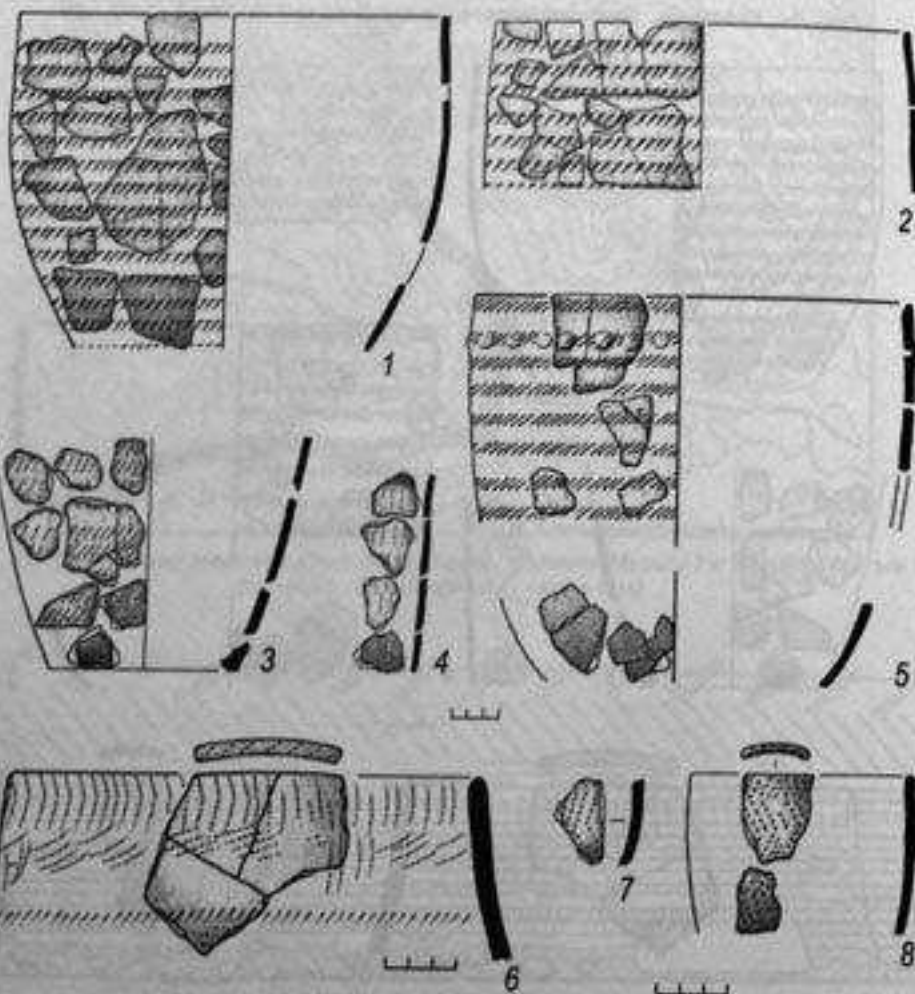

Рис. 27. Керамика со штриховой поверхностью
(1, 2, 4, 5 – Тяты IV; 3 – Верхняя Мульга I)

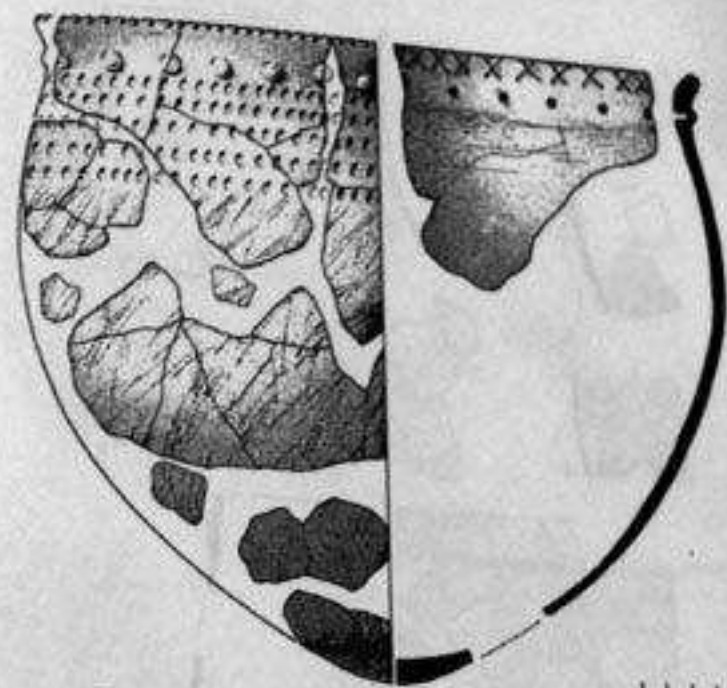

Рис. 28. Керамика со штриховой поверхностью (Тяты IV)

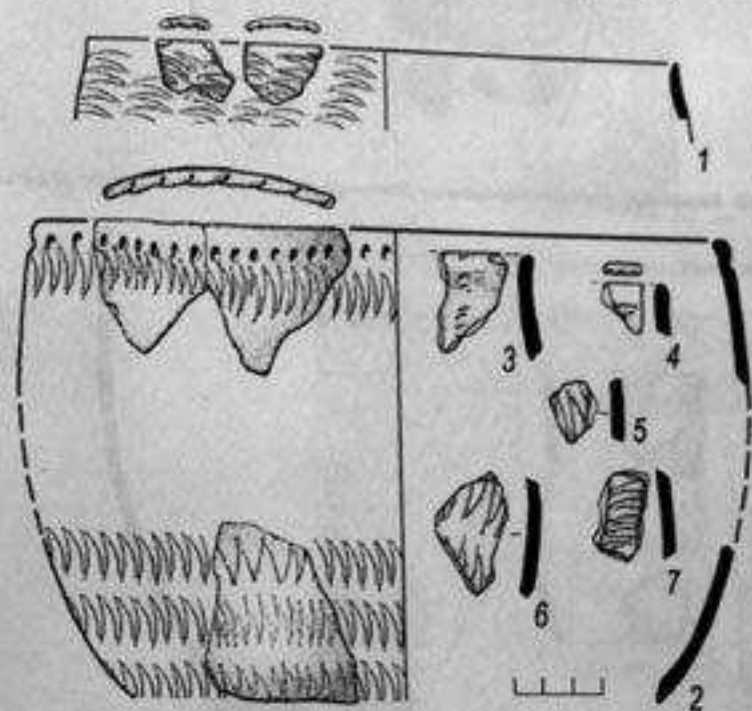

Рис. 29. Керамика, орнаментированная гладкой каечкой (Тяты III)

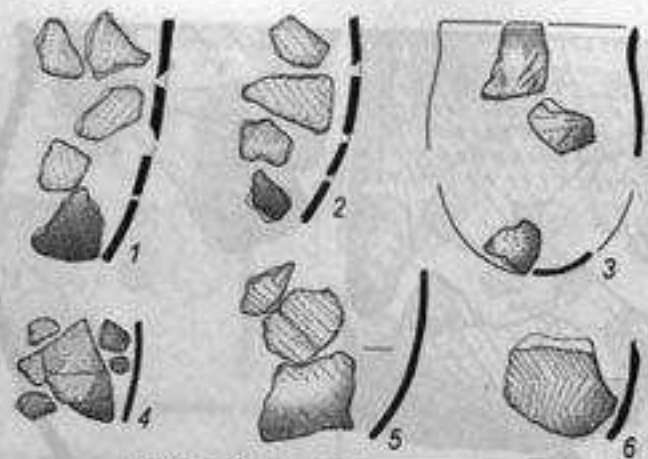

Рис. 30. Керамика, орнаментированная длинным гребенчатым штампом (Таяты III)

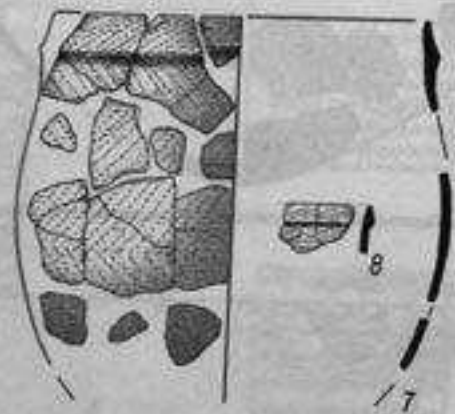

Рис. 31. Керамика, орнаментированная длинным гребенчатым штампом (Таяты IV)

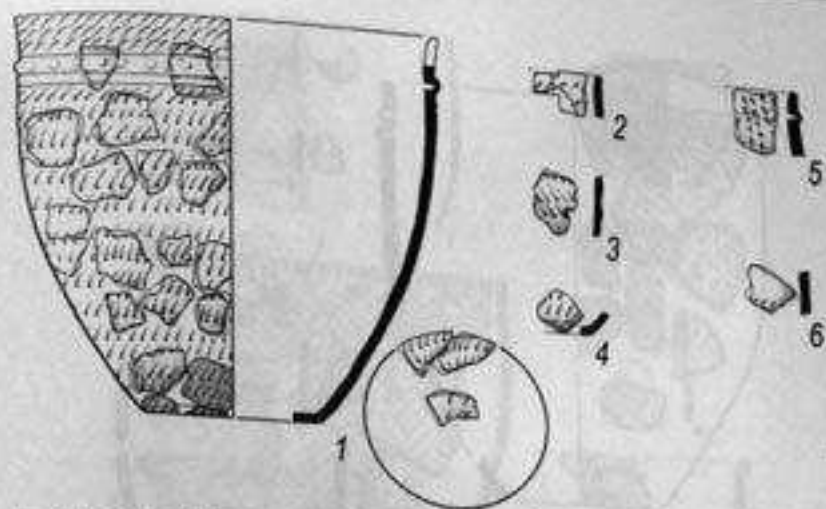
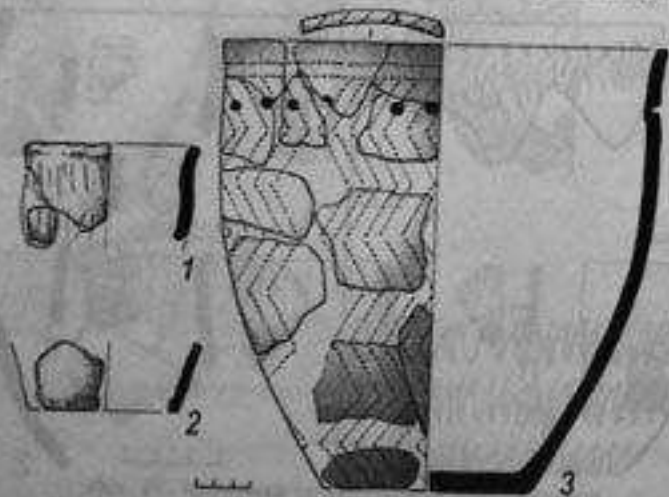

Рис. 32. Керамика с накольчато-штампованным орнаментом (Таяты III)

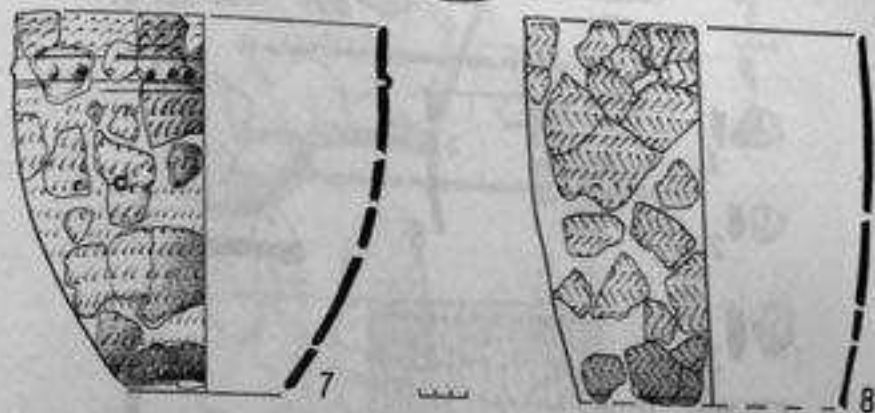
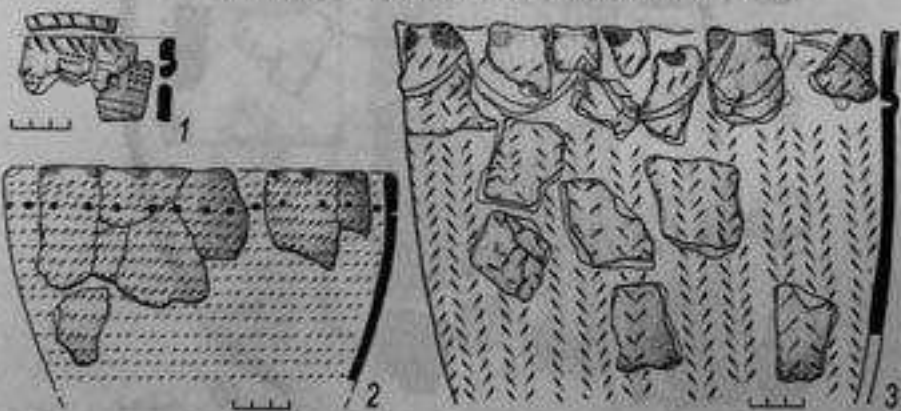

Рис. 33. Керамика с накольчато-штампованным орнаментом (Таяты III)

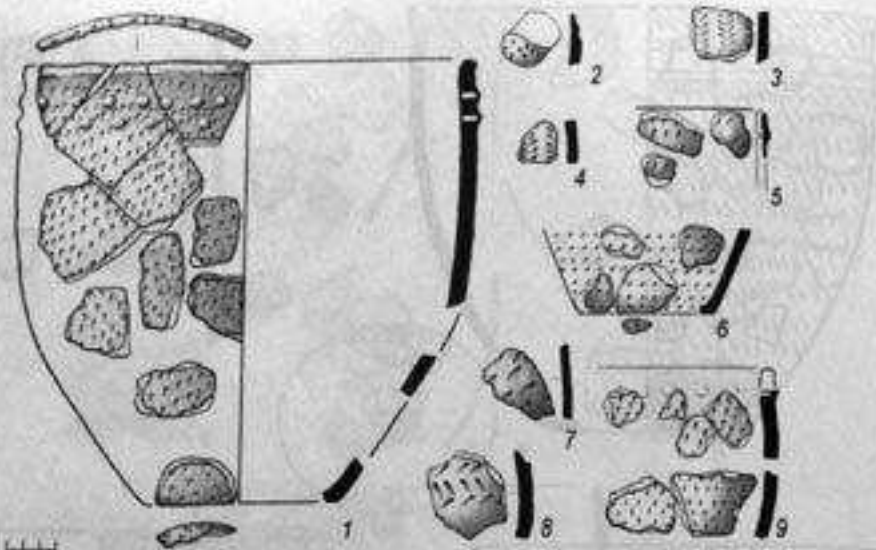

Рис. 34. Керамика окуневского типа (Таяты III)

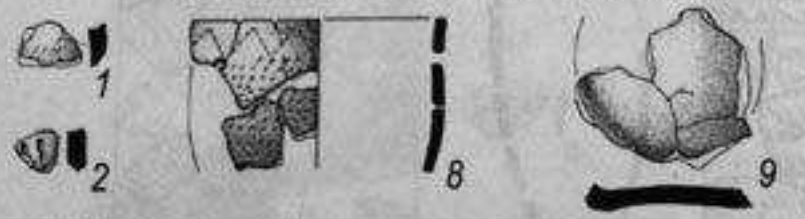

Рис. 35. Керамика окуневского типа (1-10 - Таяты IV, 11 - Верхняя Мульга I)

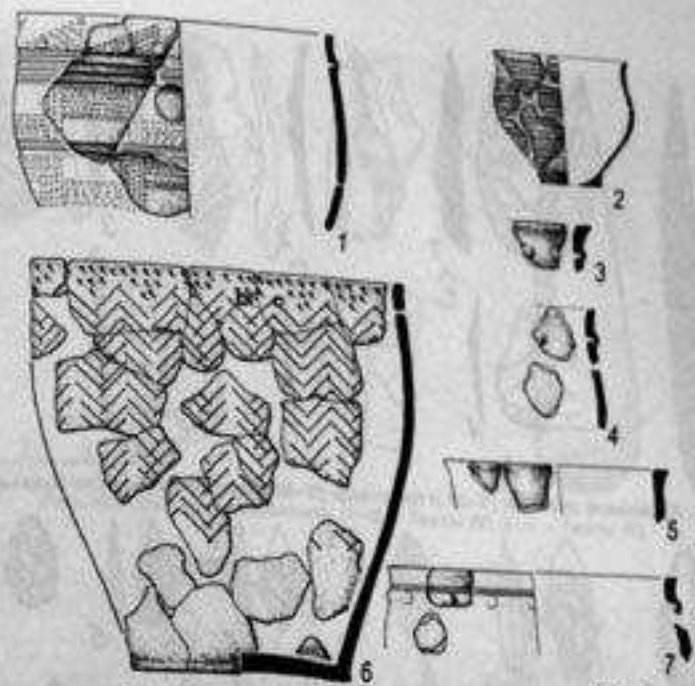

Рис. 36. Керамика андроновского типа (Таяты IV)

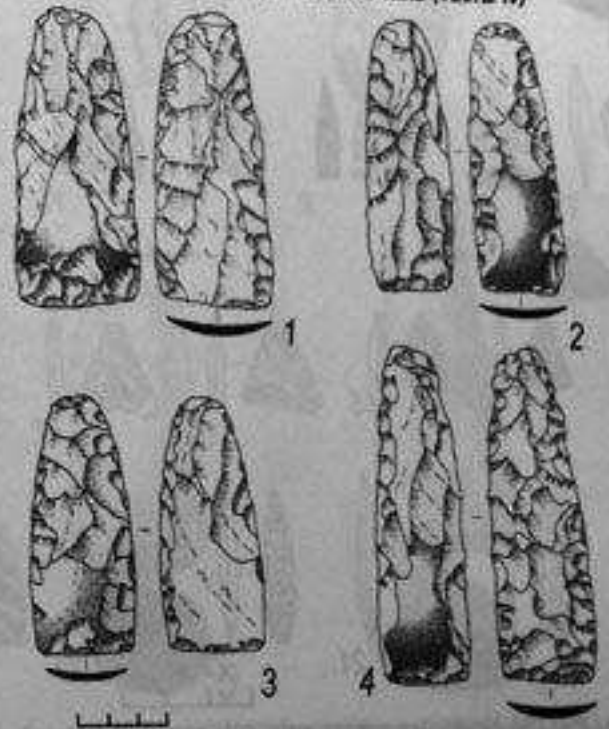

Рис. 37. Каменные топоры (жертвенное место Камешушка)

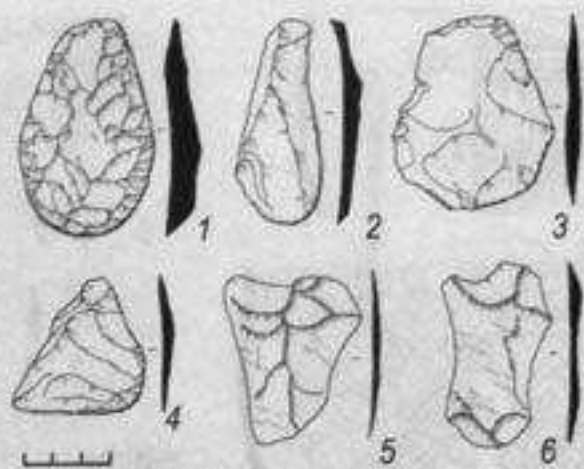

Рис. 38. Каменные сарбки (1-2) и пластины (3-6) (жертвенное место Камелушка)

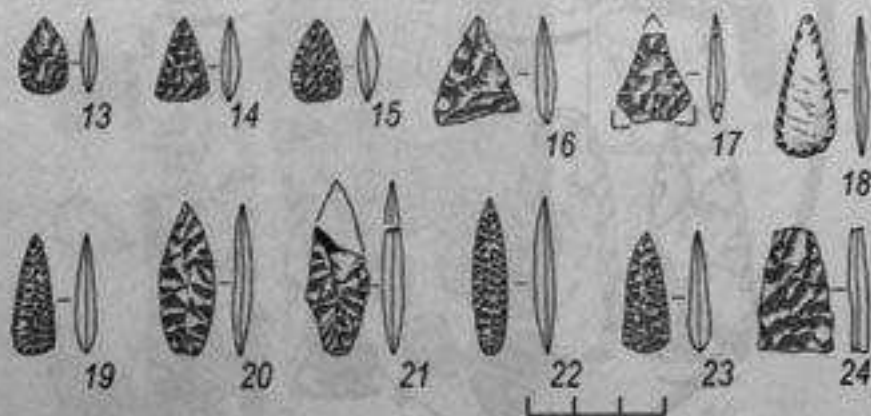
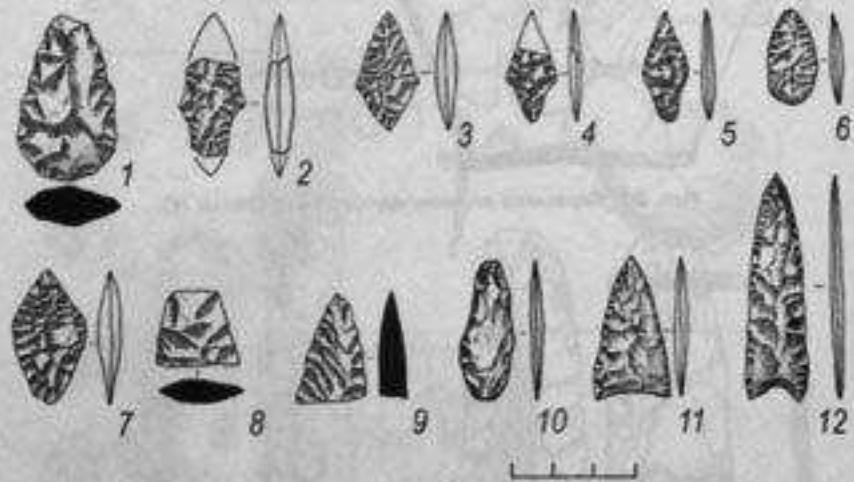

Рис. 39. Каменные наконечники стрел и дротиков (1 - Верхняя Мульга I; 2-12 - Таяты III; 13-24 - Таяты IV)

Рис. 40. Каменные проколки (1-2 - Таяты IV; 3-4 - Таяты III)

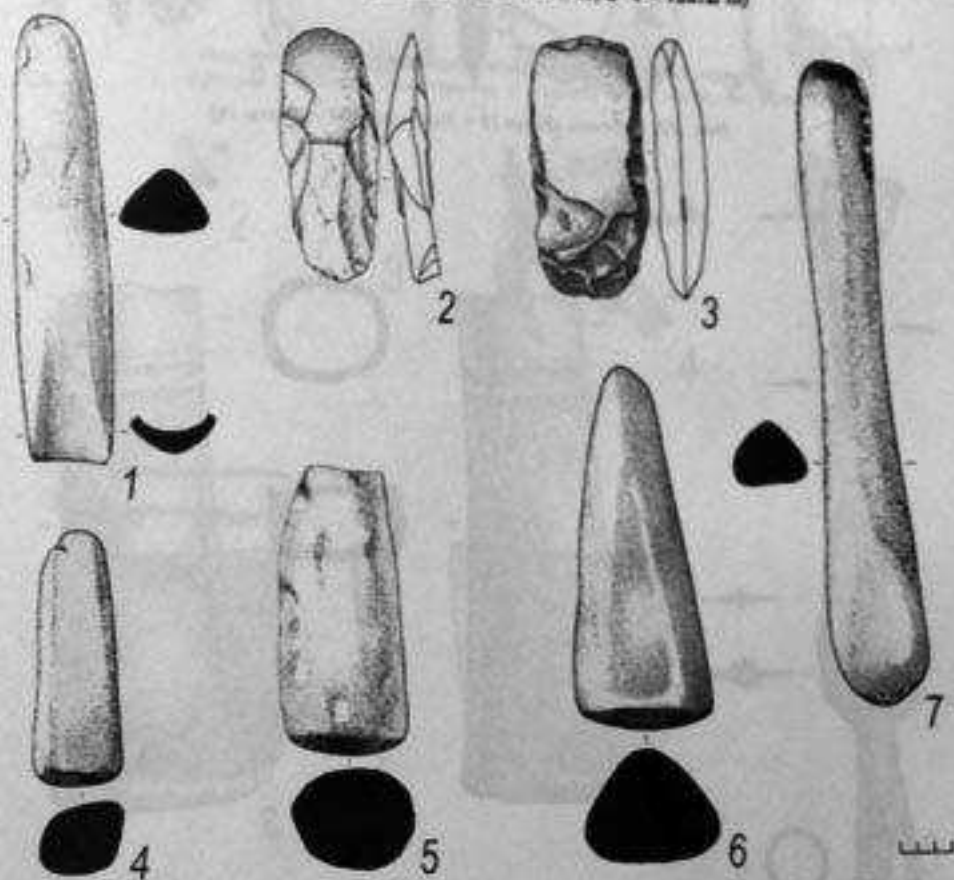

Рис. 41. Каменное тесло (1), заготовка тесла (2), наконечник мотыги (3), песты (4-6), колотушка (7) (1 - Демьянов ключ; 2, 4, 5 - Таяты IV; 3, 5 - Таяты III)

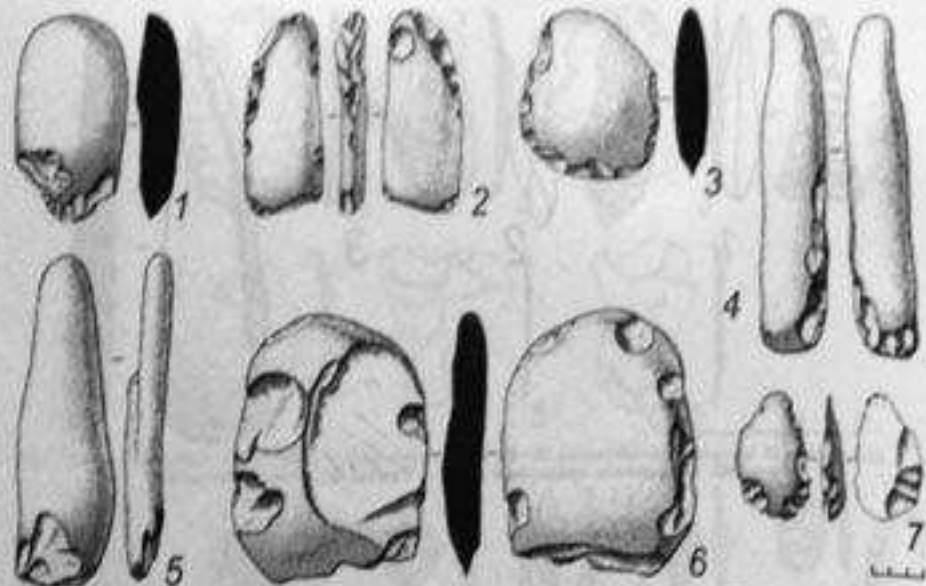

Рис. 42. Рабочие каменные (1 – Тазки III; 2-7 – Тазки IV)

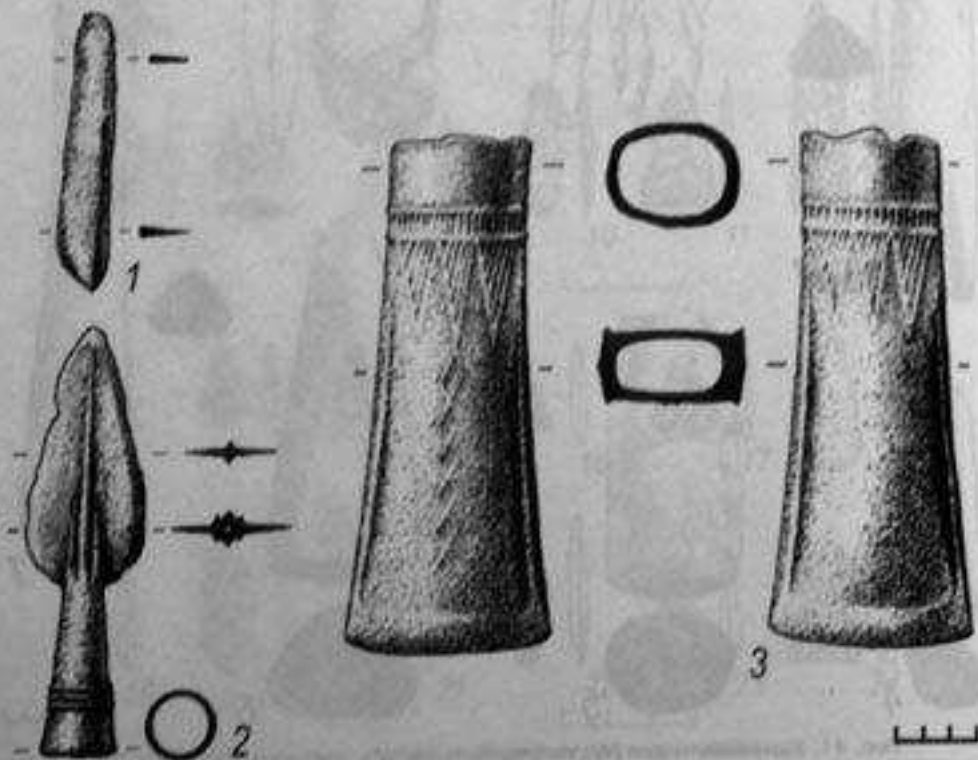

Рис. 43. Бронзы сейминско-турбинского типа (Верхняя Мулга I)

Рис. 44. Бронзы тагарского типа (Тазки III, погребение 1):
1 – бусина, 2 – наконечник стрелы, 3 – шило, 4-5 – ножи, 6 – чашка

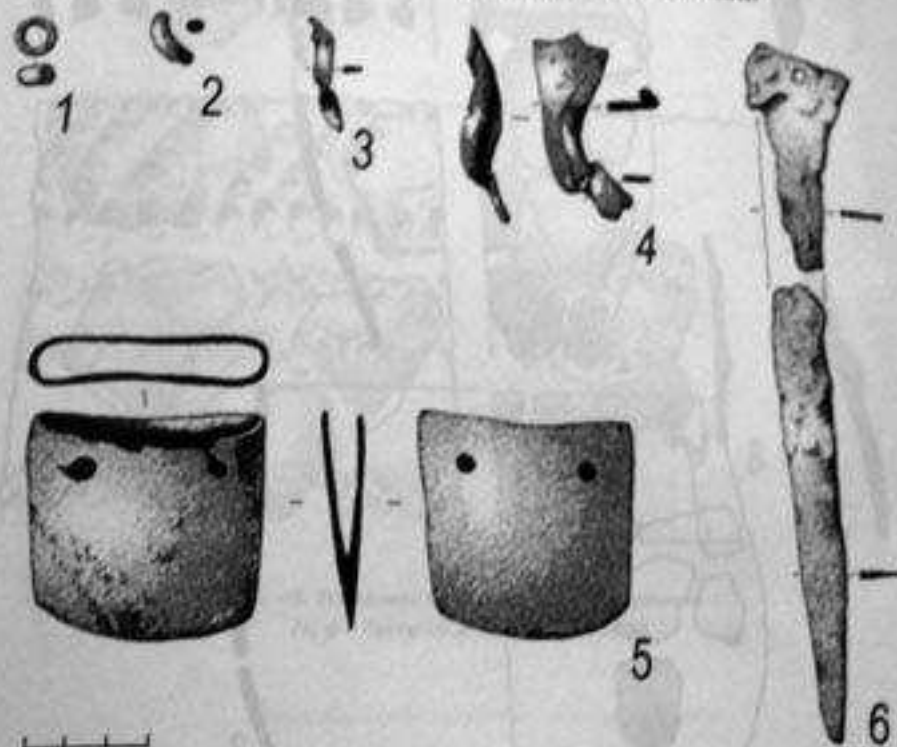

Рис. 45. Бронзы тагарского типа (Тазки III, погребение 2):
1 – бусина, 2-3 – фрагменты ножа и шила, 4 – фрагмент ножа, 5 – тесло, 6 – нож

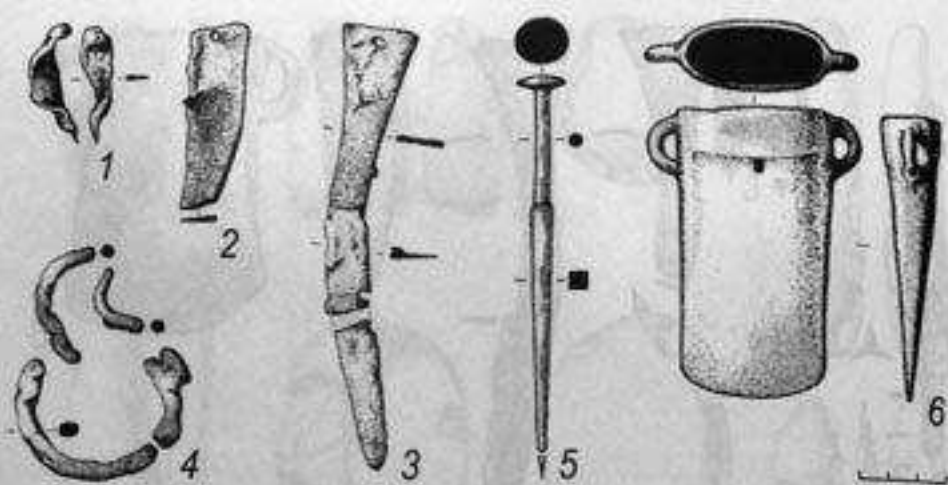

Рис. 46. Бронзы тагарского типа (1-3 - Таяты III, погребение 3; 4 - Таяты III, погребение 4; 5 - Таяты III, находка и слюе; 6 - Гуляевский порог, случайная находка); 1, 5 - шило; 2-3 - фрагменты ножа; 4 - фрагменты кольца; 6 - кольцо

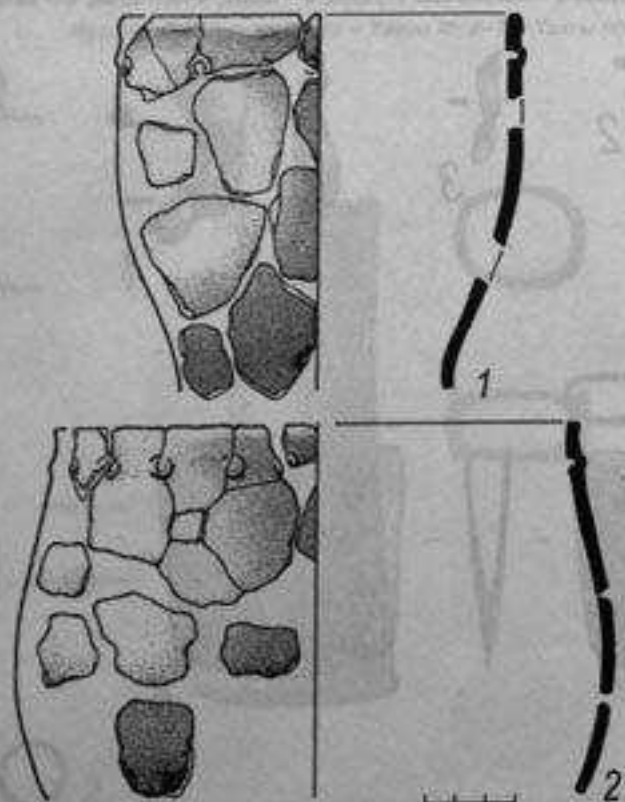

Рис. 47. Керамика тагарского типа (Таяты IV)

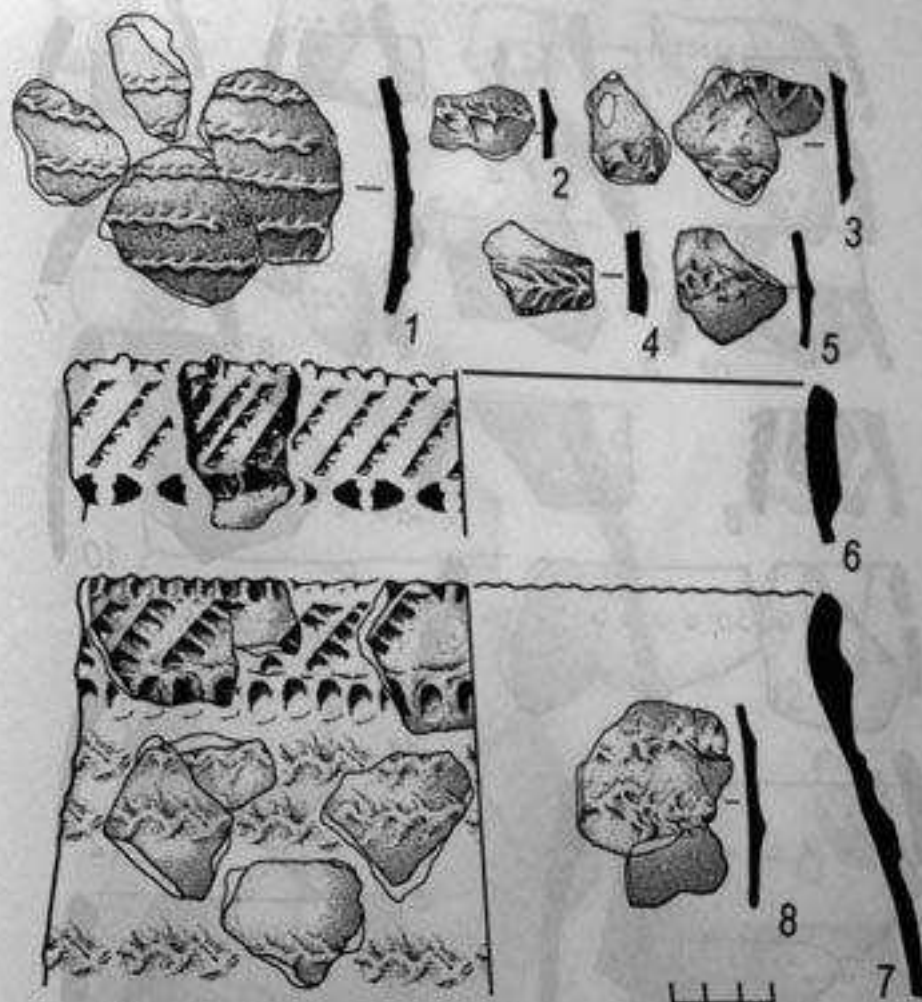

Рис. 48. Валникоая керамика скифского времени (1, 6 - Таяты IV; 2-5, 7-8 - Таяты III)

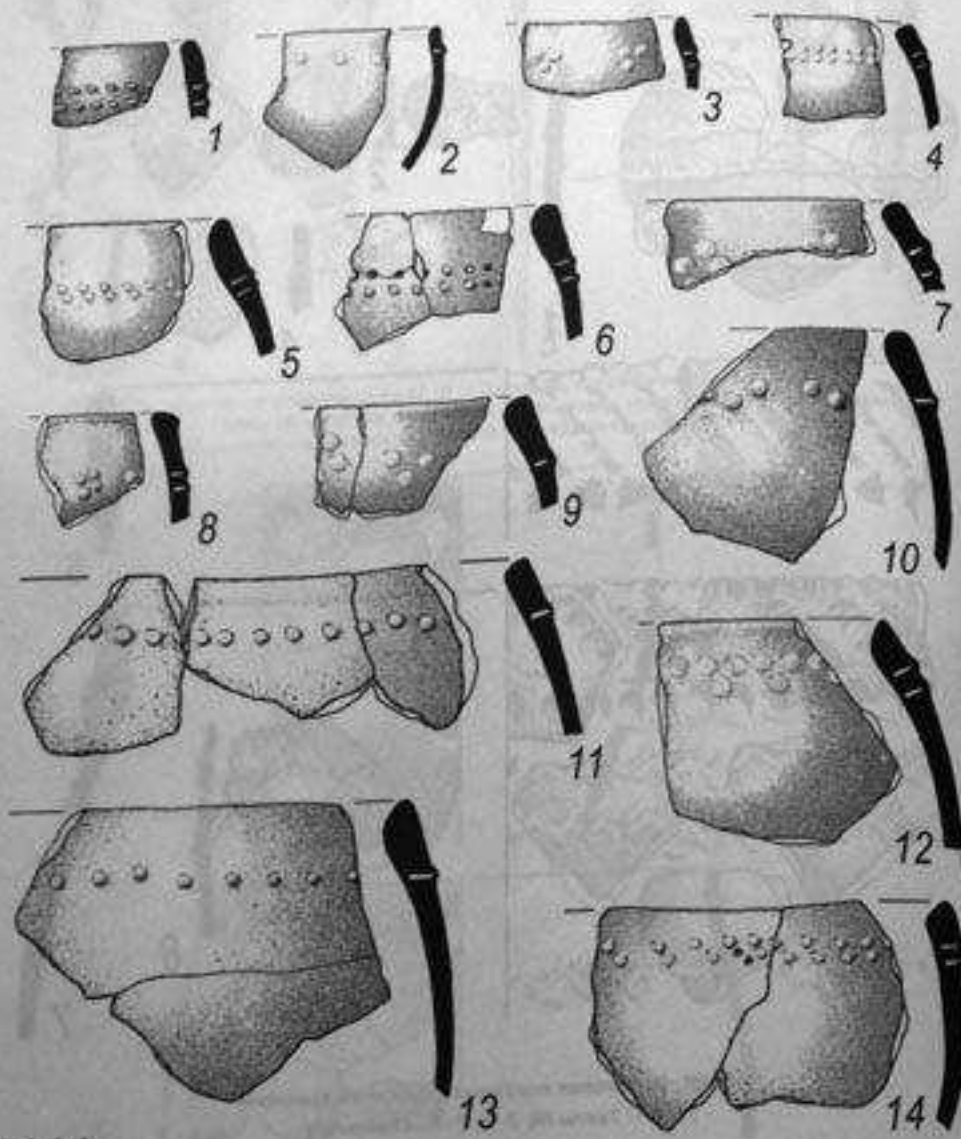

Рис. 49. Керамика таштыкского типа (Тейты III)

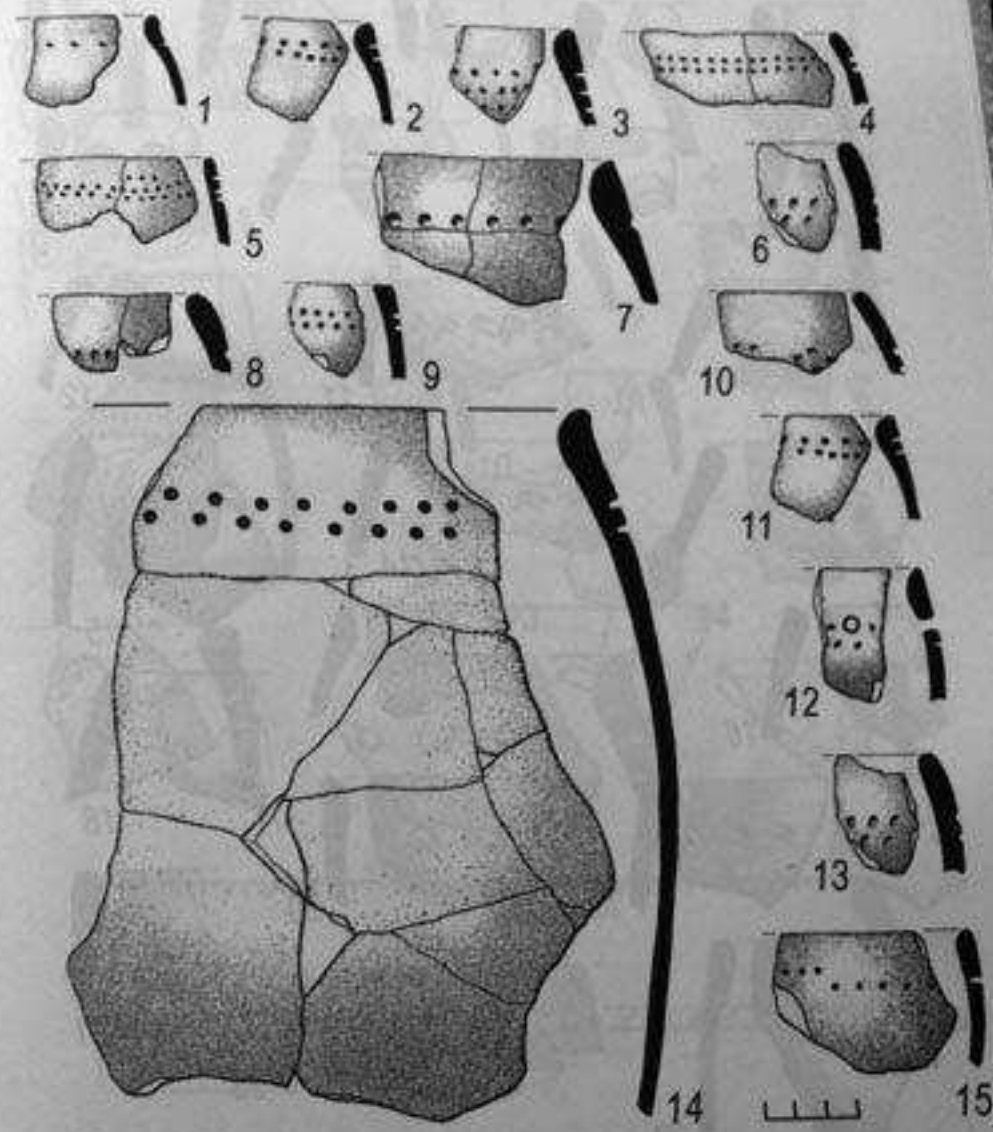

Рис. 50. Керамика таштыкского типа (Тейты III)

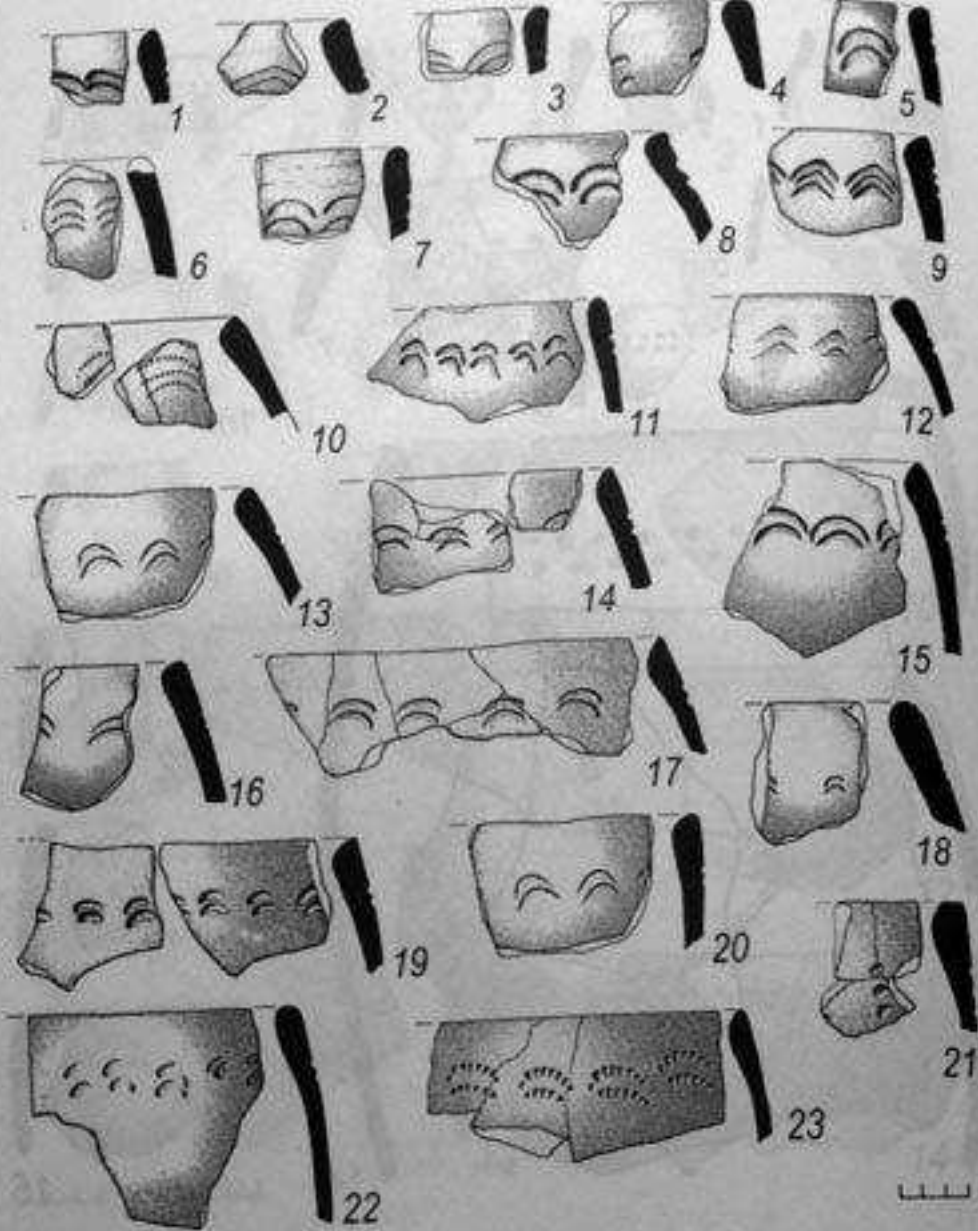

Рис. 51. Керамика таштыкского типа (Ташты III)

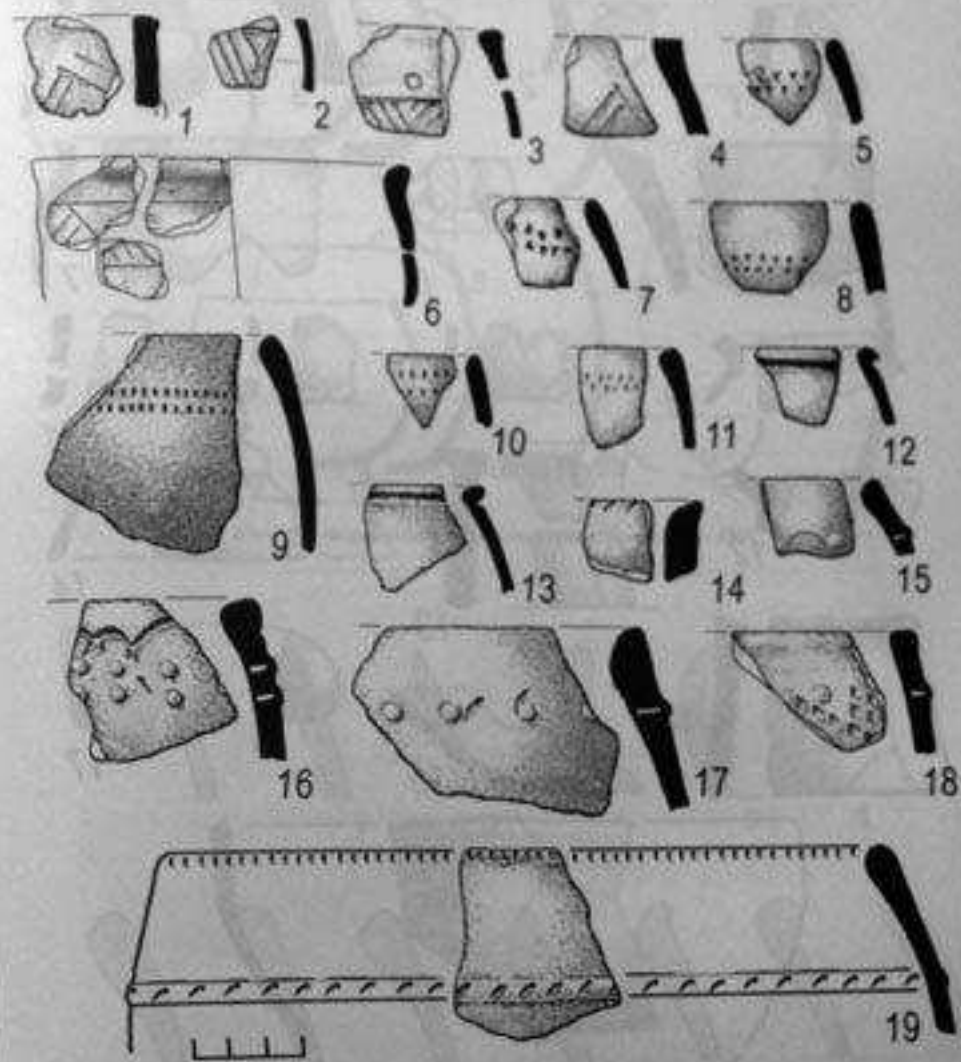

Рис. 52. Керамика таштыкского типа (Ташты III)

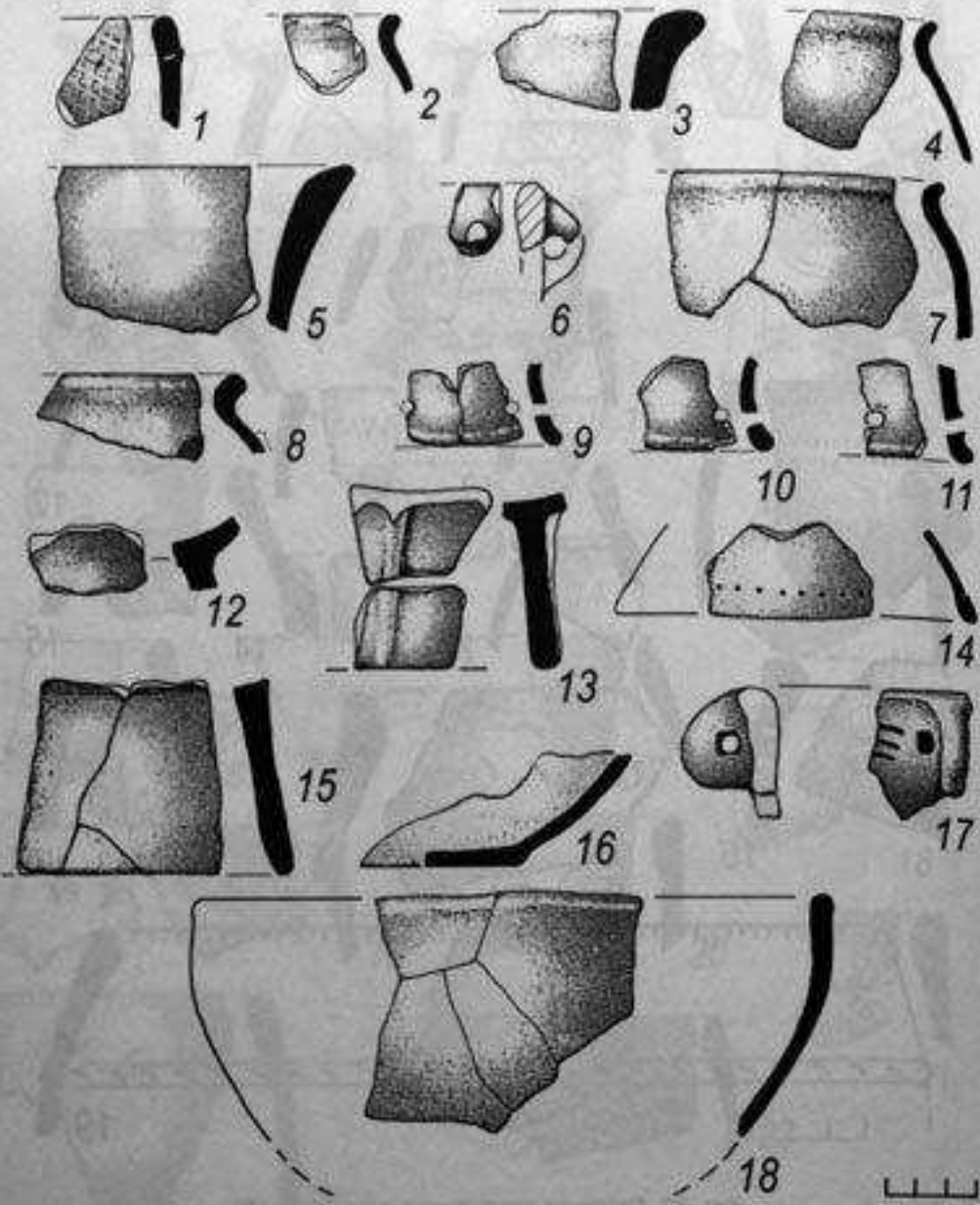

Рис. 53. Керамика таштыкского типа (Таяты III)

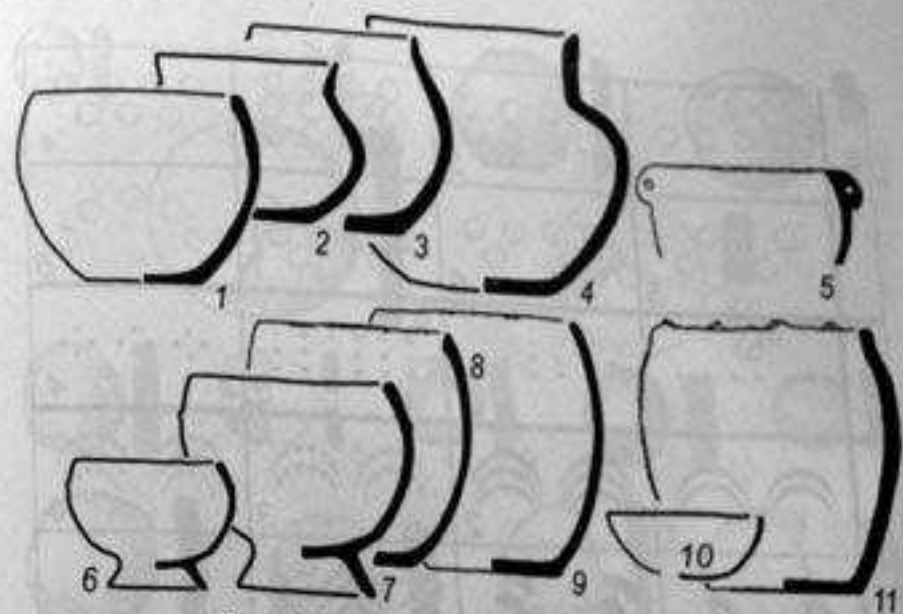

Рис. 54. Морфология керамики таштыкского типа ККР

Рис. 55. Типы венчиков сосудов таштыкского типа ККР

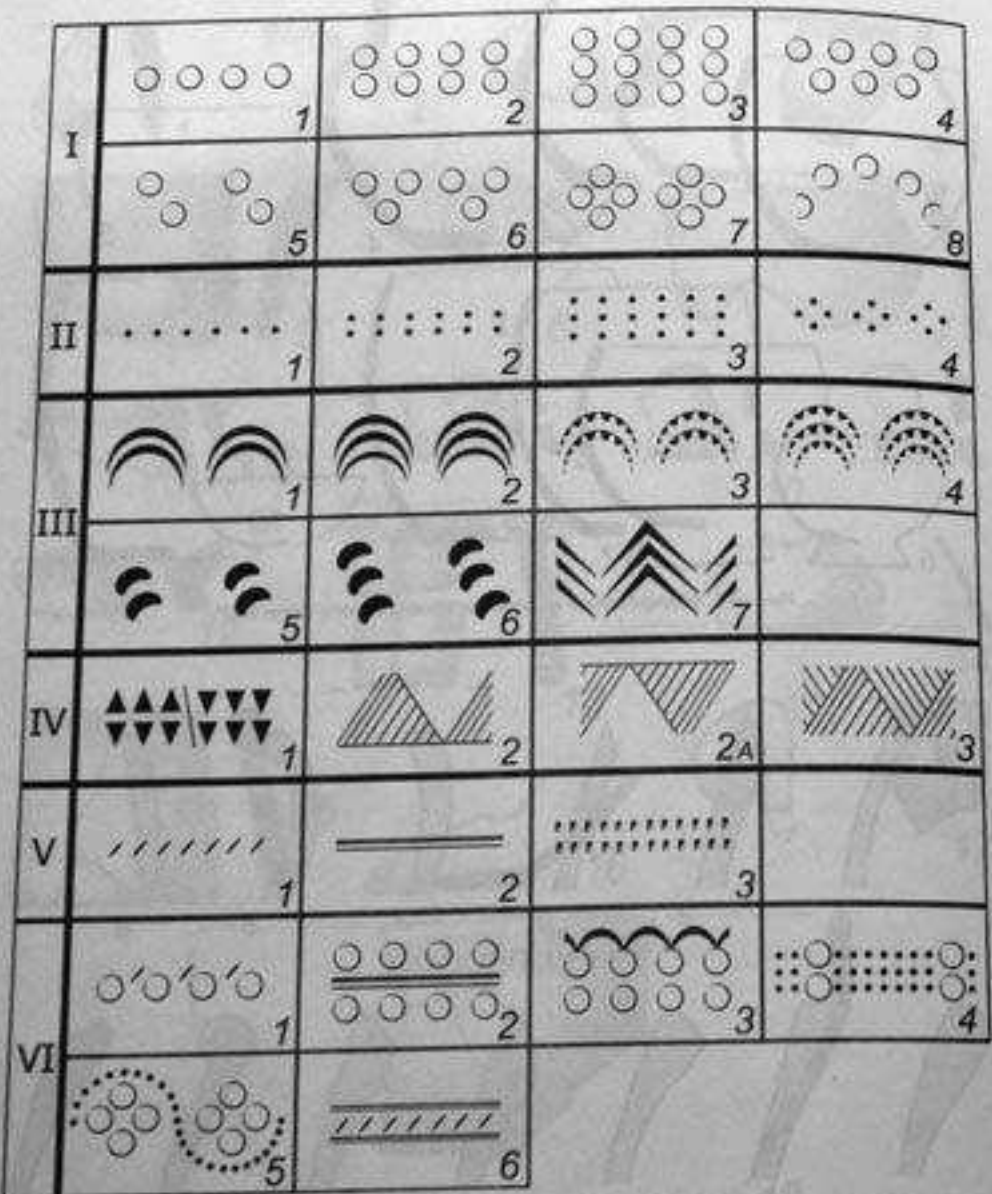

Рис. 56. Мотивы орнаментации керамики таштыкского типа ККР

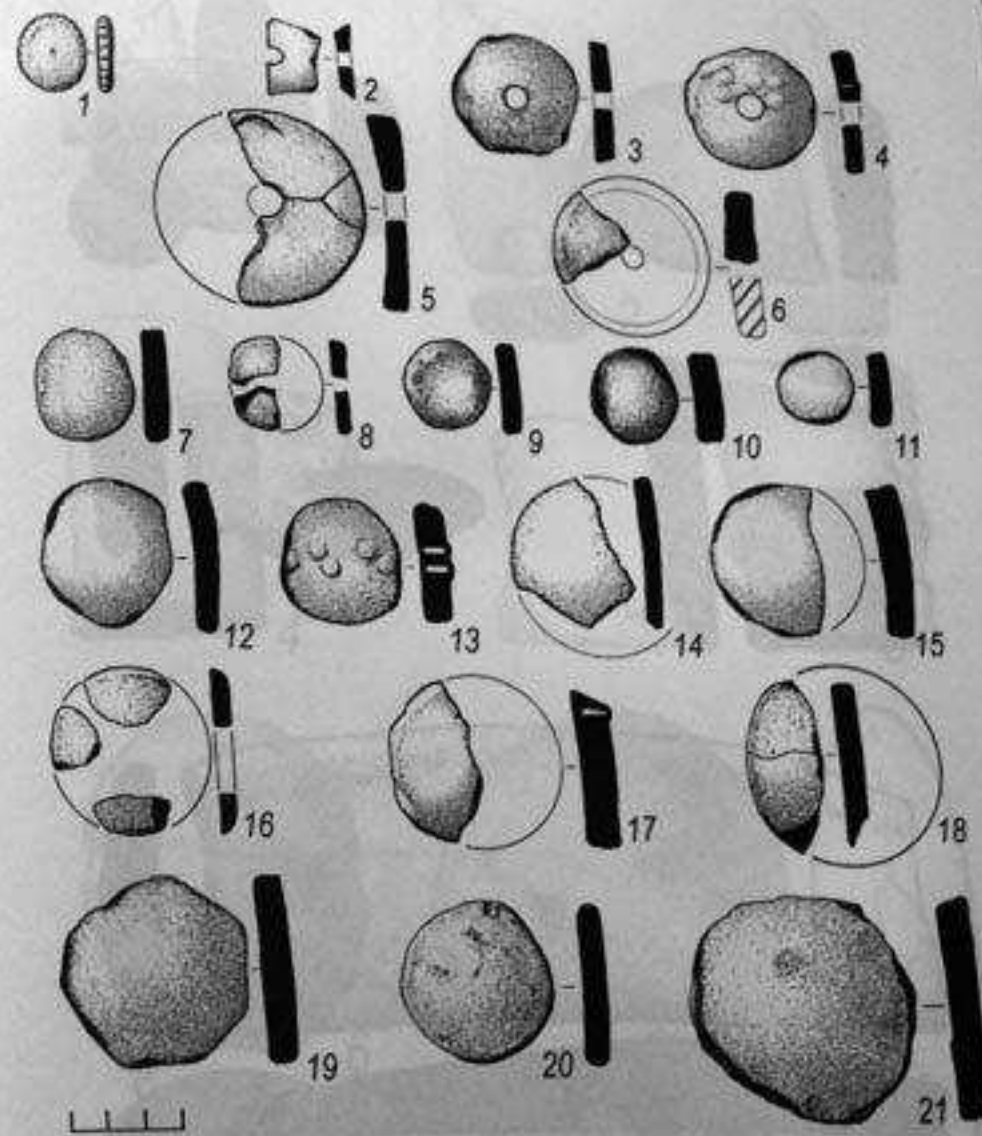

Рис. 57. Материалы таштыкского типа:
 1 - каменный орнаментир, 2-6 - керамические прясла,
 7-19 - керамические «фишки», 20-21 - каменные «фишки»
 (1-9, 12-21 - Ташты III; 10-11 - Ташты IV)

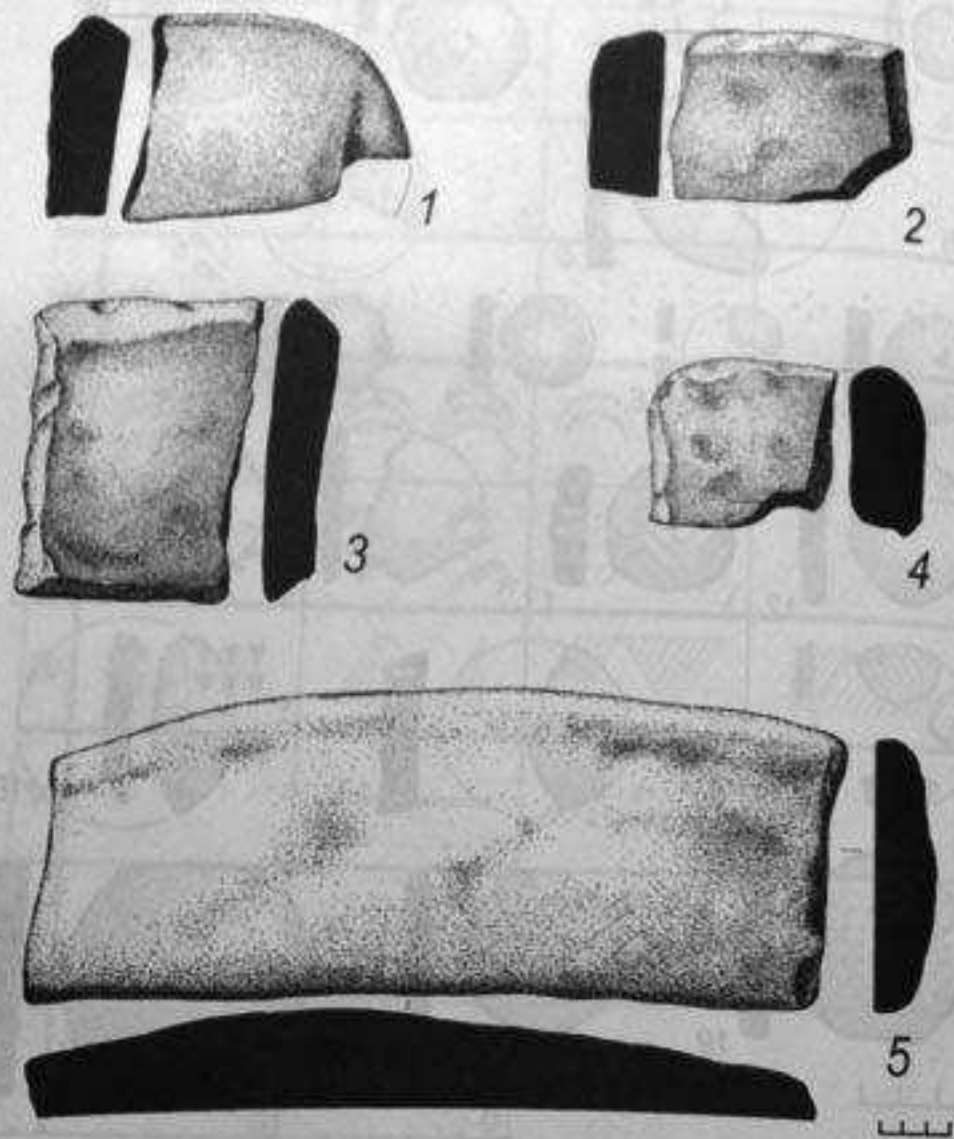

Рис. 58. Материалы ташкентского типа:
1-4 - фрагменты зернотарок, 5 - зернотерка (Ташкент III)

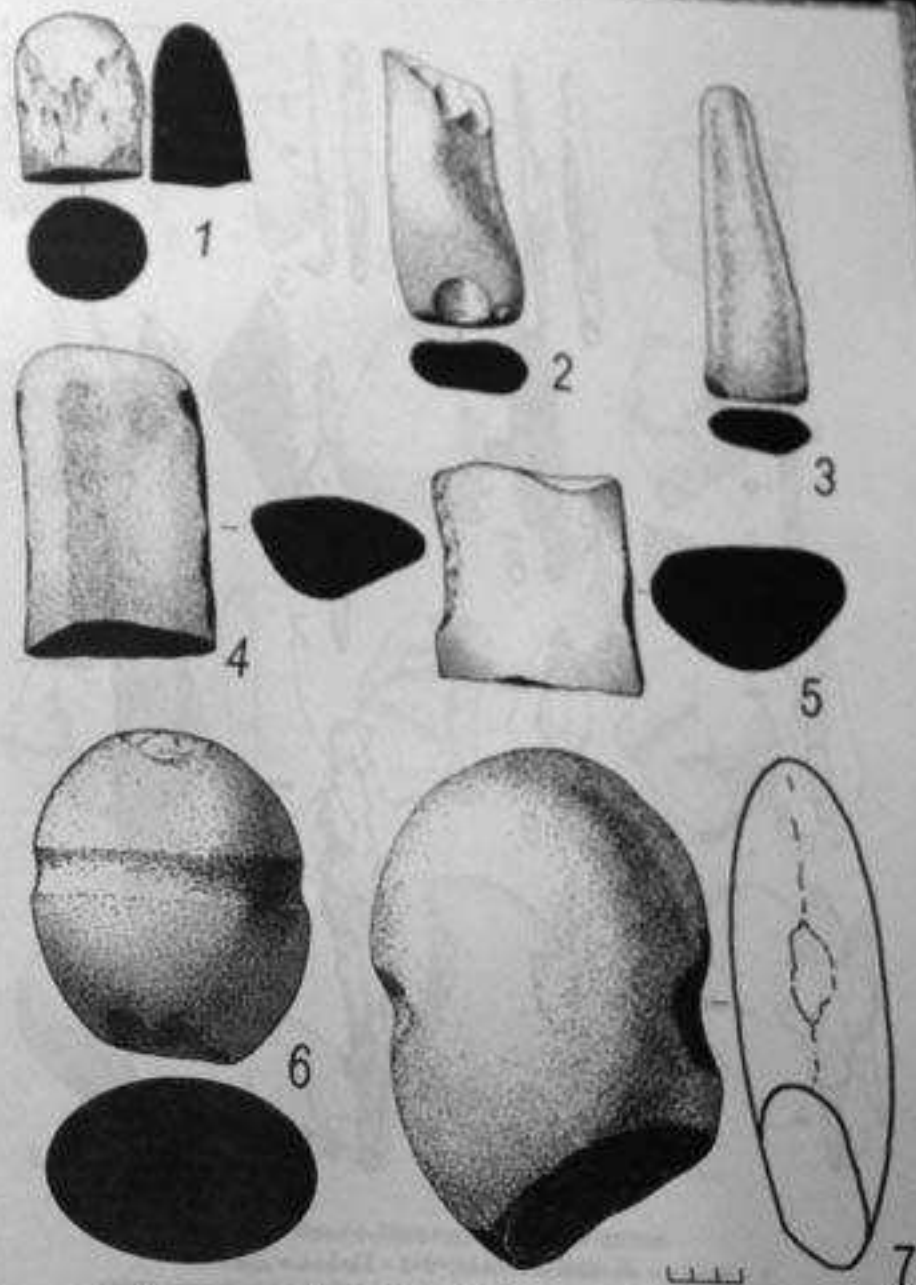

Рис. 59. Материалы ташкентского типа:
1-5 - фрагменты пестов, 6-7 - каменные молоты (1-5, 7 - Ташкент III; 6 - Ташкент IV)

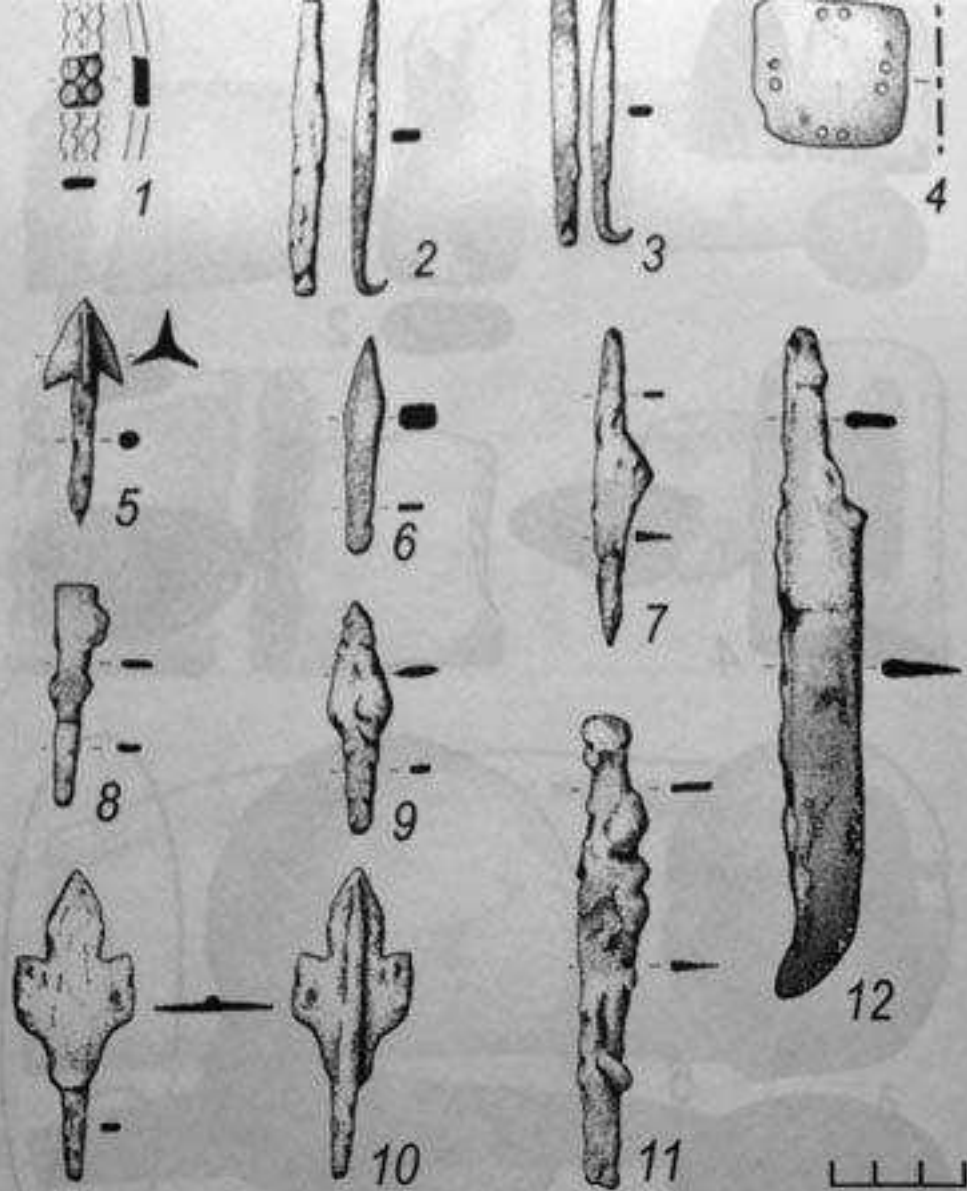

Рис. 60. Материалы таштыкского типа:

1 - фрагмент костяной пластинки; 2-3 - железные крючки;
 4 - железная панцирная пластинка; 5-6, 8-10 - железные наконечники стрел;
 7, 11-12 - железные ножи
 (1-3, 5-12 - Ташты III; 4 - Жаровская скальная стоянка)

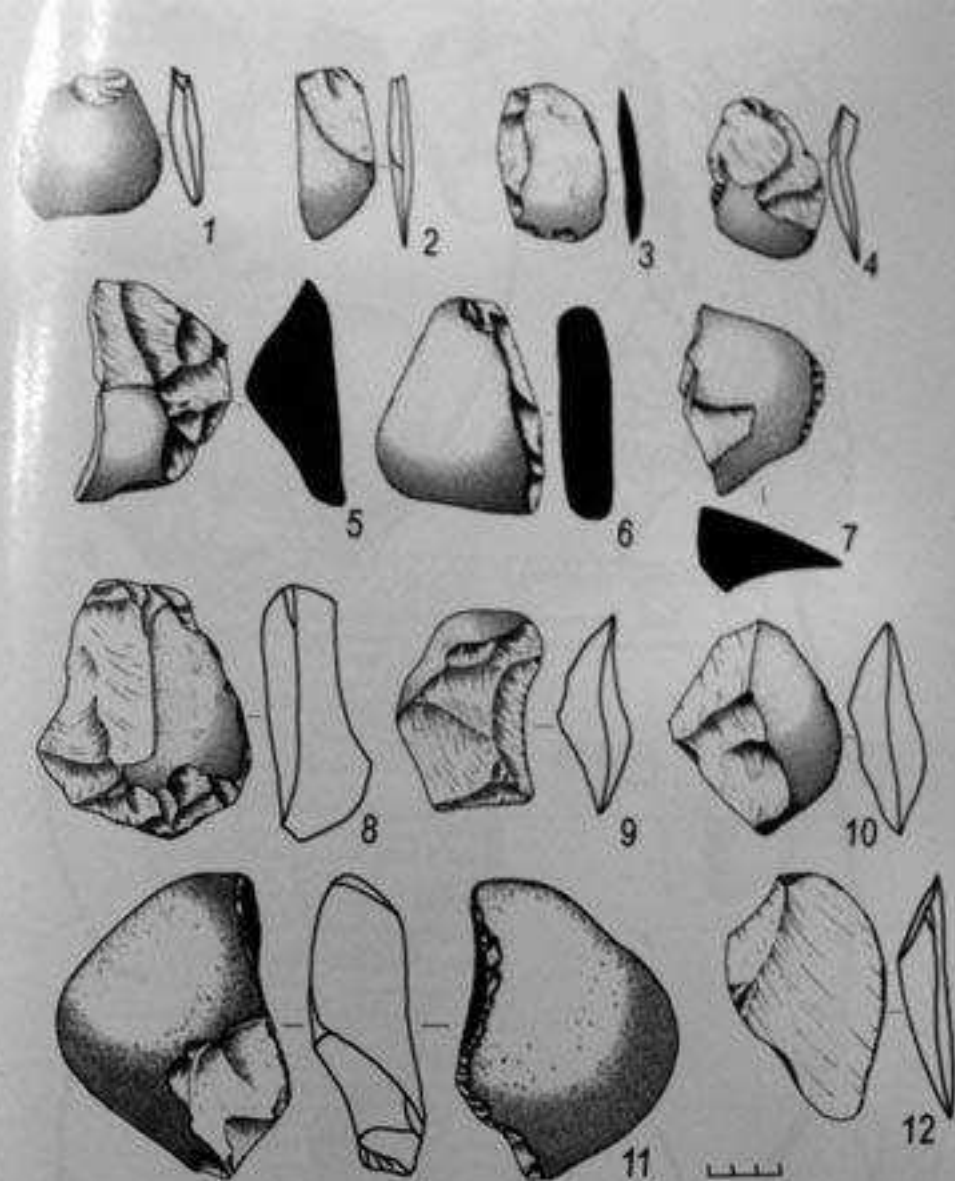

Рис. 61. Материалы таштыкского типа:

1-12 - рабочие камни (Ташты III)

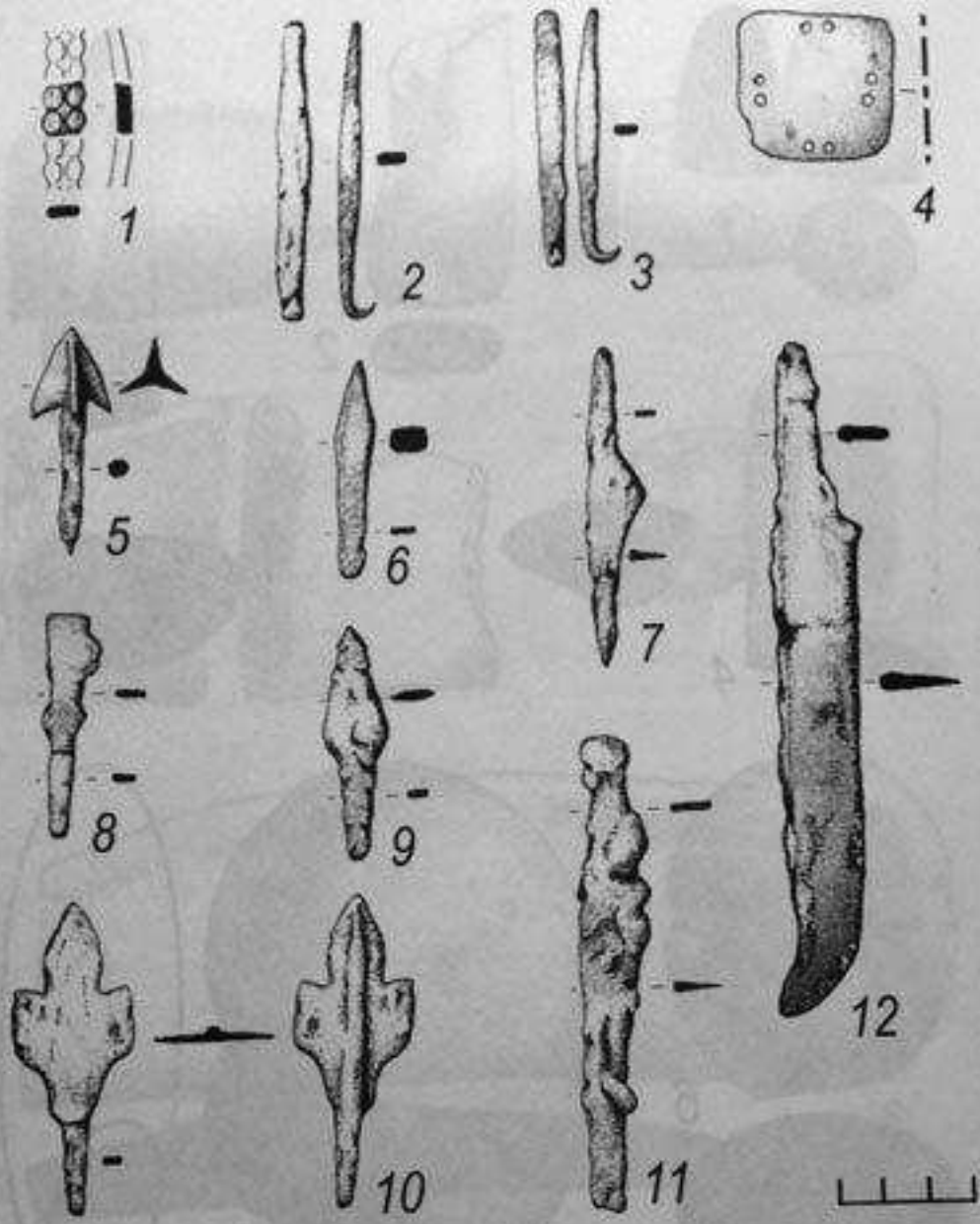

Рис. 60. Материалы таштыкского типа:

1 - фрагмент костяной пластинки; 2-3 - железные крючки;
 4 - железная панцирная пластинка; 5-6, 8-10 - железные наконечники стрел;
 7, 11-12 - железные ножи
 (1-3, 5-12 - Таяты III; 4 - Жаровская скальная стоянка)

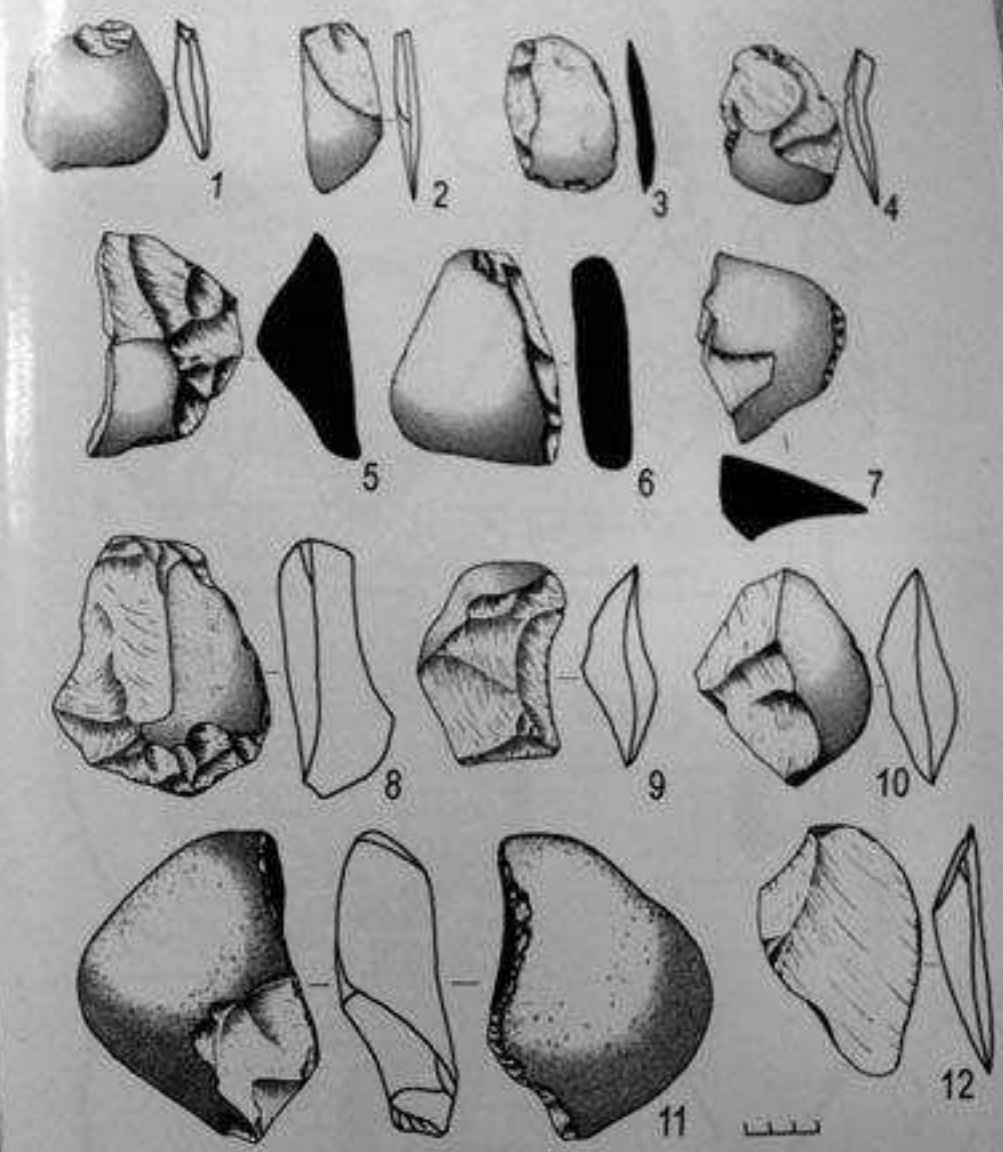

Рис. 61. Материалы таштыкского типа:

1-12 - рабочие камни (Таяты III)

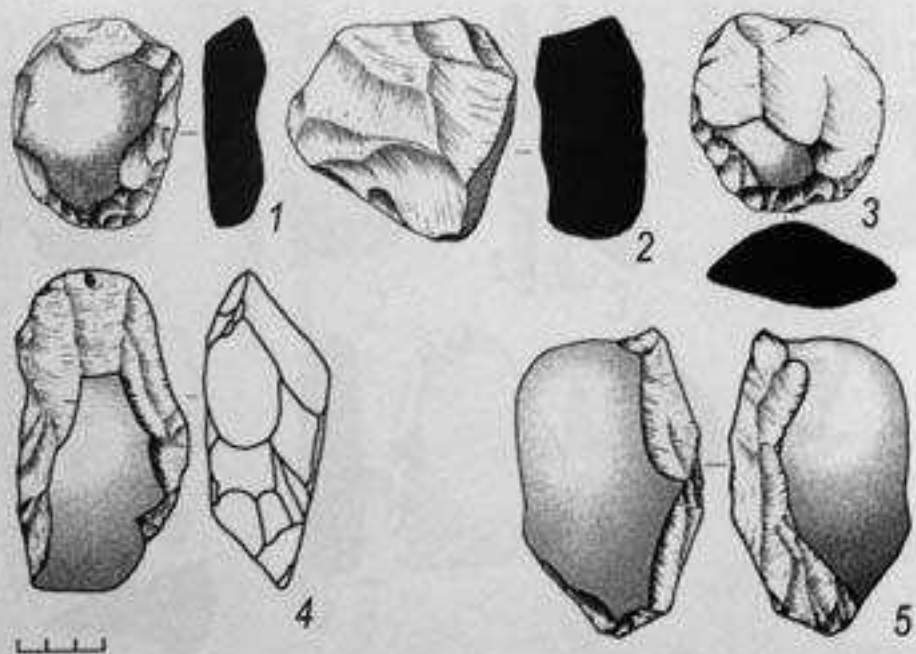

Рис. 62. Материалы ташкентского типа:
1-5 - нуклоидные камни и гальки со сколами (Ташты III)

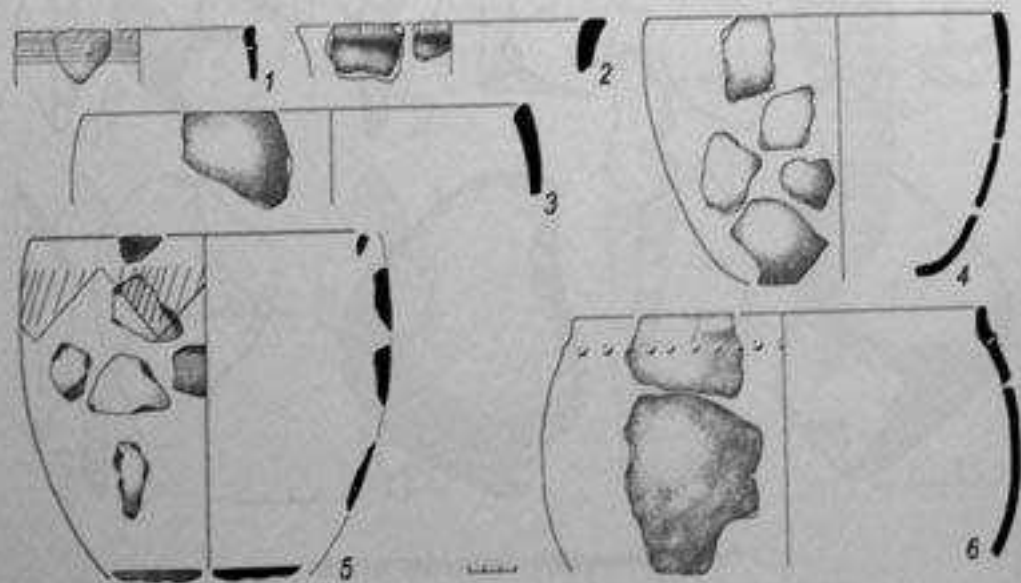

Рис. 63. Жаровская скальная стоянка:
керамика тагарского (1) и ташкентского (2-6) типа

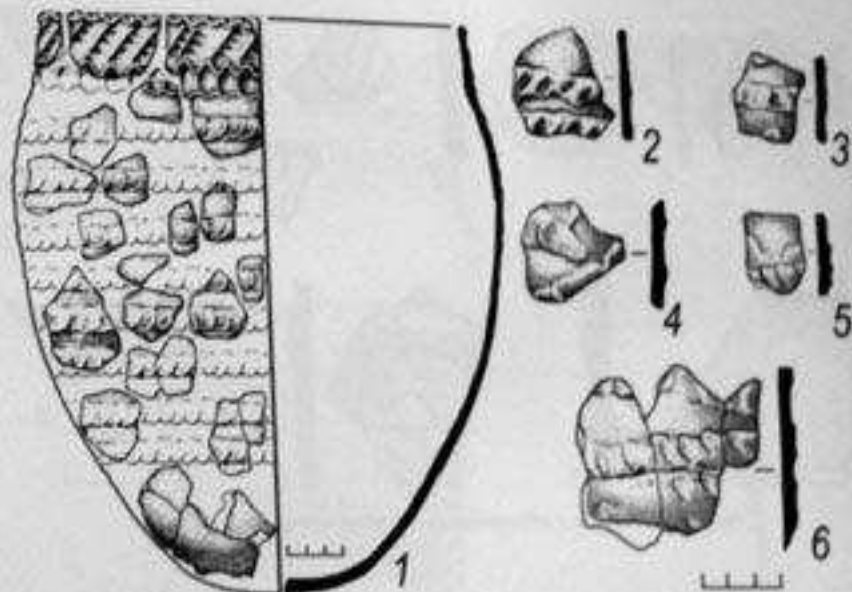
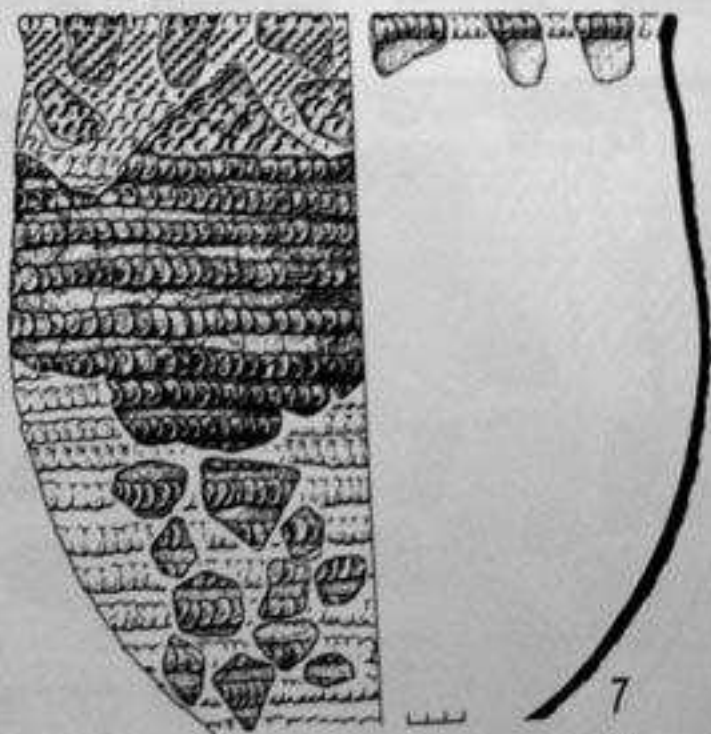

Рис. 64. Керамика с чешуйчато-ленточным декором:
1, 2, 5, 6 - Ташты IV; 3, 4 - Ташты III; 7 - Жаровская скальная стоянка

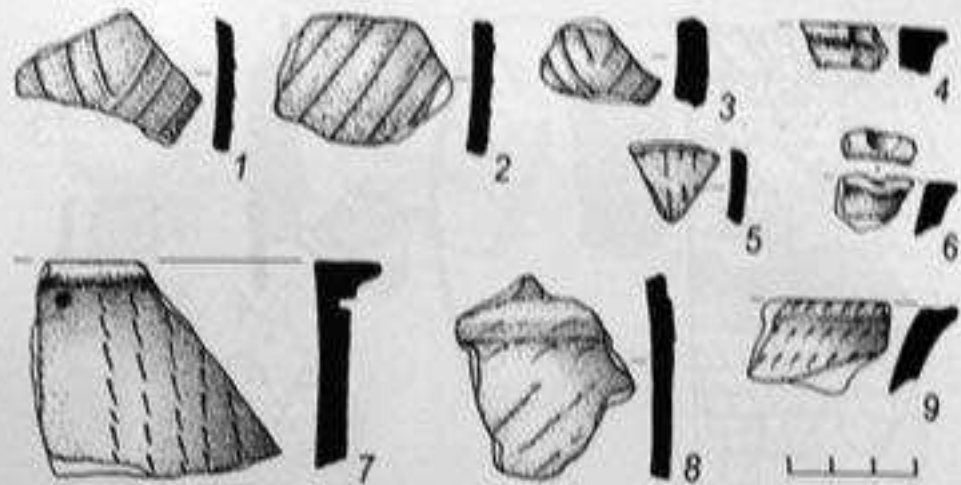

Рис. 65. Керамика с обмазочно-валиковым декором (Тяты II)

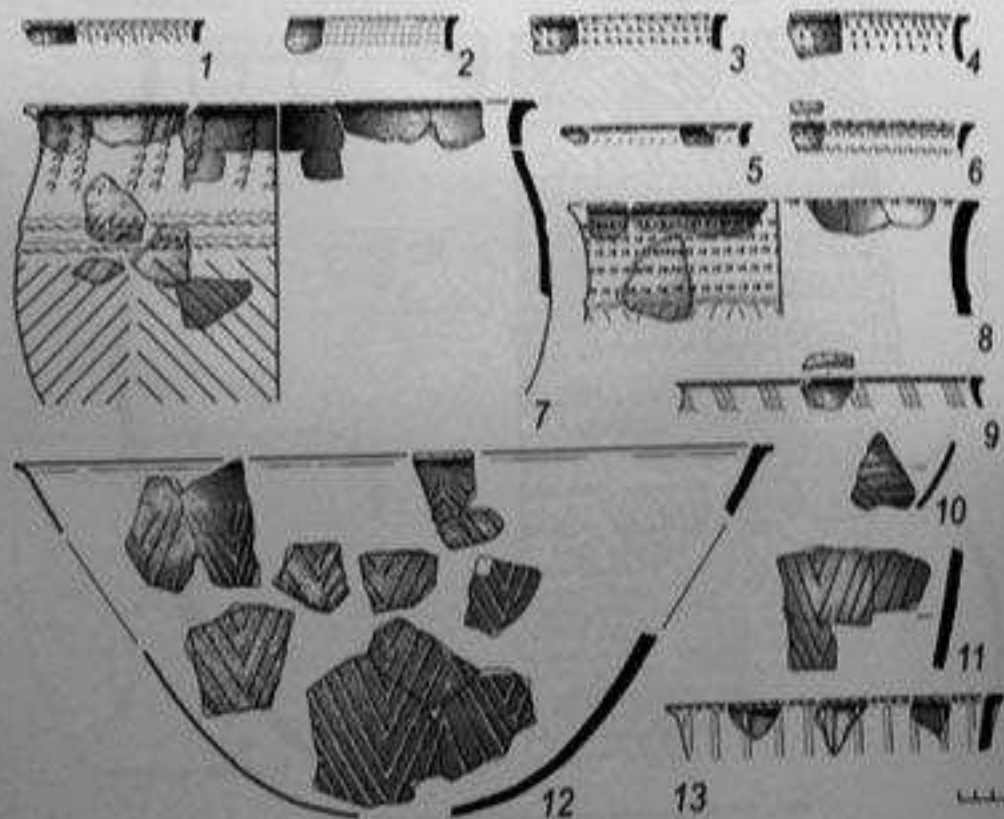

Рис. 66. Керамика с обмазочно-валиковым декором (Тяты III)

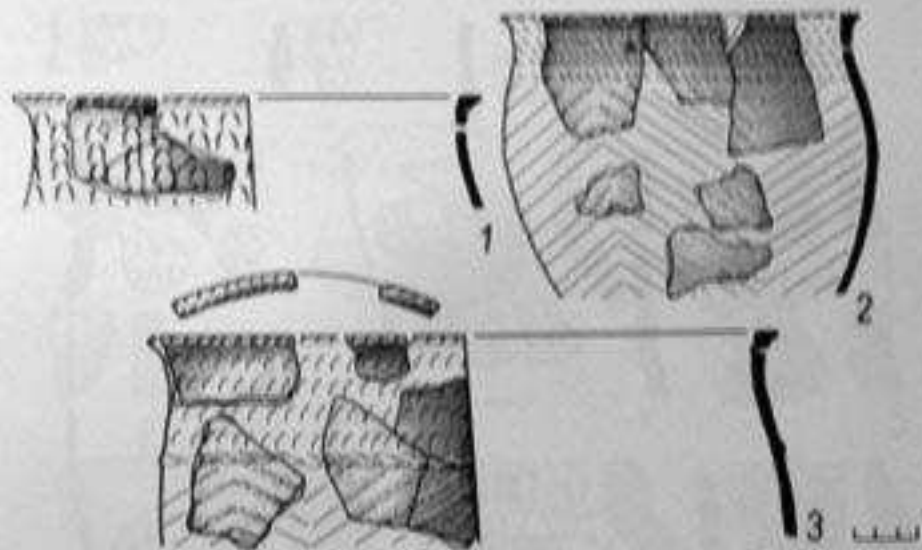

Рис. 67. Керамика с обмазочно-валиковым декором (Жарнякская сельская стоянка)

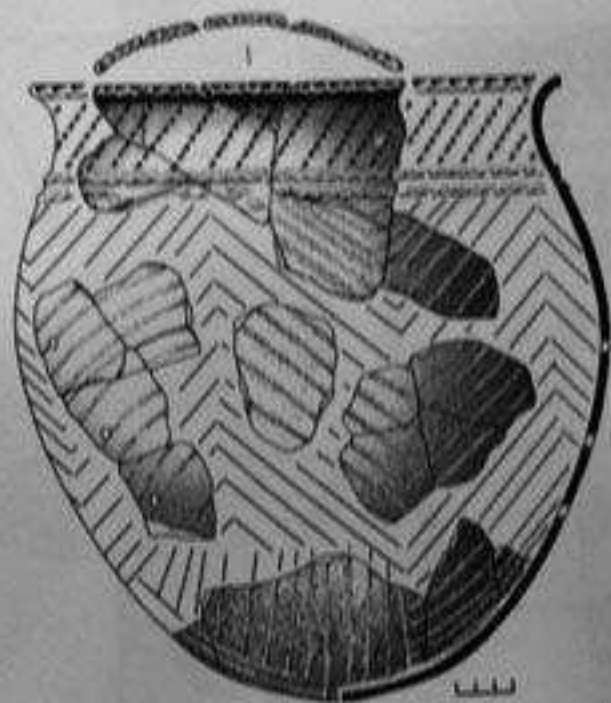

Рис. 68. Керамика с обмазочно-валиковым декором (Верхняя Мулга II)

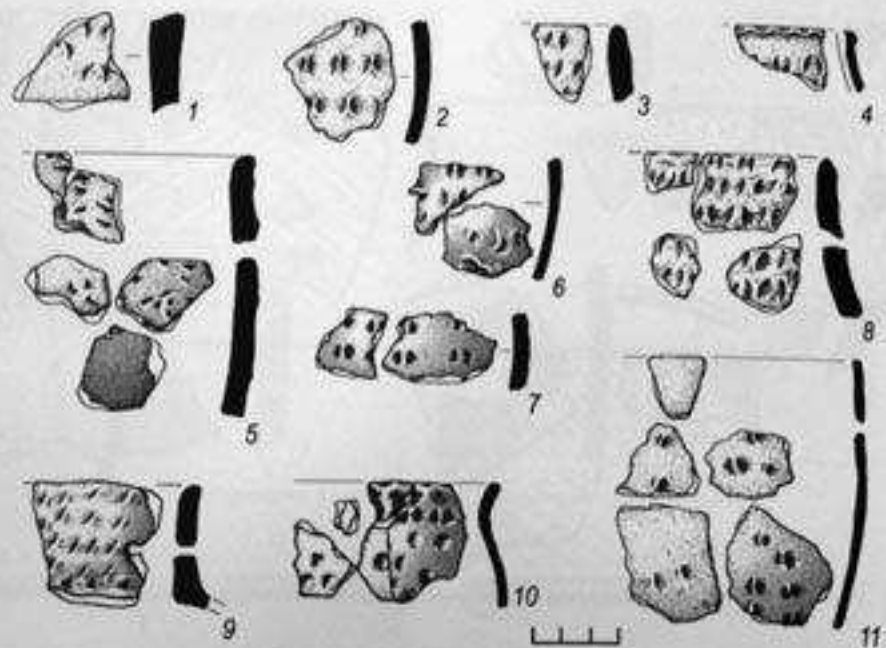

Рис. 69. Керамика с защитно-пальцевым декором (Таяты IV)

Рис. 70. Керамика, родственная посуде с защитно-пальцевым декором (Таяты IV)

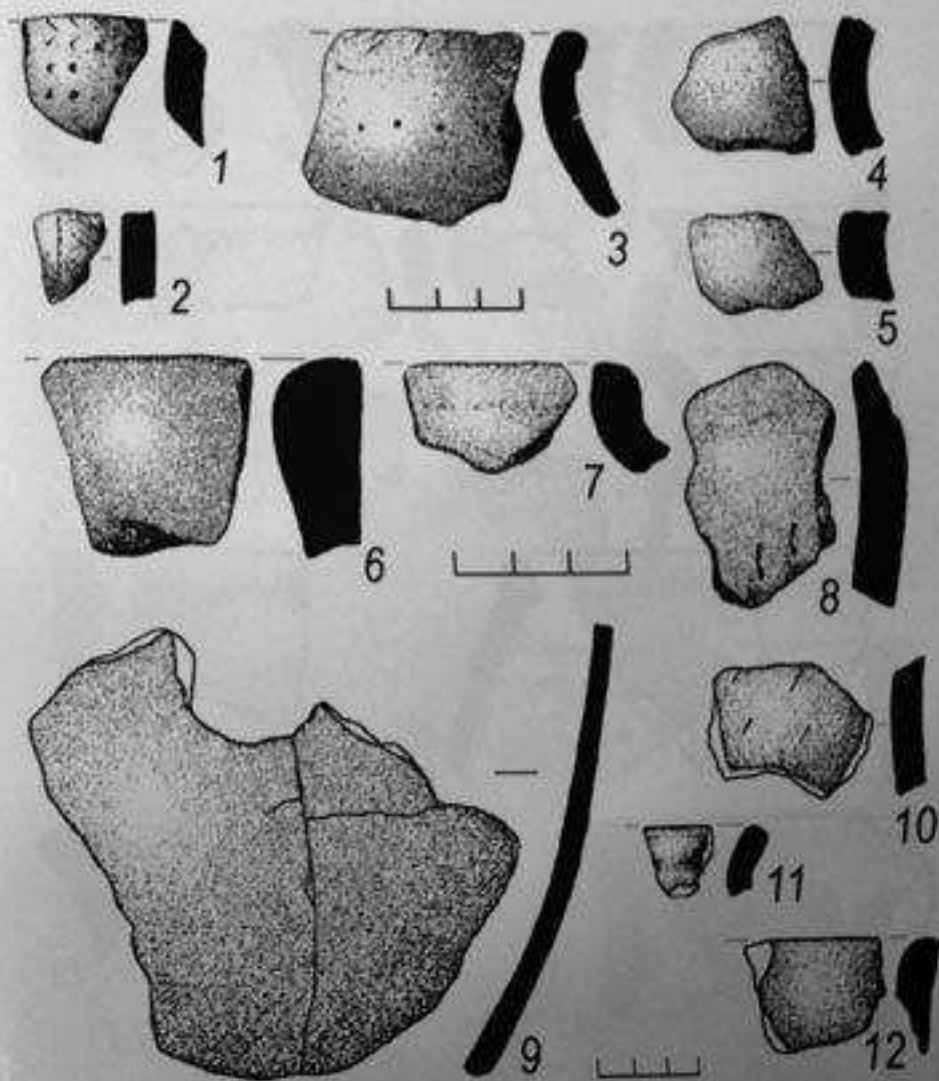

Рис. 71. Керамика эпохи раннего – разактовского средневековья
(1–5 – Таяты I; 6–12 – Таяты II, сборы)

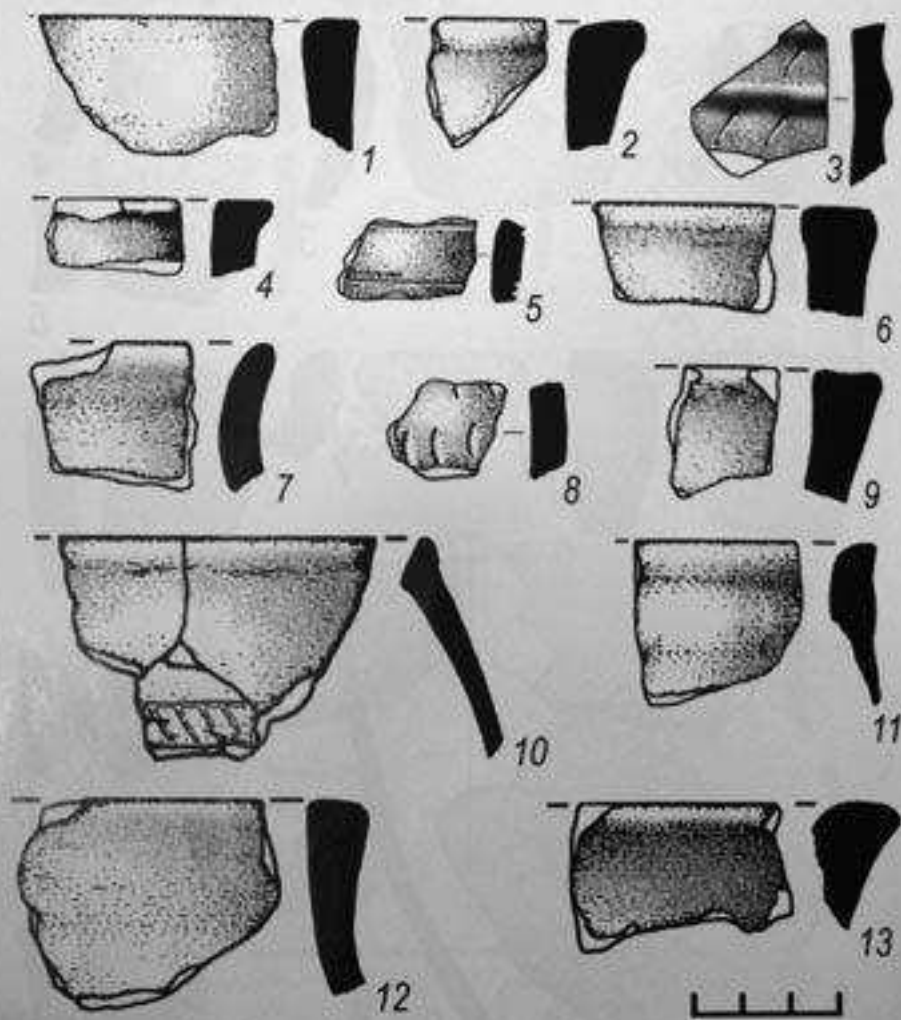

Рис. 72. Керамика эпохи раннего – развитого средневековья (Татлы II)

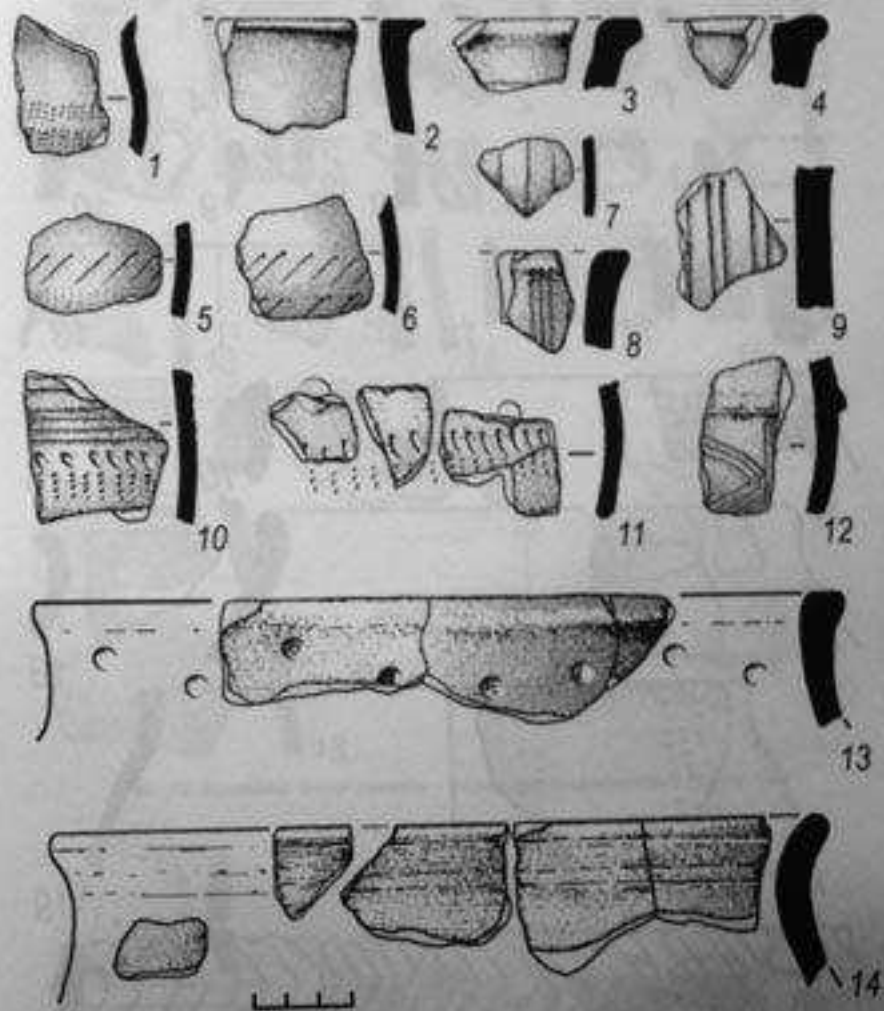

Рис. 73. Керамика эпохи раннего – развитого средневековья (Татлы II)

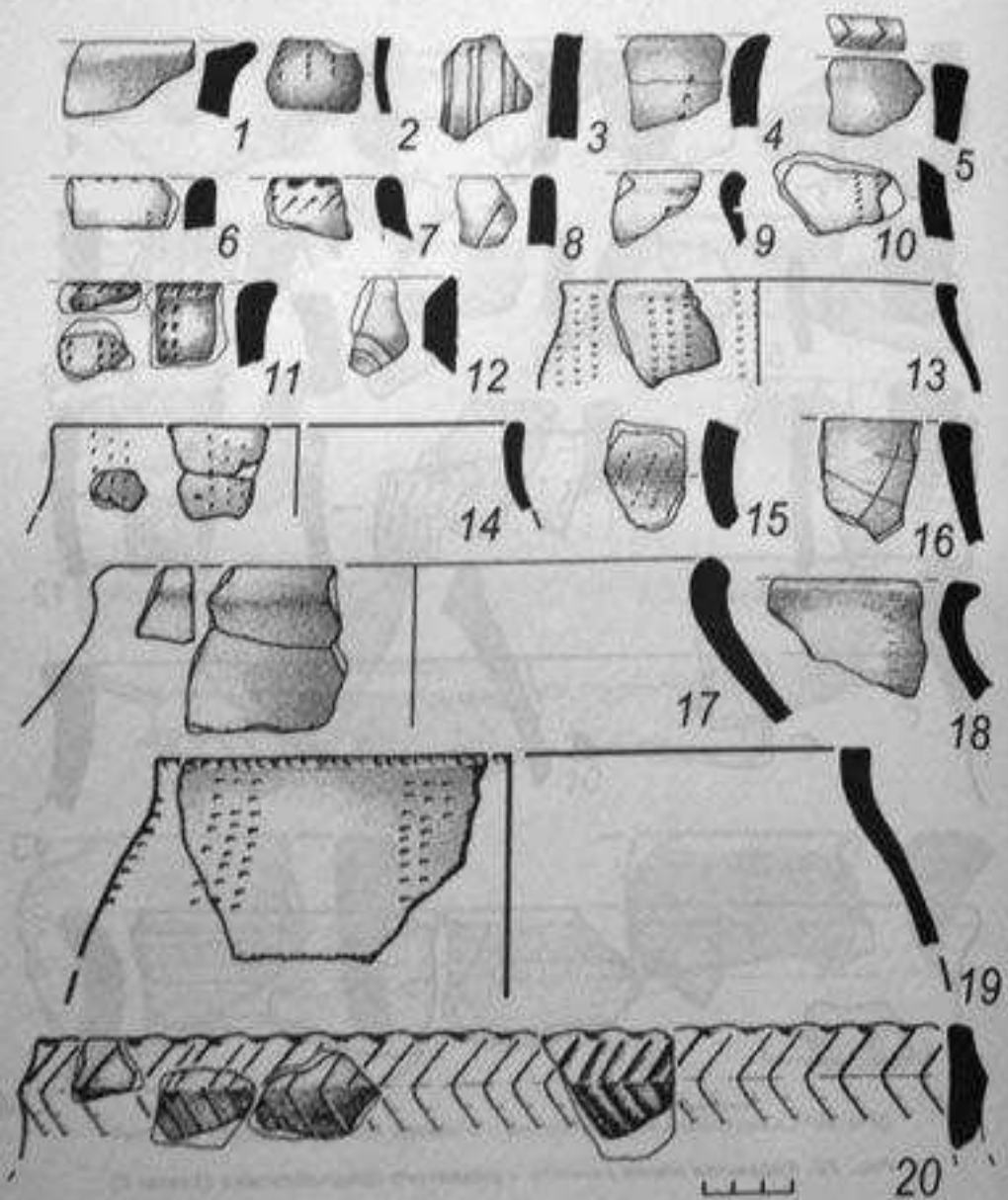

Рис. 74. Керамика эпохи раннего – развитого средневековья (Таймыр III)

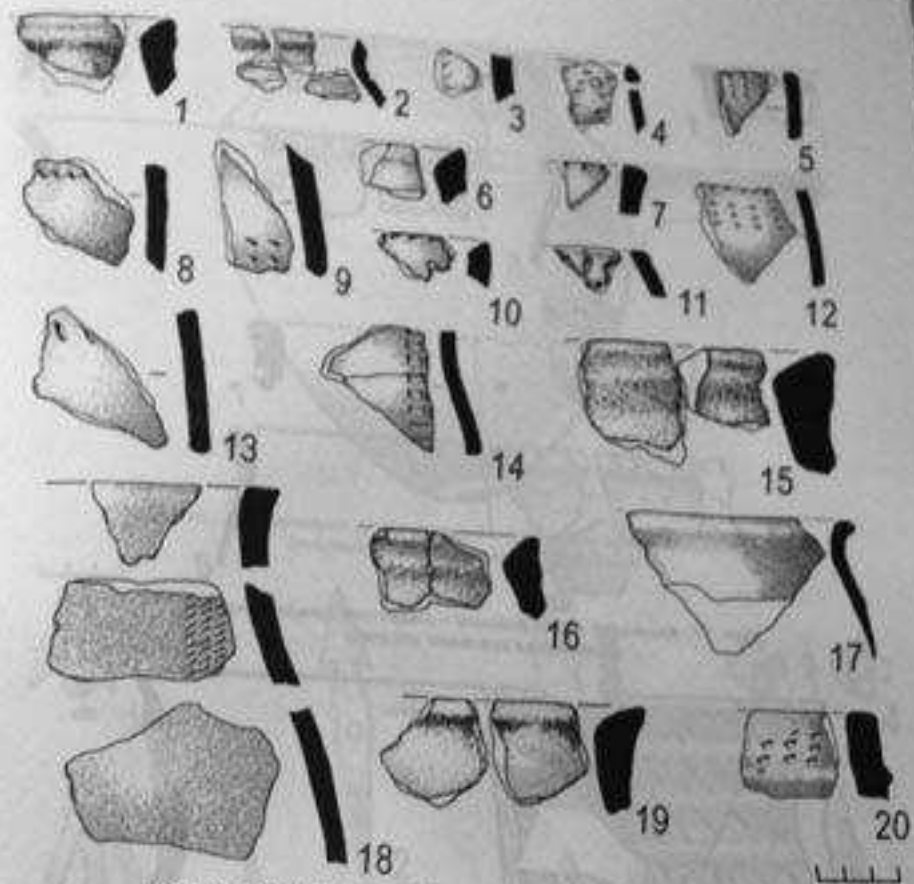

Рис. 75. Керамика эпохи раннего – развитого средневековья (Таймыр IV)

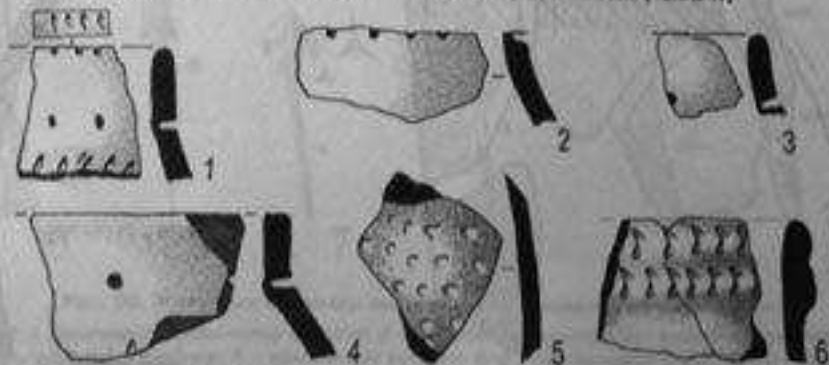

Рис. 76. Керамика эпохи раннего – развитого средневековья (1–4 – Демьянов ключ; 5–6 – стоянка на р. Тохтут) (без масштаба)

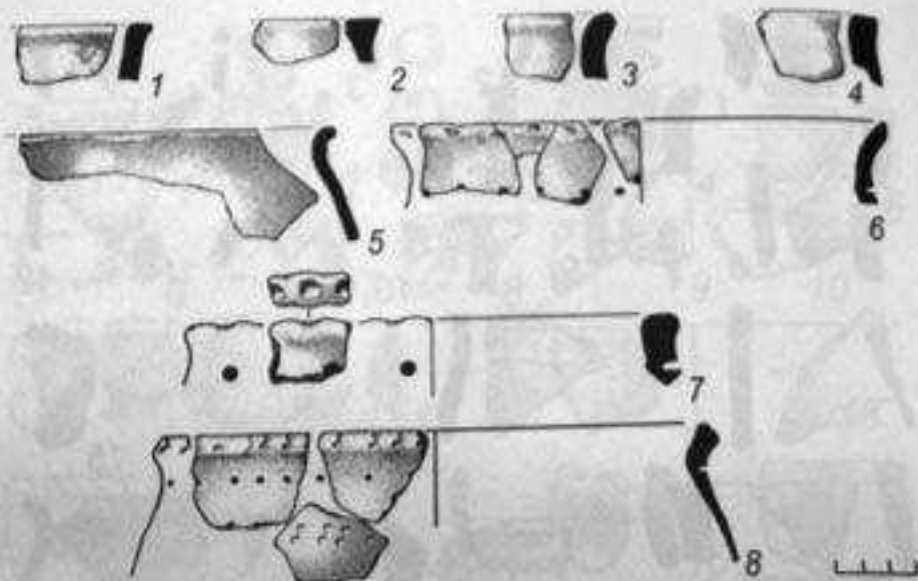

Рис. 77. Керамика эпохи раннего – развитого средневековья
(Жаровская скальная стоянка)

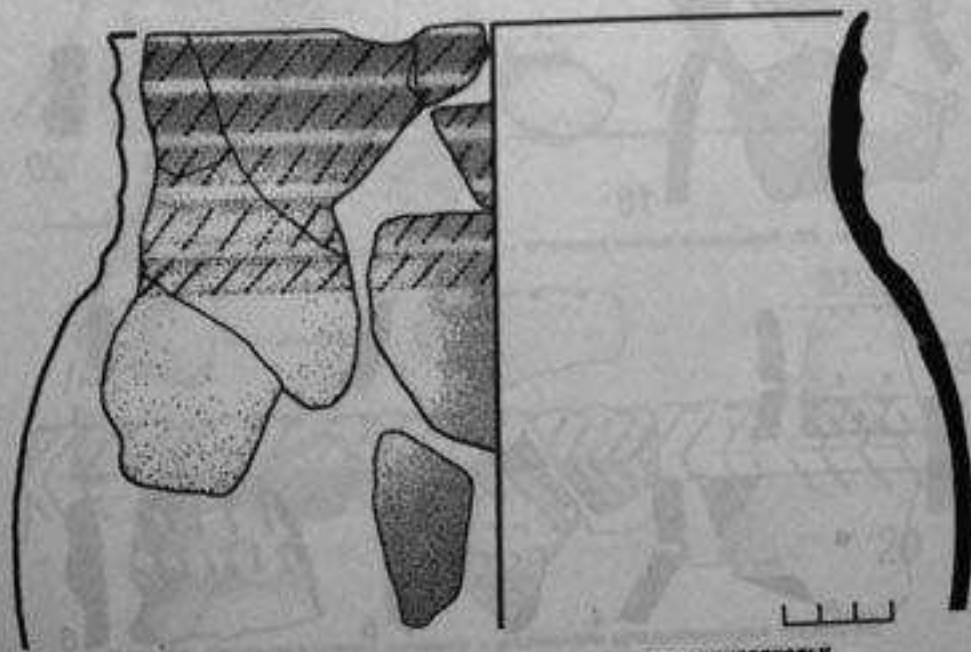

Рис. 78. Керамика эпохи раннего – развитого средневековья
(Жаровская скальная стоянка)

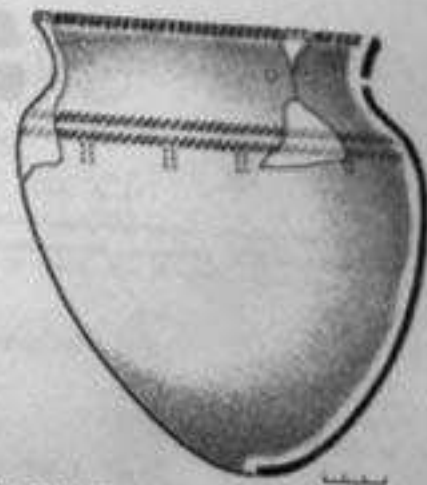

Рис. 79. Керамика эпохи раннего – развитого средневековья
(скальная пещера в верховьях р. Казы)

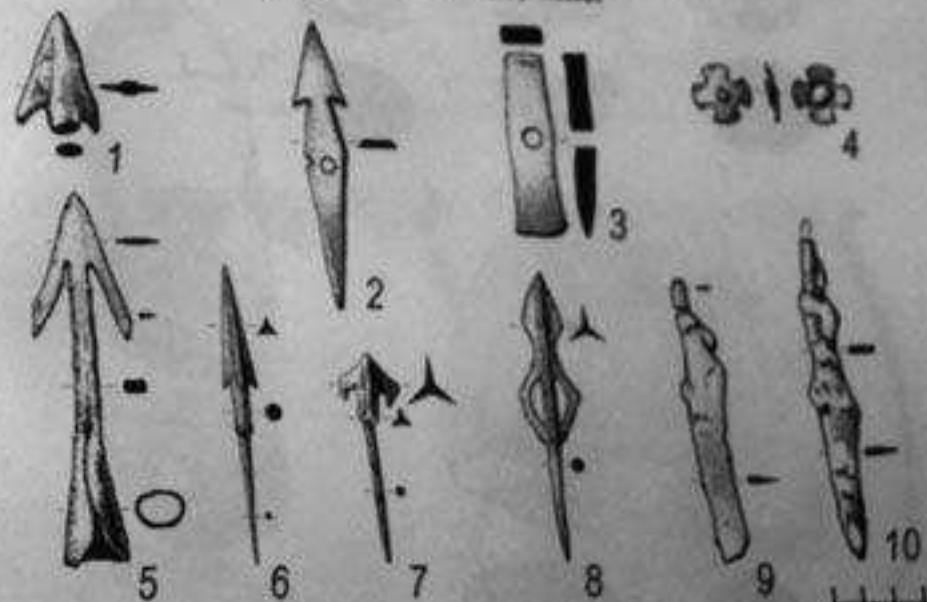

Рис. 80. Железные предметы эпохи раннего – развитого средневековья:
1 – фрагмент наконечника острого; 2 – рыболовный крючок; 3 – кузнечное долото;
4 – сбруйная планка; 5 – наконечник острого; 6–8 – наконечники стрел; 9–10 – ножи
(1, 10 – Талты III; 2–3 – Ташкентский хлед; 4–5 – Талты IV;
6–7 – жертвенное место Каменушка; 8 – Жаровская стоянка; 9 – Талты II)

Рис. 81. Предметы эпохи раннего - развитого средневековья:
1 - фрагмент наконечника сокола; 2-3 - фрагменты керамических пресел;
4 - каменный оселок (1-2 - Тагты III; 3-4 - Тагты IV)

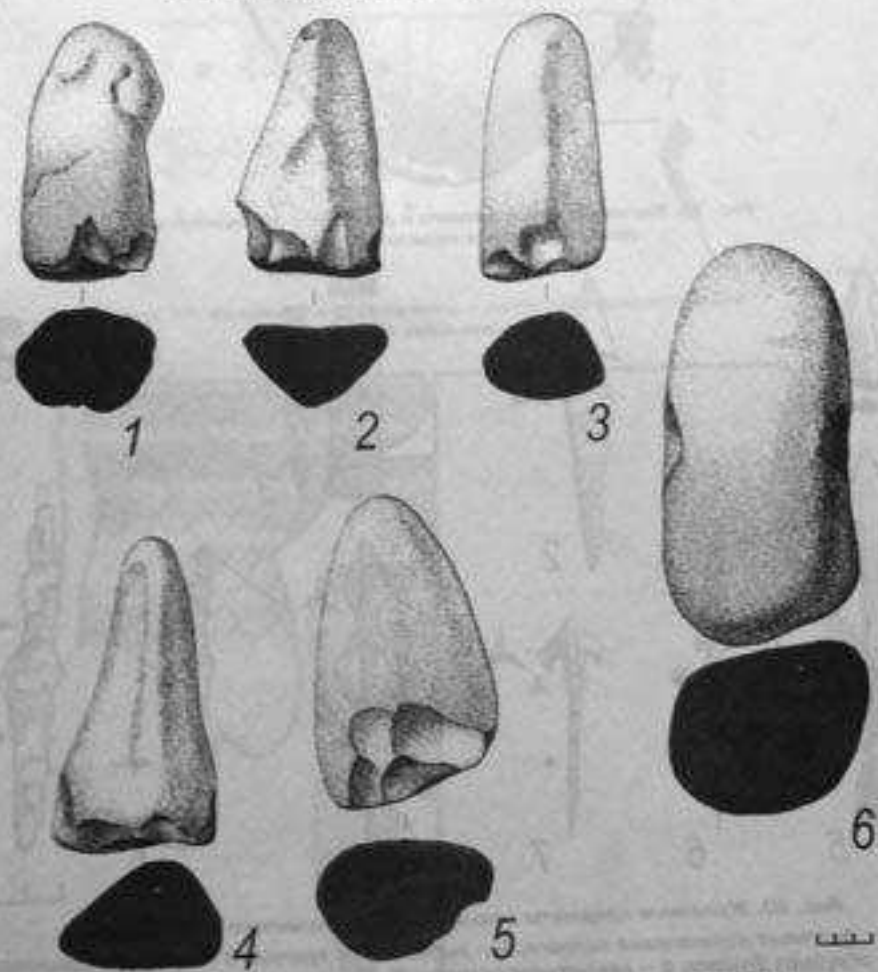

Рис. 82. Предметы эпохи раннего - развитого средневековья:
1-5 - галечные песты; 6 - каменный молот (Тагты III)

Рис. 83. Хатангская тундра Центральной Сибири

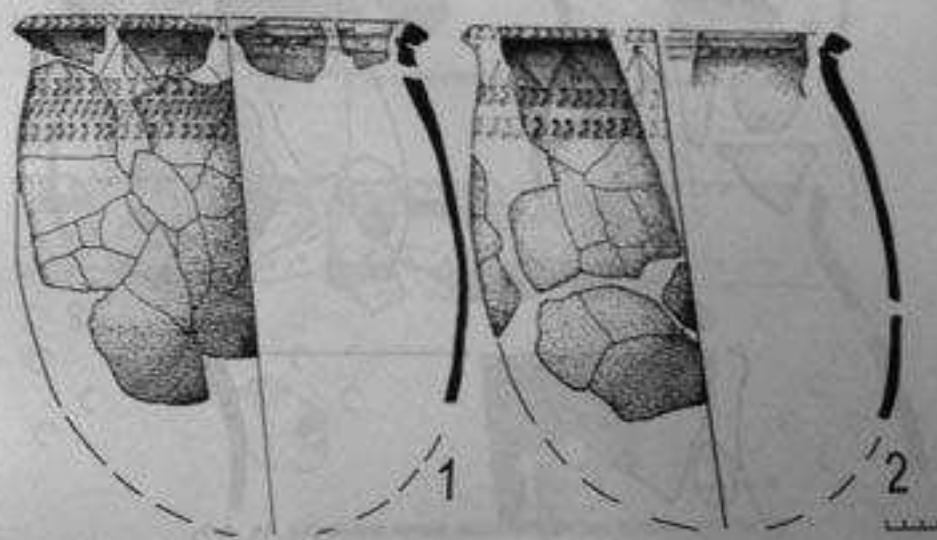

Рис. 84. Керамика эпохи позднего средневековья (Тагты IV)

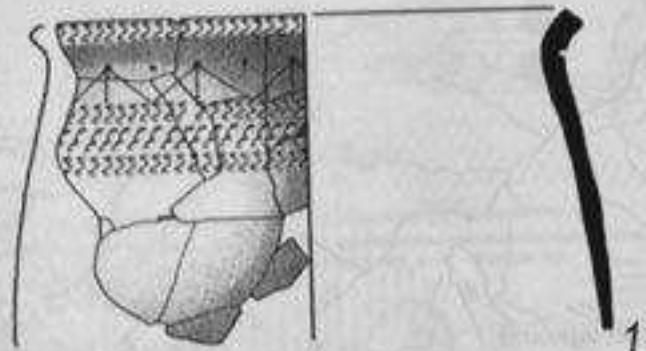

Рис. 85. Керамика эпохи позднего средневековья (Тяты IV)

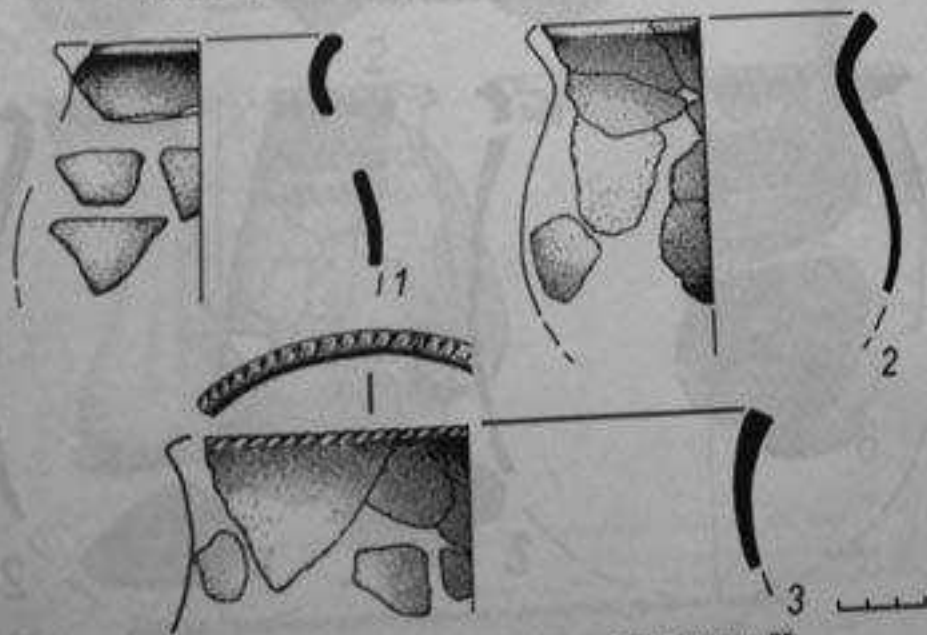

Рис. 86. Керамика эпохи позднего средневековья (Тяты IV)

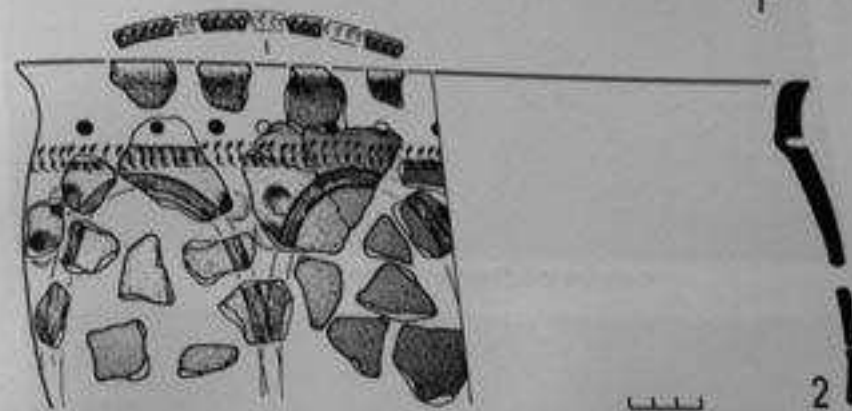
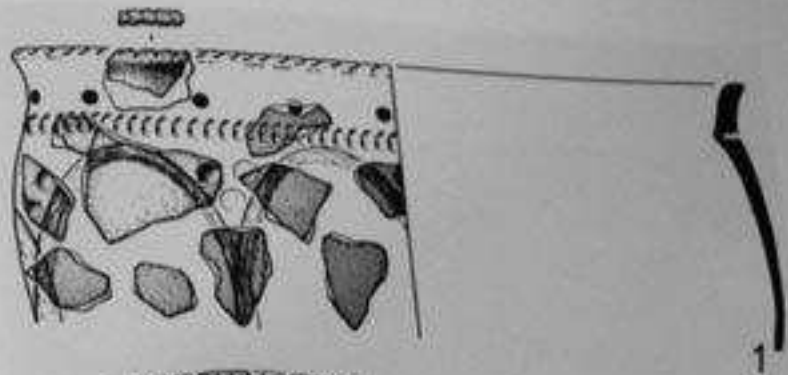

Рис. 87. Керамика эпохи позднего средневековья (Тяты IV)

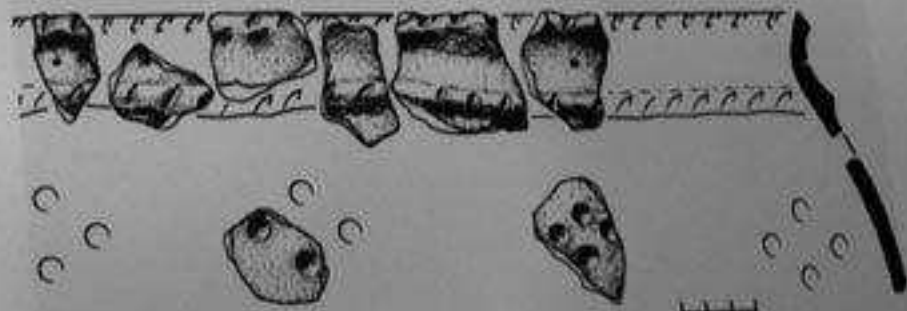

Рис. 88. Керамика эпохи позднего средневековья (Тяты IV)

Рис. 91. Работы на поселении Таяты III в 2006 г.